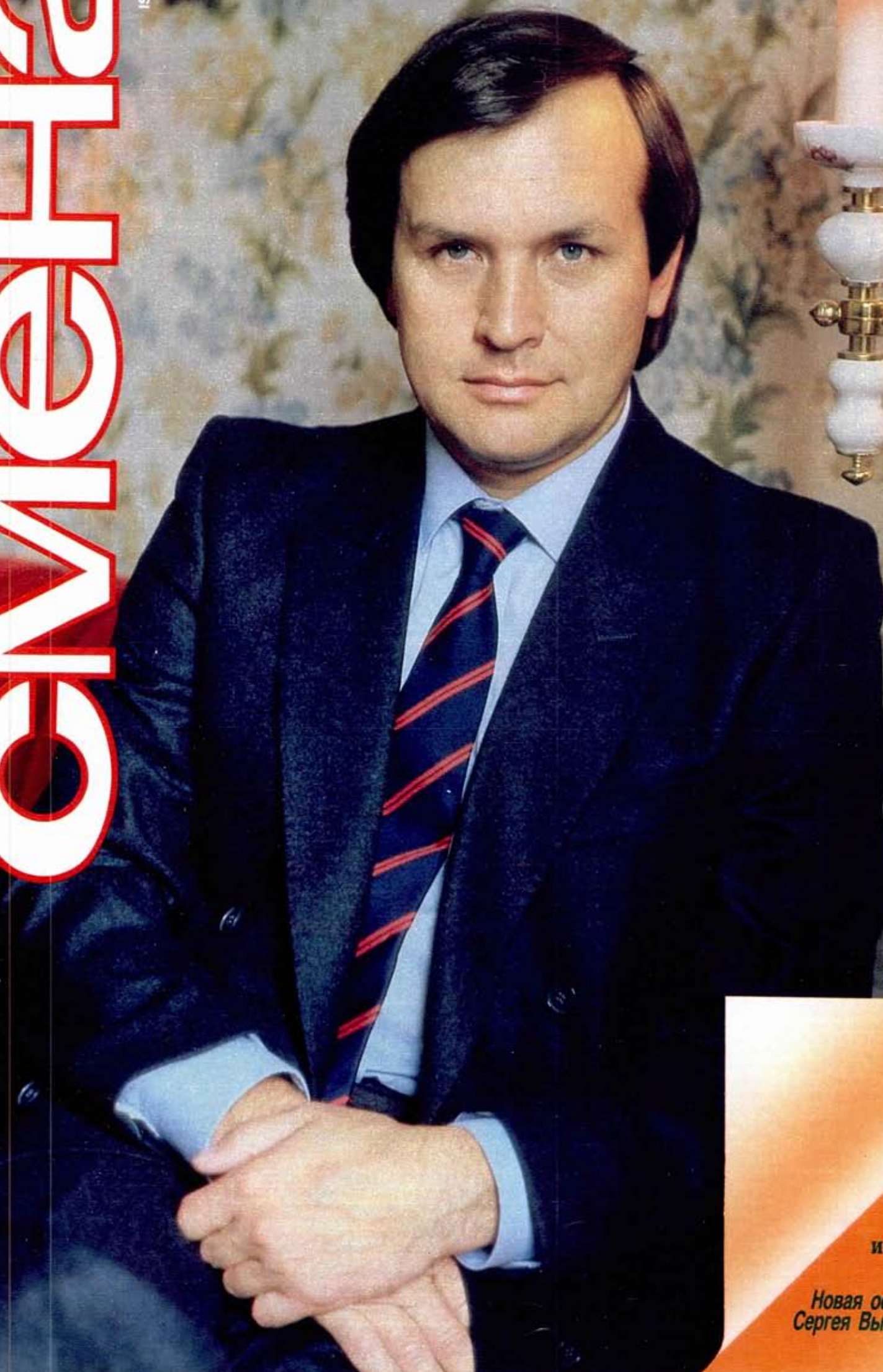

СМЕТЫ

ISSN 0131—6956

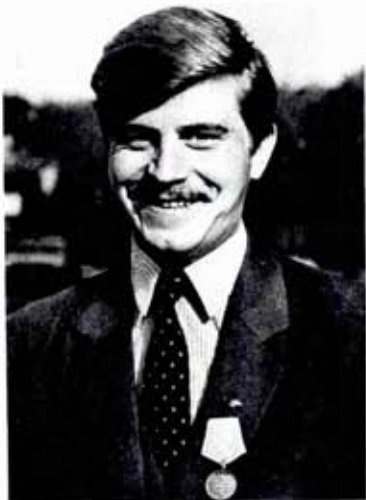
№ 20 (1426) октябрь 1986

*Молодежь —
за безъядерный
мир!*

*Социолог
исследует проблему.*

*Новая остросюжетная повесть
Сергея Высоцкого «Антиквары».*

Виктор САКОВ,
секретарь цеховой
комсомольской организации
треста «Стройиндустрия»
объединения
«Вологдагрозстрой».

О предстоящем возвращении со службы — проходил я ее в Афганистане — сообщил заранее. И вот подъезжаю на автобусе к своей родной деревне и вижу: стоят у околицы мои родители Анатолий Матвеевич и Мария Федоровна, четверо братьев и трое сестер. Обнял я их, а сам и поверить не могу, что уже на Родине, что лес, в который в детстве мы ходили по грибы, — вон он, через дорогу. И как-то по-новому ощутил понятия «отечество», «мир», «тишина». Потому что не все мои товарищи вернулись, как я, домой...

Там, в Афганистане, я глаза в глаза видел тех, кто мира не хочет, а мою Родину ненавидит. Русские агрессивны, они мечтают о мировом господстве, — утверждают наши противники. И это говорят те, кто подготовку к ядерной войне сделал крупнейшей государственной программой. Неужели же они, мечтающие о новом пожаре, возьмут верх? Этот вопрос с тревогой задают мои братья и сестры, мои родители, мои односельчане.

Ольга КАЙГОРОВОДА,
студентка Уральского
политехнического института.

Нынешним летом наш ССО «Любава», где я была комиссаром, работал в Новом Уренгое на отделке школы и детского сада. В один из дней мы пригласили в актовзый зал будущей школы рабочих «Уренгойгазстрой». Пригласили для того, чтобы провести общий антивоенный митинг. Привычной стала фраза: «За мир надо бороться». Но какое участие в этой борьбе можем принять мы, комсомолы, что зависит от нас? Такой вопрос должен задать себе каждый. С импровизированной трибуны митинга звучали слова тревоги за то, что происходит на планете. И, может, оттого, что слова эти были искренни, в переполненном зале стояла такая напряженная тишина. И мне подумалось: если бы по трубам трансконтинентального газопровода можно было передать не только газ, если бы какая-нибудь домохозяйка в Гамбурге или служащий в Неаполе, разжигающие по утрам свои конфорки, могли ощутить и миролюбие людей, которые этот газ добывают! Какую позицию выбрать — наблюдателя или борца? Мир, стоящий на краю пропасти, не оставляет времени для долгих размышлений.

Сергей МАРКОВ,
слесарь-инструментальщик
Владимирского
электромоторного завода.

«Папа, а что такое мораторий?» — спросила недавно моя дочь. Как мог, я попытался ей объяснить, почему уже много месяцев мы не испытываем свое самое мощное оружие, а американцы продолжают это делать. «Почему же они не хотят понять нас, согласиться с нами?» — не успокаивалась дочка. И я вновь, как мог, объяснил ей причину. Какие недетские вопросы стали задавать наши дети! Ей ли, пятилетнему ребенку, мучиться этими горькими думами?! Конечно, многого она пока не понимает, но то, что по злой воле в один день могут стореть и ее игрушки, и папа с мамой, и она сама, дочь уже знает, и это ее страшит и мучает. Так почему же эти вопросы не мучают тех взрослых людей за океаном, вопреки здравому смыслу испытывающих и испытывающих все новые виды оружия, само использование которого сегодня бессмысленно? У этих людей, вероятно, тоже есть дети. Страшит ли их то, что страшит мою дочь?..

Галина СУХОДОЛОВА,
врач московской детской
клинической больницы № 13
имени Н. Ф. Филатова.

Токсикология, лечение острых отравлений, — такова моя врачебная специальность. По небрежности оставленные родителями лекарства, различные химические вещества — вот причины страданий наших маленьких пациентов. Отравления бывают очень тяжелые, но нам все-таки чаще приходится иметь дело с единичными случаями. А если какими-нибудь маньяками будет пущено в ход химическое оружие? Да, существует Женевский протокол, запрещающий его применение, он, кстати, подписан и США. Но именно в арсеналах этой страны хранится столько отравляющих веществ, что их достаточно для многократного уничтожения жизни на планете. Мы знаем, что в последнее время участились утечки смертоносных токсинов в атмосферу. Мы, врачи, особенно хорошо понимаем огромную опасность страшного оружия, катастрофические последствия его возможного применения. Если такое случится, если произойдет всемирное отравление, помощь медиков уже не понадобится. Спасать будет некого и некому.

РАЗУМ И ЧЕСТНОСТЬ

Изучая процессы, определяющие суть нынешнего мира, мира, в котором мы живем, многократно приходили мы к формуле «момент истины». Выносили ее в заголовки книг и статей. Повторяли, не теряя ощущения ее значимости.

Но, вероятно, ничему иному столь безоговорочно точно не соответствует эта формула, как размышлению о том, быть или не быть новой войне. Ведь ситуация, в которой мы все, люди Земли, оказались, однозначна: быть или не быть войне не имеет сегодня иного смысла, кроме жестокого и определенного — быть или не быть человечеству, быть или не быть всем нам?

Мудрость и честность последних советских решений, приглашающих мир вступить в новую эру, основаны не на попытке извлечь выгоды из международной конъюнктуры. В фундаменте этих непростых решений заложены принципы, рожденные еще в 1917 году в Смольном, в дни и часы, когда опреде-

лялись контуры внешней политики социалистического государства.

Понятие «мораторий» еще не так давно было знакомо и понятно лишь дипломатам да тем, кто особенно пристально вглядывался в мировые проблемы. Сегодня нет, вероятно, на свете думающего человека, которого это понятие оставило бы равнодушным.

Почему? Любая дорога, как известно, начинается с первого шага. Истина несложная, житейски обдуманная. Но что такое первый шаг сложнейшего пути к ликвидации непостижимо громоздких завалов, похоже, безнадежно, навсегда забаррикадировавших человечеству поиск истины?

Вспомним время после Октября... Есть немало свидетельств: мыслившие современники, даже не разделявшие взглядов первого Советского правительства, с высочайшим уважением отзывались об интеллектуальном уровне людей, которых объединила ленинская мысль, об их бескорыстии, мужестве, достоинстве, честности.

Думается, что та ситуация, которая сложилась в наши дни, делает оправданной историческую параллель. Да, ныне руководство Советского государства, с огромной мерой ответственности отнесясь к противоречиям и трудностям международного процесса, нашло в себе смелость и широту взгляда для эпохальной инициативы.

Проблема нового, современного в самом важном измерении политического мышления из сферы умозрительных рассуждений переведена в сферу конкретного действия. Казалось бы, так просто... Но не в этой ли простоте глобальный размах подлинной, продуманной заботы о сегодняшнем и завтрашнем дне планеты, о праве людей на жизнь? Да, раньше оружие убивало человека. Сегодня оно способно убить человечество. И не допустить этого чудовищно бессмысленного, неоправданного финала — не просто один из вариантов возможных политических решений, это строгий и не имеющий альтернативы диктат разума.

Логика исторического развития не одолима. И, задумываясь над ее законами, не забудем об истоках государственной мудрости, продиктовавшей решения о моратории на ядерные взрывы и на его продление. Мир получил еще одну возможность осмыслить на нынешнем поворотном рубеже, как жить дальше. Слово Москвы, авторитетное и весомое, произнесено.

Ответ за Вашингтоном. Что возьмет верх — трезвость, продиктованная бесспорными реалиями ядерного века, или безрассудство, корни которого уходят в беспредметные и беспочвенные надежды одержать верх в ядерном противоборстве? Быть или не быть миру, Земле, человечеству? Может ли кто-нибудь, чем бы он ни руководствовался, ответить: «Не быть»?

Геростраты в ядерный век не имеют права на существование.

Наше время — время разума. Слишком высокой, кошмарно высокой оказалась бы для человечества цена безумия и безрассудства.

К XX съезду ВЛКСМ.
Анализ
назревших
проблем

ХОЧУ ПОНЯТЬ!

Давно уже меня и моих товарищей мучает вопрос: "Почему комсомольская организация стала такой доступной?" Мы справедливо беспокоимся об упадке престижа звания "комсомолец", так не эта ли доступность принизила роль, которую комсомол играет в жизни молодежи? Не это ли и породило все те многочисленные проблемы, которые сегодня стоят перед комсомолом?

Сейчас в комсомольских организациях страны проходит широкое обсуждение проекта нового Устава ВЛКСМ, который должен быть принят XX съездом ВЛКСМ. Уже и конкретные предложения можно прочитать в молодежных газетах. Например, предлагают "ограничить возраст пребывания в рядах комсомола до 25 лет" или наделять комитеты комсомола правом "ходатайствовать перед руководством предприятия о принятии административных мер наказания к нерадивым комсомольцам /лишение премий, снятие с очереди на квартиру, перенос отпуска и т.д./. Есть, по-моему, и совсем уж неприемлемые предложения: "пассивного комсомольца следует переводить на нижеоплачиваемую должность".

В общем, стремление поднять роль комсомола и активность каждого из его членов налицо. Но не забываем ли мы при этом, что в действующем Уставе ВЛКСМ в главе I пункт 4 есть такие строки: "В комсомол принимается передовая, преданная Советской Родине молодежь в возрасте от 14 до 28 лет. Прием в члены ВЛКСМ производится в индивидуальном порядке"?

У нас же, мне кажется, сложилась практика поточного приема в комсомол. Не принимаются лишь какие-то единицы. Но вот если ты не вступил сам - это не порядок. Вам не кажется знакомой такая "картина": на заседание комитета комсомола приглашается пока еще не комсомолец, и звучит вопрос: "Почему не вступаешь в комсомол?" После некоторого - вполне понятного - замешательства парня или девушку, приглашенных на заседание, начинают настоятельно уговаривать вступить в ряды ВЛКСМ. А они, между прочим, отвечают на эти уговоры так, как думают: "Да что мне делать в вашем комсомоле, только членские взносы платить?"

Вот так. Члены комитета несколько растеряны от такой откровенности, кто-то начинает робко перечислять достоинства жизни в рядах комсомола, но... при этом далеко не всегда сами комитетчики чувствуют себя на высоте.

Меня же в первую очередь сбивает с толку тот факт, что у нас вся молодежь - передовая! Ведь не бывает же так! И в этом легко убедиться, взяв в руки и прочитав любую из газет, где чуть ли не в каждом номере можно найти статью о тех негативных проявлениях, которые сегодня проникли в молодежную среду. Не получается ли тут некая уравниловка, когда мы говорим, что в комсомоле обязан быть каждый парень или девушка? Но ведь не любой же?! Не превращаем ли мы тем самым членство в комсомоле в обязательку?

Коммунистов у нас в стране 11 миллионов. Стать коммунистом очень и очень сложно - нужно обладать рядом достоинств /зато и спрос с них какой!/. Потому коммунист - это звучит гордо и почетно.

А комсомолец? Тут всяк подойдет. А мы потом недоумеваем: как же так - ты, комсомолец, и украл, нахулиганил, прогулял? Сами только и ждем того, чтобы в уставном порядке утвердить традицию, по которой принимаем в ряды ВЛКСМ всех подряд. Иначе как можно совместить "передового" и "нерадивого", "активного" и "пассивного"?

Я согласна с тем, что нельзя просто взять и отгородиться стеной от "плохих". Дескать, ты "плохой", и потому мы не хотим быть с тобой в одной организации. Нет, воспитательную работу проводить необходимо, но пусть при этом комсомол будет некой ступенькой, куда можно будет стремиться подняться.

И еще у меня есть некоторые соображения относительно комсомольского возраста. У нас большинство юношей и девушек учащается, то есть лет до 18-22, а то и больше находятся на содержании государства. А отдавать-то когда? Ведь самый весомый и существенный трудовой вклад в развитие страны можно внести именно в молодые годы. Да и осознание своей причастности к делам Родины в полной мере проявляется тогда, когда закончил учебу и вступил в настоящий трудовой коллектив. 25 лет - это как раз тот самый возраст, когда только становишься полноценным специалистом, когда можешь уже вести других за собой. Так зачем же ограничивать возраст пребывания в комсомоле 25 годами? Этак мы сами берем и отсекаем лучшую часть молодежи от активной, плодотворной работы в рядах Коммунистического Союза молодежи.

А вот что касается 14 лет, когда юноша или девушка могут быть приняты в комсомол, тут, я думаю, было бы правильнее несколько поднять возраст приема. Мне кажется, принимать в комсомол надо не в школе /где главным критерием оценки человека являются его отметки в классном журнале/, а постарше - хотя бы с 16-17 лет. Чтобы успели дорасти, осознать всю важность и ответственность взятых на себя обязанностей и прав. Во взносах, думаю, проигрывать не будет, а вот личная ответственность возрастет.

И не посмеет тогда никто посмеиваться при виде комсомольского значка на груди. И спрашивать с комсомольцев можно будет по самому большому счету.

Я не права?

Галина Калининна,
старший инженер ОТиЗ авиапредприятия,
п.Тикси Якутской АССР.

За что нас наказывают?

«Извините, что приходится обращаться к вам за помощью. В последнее время в ткацком цехе сложилась такая обстановка, что люди увольняются. Причина простая. После создания бригад мы стали терять в зарплате. За что нас наказывают?»

Работники коврового комбината

Владимир МОРОЗОВ

Такое письмо пришло в редакцию с коврового комбината из города Люберцы. Главный инженер Московского производственного коврового объединения, в которое входит комбинат, Виктор Семенович Курохтин внимательно читает жалобу и сразу все разъясняет:

— Рабочие пока просто недопонимают значение бригадного метода. Никто их, конечно, не наказывает.

— И заработок у них несколько не

жени шофера, который попытался бы управлять сразу двумя автомобилями. Естественно, при такой технологии помочь соседке работница может лишь тогда, когда ее собственный станок по каким-либо причинам стоит. А простоя тут, понятное дело, стараются всячески избежать.

И еще одна существенная деталь. Поскольку ткачиха обслуживает только свой станок, то и учет сделанного идет индивидуальный. Другого быть не может.

Но тогда позволительно спросить: что же делает эту группу людей бригадой?

думать, — поддерживает Ильичеву главный инженер Курохтин. — Бригады для того и создаются, чтобы воспитывать людей.

Конечно, зачем же о деньгах думать, если они чужие, не из твоего кармана взяты. А что до воспитания...

— Нам, молодым, теперь вроде бы и расти незачем, — говорит Ольга Лобанова. — Агитируют нас: вы, мол, повышайте квалификацию. А что толку, все равно бригада всех сравнивает. Да нам еще не так обидно, у нас в коллективе все молодые. Но большинство бригад — смешанные. Заслуженная ткачиха рядом с новенькой. Опыт разный и показатели тоже. А премия одинаковая.

— Действительно, выходит, мы зря тут по двадцать лет отработали, если нас к зеленым новичкам приравняют, — сетует Ирина Георгиевна Бывшева.

— Старайся или не старайся, все равно ты без вины виноватым окажешься, — вторит ей Нина Александровна Курочкина.

Того же мнения и многие другие ветераны цеха. Они отдали предприятию не один десяток лет, воспитали немало учеников, не раз награждались за отличный труд, за наставничество, за

иной товарищ. Звучит солидно, почти самокритично. А на предприятии — просто, авралы, приписки, — словом, полное безобразие. И не резервы надо вскрывать, а это безобразие ликвидировать.

То же и с «совершенствованием» КТУ. До сих пор коэффициент трудового участия в цехе не работал. Одно название, а настоящие КТУ, считай, и не было. Теперь будет. Так, во всяком случае, считают в объединении. Отдел труда и зарплаты исправляет свой явный просчет. Что ж, лучше поздно, чем никогда. Только стоит ли свою запоздалую попытку маскировать красивым словом «совершенствование»?

Тем более что и новый КТУ не ликвидирует главной несообразности — когда, как в случае с молодой ткачихой Ольгой Лобановой, просто нечего делить по КТУ, премии лишена вся бригада и хорошего работника наказывают автоматически.

Впрочем, беспокоит ли кого здесь эта несообразность? Пошла ткачиха с жалобой в отдел труда: помогите. Там сказали начальнику цеха: да заплати ты ей, чтобы не жаловалась. Начальник цеха и хотел вроде бы так сделать, но бухгалтерия отказала.

Слова, не подкрепленные делом, полуправда, нежелание видеть истинное положение вещей, привычка делать только то, что прикажут... — вот с чем столкнулись молодые рабочие.

уменьшился, — вступает в разговор начальник отдела труда и зарплаты объединения Раиса Александровна Ильичева. — Бригады очень способствуют росту производительности.

Ну что ж, так оно и должно быть. Для того людей и объединяют в бригады, чтобы была взаимопомощь, взаимозаменяемость, чтобы люди лучше, производительнее трудились и соответственно больше зарабатывали. Лучше и больше — просто, как апельсин. Однако принципы, положенные в основу бригадного метода, надо еще воплотить в жизнь, внедрить. И тут, на пути от теории к практике, немало трудностей, потери здесь бывают весьма тяжелые. Как реализуются прекрасные бригадные принципы в ткацком цехе?

— Планы нам теперь повышают, и работаем мы больше, — рассказывает молодая ткачиха Ольга Лобанова. — Но вот оплата труда несправедливая.

В апреле бригада Петра Машкова, в которой состоит Лобанова, не выполнила план, и за это все лишились месячной премии. Что ж, все правильно: премию надо заработать. Но дело-то в том, что сама Лобанова ее заработала, задание перекрыла. Кстати, не только в апреле. Не случайно Лобанову назвали в числе лучших ткачих объединения в приказе, посвященном Дню работников легкой промышленности.

— Никакого противоречия нет, — поясняет начальник цеха Владимир Андреевич Кисленко. — Лобанова всегда хорошо работает. Среди молодых ткачих она бесспорный лидер. Способная девушка и старательная. А в апреле наказали ее за бригадные показатели. Ведь если люди объединены в бригаду, то должны отвечать друг за друга, учить новичков, подтягивать отстающих.

Ткачихи стараются помочь молодым. И в бригаде делают это охотно. Но расплачиваться за других? В цехе такое оборудование, что работница буквально привязана к своему станку. Ей некогда, а главное, не положено отвлекаться от него. Расширить зону обслуживания за пределы своего станка просто нельзя. В этом случае ткачиха окажется в поло-

Что их объединяет? Только премия, которую они получают за выполнение бригадного плана? Так ведь это, строго говоря, вовсе не бригадный план. Это сумма индивидуальных заданий. И нередко получается так, как с Лобановой: передовик попадает... в отстающие, наказываются ни за что. Просто «за компанию» с не выполнившим задание соседом.

Теперь представьте, что завтра издадут в ковровом объединении приказ, который будет начинаться словами: «Невиновных — наказать, а непричастных — наградить». И далее списки тех и других. Смешно, конечно. Никто такого приказа никогда не издаст. Однако берусь утверждать, что теоретически невозможный приказ тем не менее исправно действует. Каким образом?

Перед нами итоги работы бригады Николая Ивановича Кирсанкина за месяц. Опытные ткачихи Вера Ивановна Семенова, Ирина Георгиевна Бывшева, Вера Васильевна Ковалева, как всегда, сработали отлично. Но у молодых опыта мало, случаются и срывы. А так как молодежи в бригаде большинство, то отстающие определили результаты всего коллектива. Из-за этого бригада получила не 45, а 20 процентов премии.

Мало это или много? Для кого как. Ведь отстающие и этого не заработали. Но их, непричастных к скромным успехам коллектива, все-таки наградили незаслуженной премией. Администрация расщедрилась, конечно же, не за свой счет и не за счет предприятия. Средства на эту незаслуженную премию забрали у передовиков. Грубо говоря, отняли честно заработанное. Сказать мягче, перераспределили. Чтобы всем сестрам по серьгам. Такая операция испокон веку называется уравниловкой.

— Это не уравниловка, а воспитательная мера, — упорствует Раиса Александровна Ильичева. — Это коллективная ответственность за результаты труда.

Но труд-то здесь был и остался индивидуальным! Почему же ответственность коллективная?

— Мы должны не только о деньгах

активную общественную работу. Эти люди — рабочая гвардия коллектива. Тогда отчего вдруг решили «воспитывать» гвардейцев, наказывая их за неумелость новобранцев? Кстати, о последних, о новичках. Их тоже не забыли, их тоже воспитывают, причем весьма своеобразно — приплачивая за несделанную работу.

Да молодежь и не очень-то хочет таких, с позволения сказать, льгот. Поблажка может быть и оскорбительной. Кроме того, она отнимает стимул к росту.

— Об этом у нас и на комсомольском собрании уже не раз заговаривали, — рассказывает комсорг цеха бригадир Владимир Клочков и тут же признается: — Правда, ничего мы пока не решили.

Волода не только комсомольский лидер цеха, но и председатель совета бригадиров всего Люберецкого коврового комбината. Правда, избрали его в председатели совсем недавно. Но и на заседаниях совета он уже успел услышать то же недовольство системой стимулирования. И если на комсомольском собрании об этом робко «заговаривали», то на совете бригадиров возмущаются в полный голос.

Но странно, администрация никакой тревоги не испытывает. На вопрос, как собираются устранять явную несправедливость, мешающую людям нормально работать, Раиса Александровна Ильичева отвечает:

— Совершенствуем КТУ. Теперь коэффициент трудового участия будет точнее учитывать личный вклад каждого.

Совершенствование — красивое слово, современное. О совершенствовании КТУ много и охотно рассказывали и главный инженер объединения, и начальник цеха. Рассказывали и корреспонденту, и рабочим. Но люди нынче пошли опытные. Они знают цену словам, даже самым красивым. Они, например, знают, что слово «резервы» часто используется как синоним слова «недостатки». «У нас еще немало резервов», — деловито говорит с трибуны

Среди подписавших письмо в редакцию — члены бригады Ильи Николаевича Антонова. В апреле им уж что-то очень мало начислили. Пытались рабочие у администрации спрашивать: почему да за что? Но никто разбираться не стал: все правильно, идите работайте. На рабочих еще и прикрикнули, мол, не отвлекайте от дела.

По просьбе корреспондента сменили все же гнев на милость и все проверили. Выяснилось, что бригаде Антонова недодали 200 рублей. «По ошибке». Больше чем по 20 рублей на человека. Что беспокоиться о чужом кармане? Теперь, правда, вернули — впрочем, не извинившись. И после этого снова станут убаюкивать рабочих высокими, правильными словами о воспитательном значении бригад, о сознательности и прочем. Еще и попрекнут людей: вы чего-то там недопонимаете.

Я приезжал в объединение несколько раз. До сих пор за вопиющее безобразие никто не наказан. Даже не разобрались толком, кто же конкретно виноват. «Из цеха дали в бухгалтерию неправильные сведения» — вот и весь ответ.

Много таких людей — ответственных. Но никто из них к ответу не привлечен. Так создается почва для будущих нарушений. Для любых произвольных манипуляций с системой материального поощрения. Стоит ли удивляться, что один из лучших бригадиров объединения, Николай Сергеевич Сошкин, сказал на собрании в цехе:

— Я на зарплату не жалуюсь. Но вот что обидно. Всю жизнь я здесь проработал, а до сих пор не знаю, за что мне платят. То так выведут, то эдак. Играют с зарплатой. Ничего толком не объяснят. Обидно.

— Уж если Николай Сергеевич не разобрался, то я и подавно, — признался молодой бригадир Александр Катков. — Меня тут девчата спрашивают, за что и как им вывели. Ну, пошел я к экономистам. Процентами меня забили, полный туман. Так я ничего девчатам и не объяснил, не смог.

А с Сошкиным, с его выступлением накладку вышла. До собрания руково-

дители объединения горячо рекомендовали мне Николая Сергеевича:

— Передовой бригадир, ветеран предприятия, человек авторитетный. Вот с кем вам надо поговорить.

Поговорить не успел. Потом они же, руководители, буквально уговорили Сошкина сказать хоть несколько слов на собрании, надеялись, видимо, что примет их сторону. Поднялся Николай Сергеевич очень неохотно, но задел за живое, и он «выдал». Рабочие ему единственному захлопали. Позже, желая сгладить этот инцидент, извинительным тоном поясняли мне:

— С Сошкиным это бывает. Разведет демагогию. Он у нас немножко демагог.

Знакомая песня. Сколько раз я ее слышал. Пока рабочий план перекрывает и молчит или говорит, что от него ждут, то он и передовик, и авторитетный человек. Но вот сказал он, что думает, что накипело, тогда сразу — демагог. Ловкая логика: любого, кто против тебя, на всякий случай записать в демагоги. Не такой уж, кстати, редкий случай. Довод проверенный:

— Это все демагогия!

Итак, рабочий — демагог. Меня так, естественно, не называли: все-таки корреспондент. Но смысл был близкий к

Ради чего взбудоражили коллектив? Во имя каких высоких целей проводят этот эксперимент, если не над людьми, то над их терпением и старанием?

Может статься, если бы министерство не «спускало» план по охвату бригадными формами, если бы не давило постоянно, не заставляло: «Выдай нам красивую цифру!» — может быть, в этом случае в ткацком цехе не стали бы спешить с бригадами? И, прежде чем создавать их, десять раз подумали бы, как это следует сделать? Чтобы, стремясь к совершенствованию, не нанести еще и вреда. Но когда думать? Некогда. Надо рапортовать о выполнении указаний. И вот теперь, аккуратно и бездумно их выполнив, доказывать, что все в порядке, защищать честь мундира. И своего, и вышестоящих товарищей. Получилось, что главное для администрации цеха и объединения не то, хорошо ли работают бригады. Главное — их поскорее создать. План по охвату выполнить.

«Страшны иллюзии и самообманы, губительна боязнь истины». Это ленинские слова. И не зря июньский (1986 г.) Пленум ЦК КПСС напомнил о них партии, всей стране. Правда воспитывает человека граждански активного. Человека, который не боится называть вещи

ОПШЛЯ

тому: поддерживаю демагогов. Чуть ли я не против бригад. Но, помилуйте, я вовсе не против. Я за. Вот уж сколько лет только и делаю, что пишу «за бригады». Да и рабочие тоже далеко не все против, хотя и рассержены очень. Пусть, говорят, и бригады, только чтобы оплата была по труду.

Как же это сделать? А никак, отвечала администрация, все, что надо, уже сделано. Тогда я пригласил в объединение референта ВЦСПС Анатолия Александровича Прохорова. Специализируется он как раз на бригадных делах, опыт имеет большой. Познакомился Прохоров с жалобой рабочих, поговорил с ними, с руководителями, изучил документы и посоветовал товарищам из объединения изменить систему стимулирования. То, что и требовалось доказать. Не приказал, повторяю, а посоветовал. И тут же ему ответили, что все непременно выполнят: и новую систему разработают, и приказ нужный издадут, и перед ВЦСПС обо всем отчитаются. (Хотя, заметим, никакого отчета он и не просил, но обещали выслать чуть ли не нарочным.)

Интересное кино! Ведь и рабочие, тот же Сошкин, того же самого требовали, что и сотрудник ВЦСПС. Выходит, что позволено Юпитеру, то не позволено быку! А если бы в порядке эксперимента рабочего и референта на месяц поменять местами? Представьте: Прохоров — бригадир, а Сошкин — в ВЦСПС. А требования по-прежнему у того и у другого единые. Страшно подумать, но боюсь, теперь демагогом стали бы называть Прохорова. А Сошкин что бы ни сказал — закон, тут же под козырек: будет сделано! Такова магия должности. Привычка — рабочему приказывать, референту подчиняться. И еще одна привычка — делать не столько то, что можно и нужно, сколько то, что прикажут.

И, наконец, еще несколько самых последних вопросов, вызванных рассказанной историей. Почему же все-таки внедрили в цехе явно порочную систему стимулирования? Зачем нарушили нормальный, устоявшийся трудовой ритм?

своими именами. Не закрывает глаза на проблемы, не делает вид, будто их нет, а стремится решить. Но ведь и неправда тоже, к сожалению, воспитывает. Те самые иллюзии и самообманы, «ложь и полуправда развращают сознание, деформируют личность». Эти слова тоже из материалов Пленума. Серьезное предупреждение. О нем надо тоже постоянно помнить.

Молодые ткачихи сейчас с недоумением говорят:

— Сколько нам уже бригады расхваливают, какое это, мол, хорошее дело. Может, оно и хорошее, только вот у нас в цехе что-то не очень получается. Как ни расхваливай, мы же видим.

Да, не самый лучший урок вынесла молодежь из трудового конфликта. Поняли ли это руководители цеха и объединения? Странное впечатление производят порой эти люди. Беседуешь с ними, видишь, как разговаривают они с рабочими, и невольно закрадывается сомнение: а может, товарищи на всякий случай заткнули себе уши ватой, чтобы не слышать, что им говорят? Ведь если они позволяют себе вникнуть в требования рабочих, то им придется признать, что старательно возводимое ими здание бригадного метода, такое красивое по отчетам, на самом деле не то чтобы липа, но, мягко говоря, их же языком выражаясь, не совсем еще совершенно. Хотя если глядишь сквозь розовые очки, то видишь светлое, просторное здание, почти дворец. Но вот снял очки — и перед тобой старый, покосившийся домишко, правда, подштукатуренный, и на этой штукатурке ловко намалеван тот самый почти дворец. Так что тут не обман зрения, а обман зрителя. И, чтобы этот зритель ни о чем не догадался, на него тоже надо надеть розовые очки. Так проще доказывать, как это и делают на ковровом комбинате, что черное — это белое. Что уравниловка способствует воспитанию коллектива. Что уравниловка — это вовсе и не уравниловка, а нечто прогрессивное, передовое и современное, за что надо хвалить и медали вешать.

Надо ли?

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 20 (1426) ОКТЯБРЬ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
солист ленинградского
Академического театра
оперы и балета
имени С. М. Кирова
Юрий МАРУСИН.
См. стр. 32

Фото
Валентина
БАРАНОВСКОГО.

1 К XX СЪЕЗДУ ВЛКСМ. АНАЛИЗ НАЗРЕВШИХ ПРОБЛЕМ.
«ХОЧУ ПОНЯТЬ!»

2 ПИСЬМО МОЛОДОГО РАБОЧЕГО.
Владимир МОРОЗОВ.
«ДЕМАГОГИЯ».

4 Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. «ТВОЙ АВТОПОРТРЕТ».

6 ИЗ ПОЧТЫ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА.
«НАБОЛЕЛО!»

9 МОЛОДЕЖЬ И КУЛЬТУРА.

10 Главы из поэмы Владимира ШЛЕНСКОГО
«ДОНОРЫ ТЕПЛА».

12 ОТЕЧЕСТВО.
«И НАМ ЗАВЕЩАНО ХРАНИТЬ».
Фотоочерк Сергея ПЛЕХАНОВА и Виктора САККА.

15 Сергей НИКОЛАЕВ.
«ОПЕКА ИЛИ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО?»

16 Ираида ПОТЕХИНА.
«ТРЕЗВОЕ ЗАСТОЛЬЕ».

18 Рассказ Михаила БЕЛАВИНА «ГОСТЬ».

20 СТРАНИЦЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.
Лев ОЗЕРОВ.
«РОССИЯ. ЭТОТ ЗВУК — СВИРЕЛЬ».

24 Повесть Сергея ВЫСОЦКОГО
«АНТИКВАРЫ».

32 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
Герман ПОПЛАВСКИЙ.
«ВОЛШЕБНЫЙ ЗВУК».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНУКОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

В прошлом учебном году на дневных отделениях вузов обучалось 2,8 миллиона студентов—это 54 процента всех студентов страны. О студентах-очниках и пойдет речь в этой статье.

Судя по количеству полученных от них анкет, это самая активная часть читателей «Смены». Большинство заполнивших анкету выписывает журнал, то есть читает его регулярно. Причем студентки оказались значительно активнее юношей: их перевес среди анкетированных много больше, чем среди студентов.

Надо отметить, что в последние годы престиж высшего образования сильно упал. Резко снизились конкурсы, особенно в технические вузы. Во многих из них конкурсов практически не было, то есть могли поступить все, сдавшие вступительные экзамены на тройку. В некоторых вузах отмечались недоборы. Не поступившие в вуз с первой попытки не часто ее повторяют. Среди студентов, заполнивших анкеты, с первой попытки поступили 85 человек из 100, со второй—13, с третьей—2.

Возрастной состав студентов посередине учебного года был таким: семнадцатилетних—10 процентов, от 18 до 21 года—47, от 21 до 24—37, 24 года и старше—6 процентов. Студенты-юноши в среднем несколько старше студенток; среди них очень мало людей в возрасте 18—20 лет (всего 21 процент), что связано со службой в армии.

Кто идет в вузы?

Перед поступлением в вуз 89 человек из каждых 100 имели среднее общее образование и только 10—среднее специальное; кроме того, один процент имел неполное высшее образование (то есть сменил вуз). Доля выпускников средних специальных учебных заведений оказалась неожиданно малой. Ведь в 1985 году их окончили 1,2 миллиона человек, в то время как общеобразовательную среднюю школу окончили 3,3 миллиона учащихся. Похожие соотношения были и в прошлые годы. Если бы вероятность поступления в вуз была одинаковой, выпускники техникумов составляли бы более четверти студентов. Дело, видимо, в том, что в последние годы контингент учащихся средних учебных заведений формируется в основном из выпускников средней школы; техникумы они кончают в лучшем случае в 20 лет, юноши—в 22. К этому времени многие уже устают учиться, появляются новые интересы, меняются системы ценностей. Хочется быстрее стать «взрослым», полноправным членом общества, завести семью и т.д. Кроме того, большинство выпускников техникумов должны «отработать» три года, прежде чем у них появится право поступать в вуз.

Каково «присхождение» студентов, из каких семей они выходят?

В вузах учатся главным образом дети специалистов, то есть дети тех, кто имеет высшее или среднее специальное образование, хотя, разумеется, есть выходцы из всех социальных слоев.

Почти у всех студентов ко времени опроса были матери, но у многих не было отца. Матери студентов по уровню образования распределились так: у 39 процентов студентов они имели высшее образование, у шести—незаконченное высшее, у 26—среднее специальное, у 19—общее среднее, у десяти—неполное среднее. Как видим, высшее, незаконченное высшее и среднее специальное образование у семи матерей из десяти. Кроме того, немало случаев, когда у матерей среднее общее или менее высокое образование, а у отцов—высшее или среднее специальное.

Чем выше уровень образования у родителей, тем более высокое образование получают их дети. В настоящее время социальный слой специалистов в основном самовоспроизводится. Это новая для страны ситуация, поскольку в недавнем прошлом доля специалистов среди родителей студентов была невелика, ибо мало было самих специалистов соответствующего возраста. Наша интеллигенция создана почти целиком в послевоенное время, особенно в шестидесятые и последующие годы, так что доля детей интеллигенции среди сверстников студенческого возраста будет быстро нарастать.

Родители, как правило, хотят, чтобы уровень образования их детей был не ниже их собственного. Кроме того, дети в интеллигентных семьях имеют лучшие условия образования в школьные годы. Кроме того, многие родители-специалисты создают своим детям особо благоприятные условия поступления в вузы (спецшколы, репетиторы и т.д.).

Общество в целом заинтересовано в том, чтобы в вузы шли наиболее талантливые, способные люди. Однако в этих условиях, причем чем дальше, тем больше, способным школьникам из рабочей и крестьянской среды труднее поступить в вузы. Разного рода льготы для имеющих стаж, «целевое» направление в вузы, «рабфаки» и т.д. не меняют существенно положение. Кроме того, в последнее время определенные преимущества получила молодежь вузовских городов, «местные», поскольку во многие вузы иногородних или не берут вообще, или принимают по количеству мест в студенческих общежитиях. Создается такое положение, когда троичнику—выпускнику местной школы легче стать студентом, чем способному и знающему иногороднему. А это опять льгота детям специалистов, ибо в больших вузовских центрах доля интеллигенции резко повышена.

Среди заполнивших анкеты только 7 процентов студентов родились в селе и 4—в поселках городского типа; больше половины студентов родились в больших городах. Чем больше населенный пункт, в котором родился человек, тем выше для него вероятность стать студентом. Это, несомненно, одна из причин очень высокого престижа больших городов в глазах населения, сильно выраженного стремления переселиться в более крупные населенные пункты, нежелания уезжать из больших городов.

Насколько осознанно и удачно выбирают нынешние студенты вузы и специальности?

В прошлых статьях мы уже говорили о неудовлетворительной постановке профессиональной ориентации в наших общеобразовательных школах. Может быть, у

ТВОИ АВТО

ЗАПОЛНИВ АНКЕТУ «СМЕНИ», 4 ТЫСЯЧИ ЧИТАТЕ

меньшинства, идущего в вузы, положение существенно иное? Посмотрим.

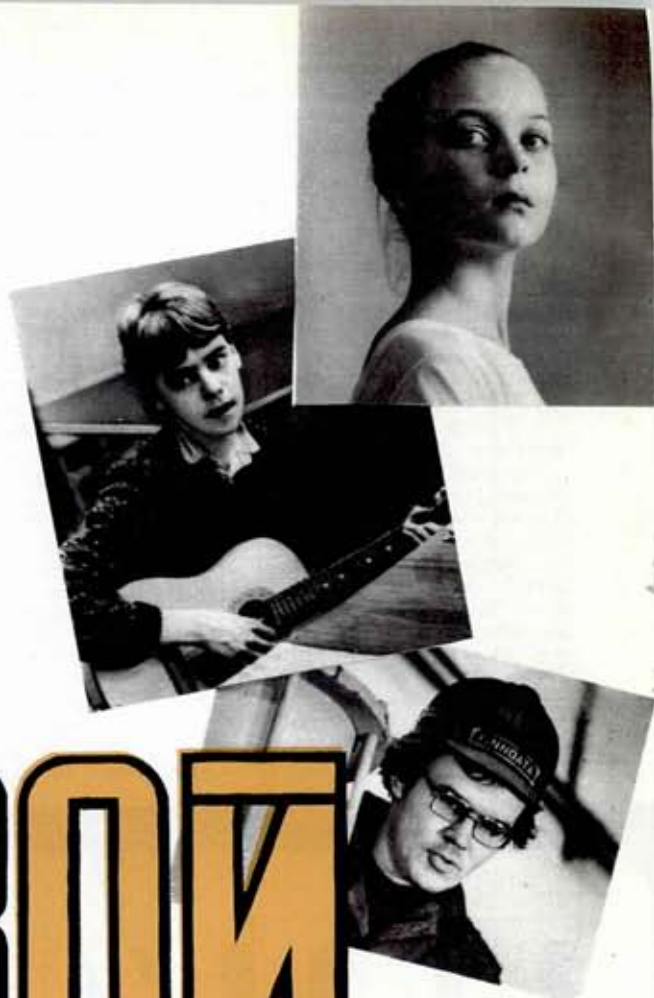
На вопрос: «Если бы у вас сейчас была возможность выбрать профессию, какую бы вы выбрали: свою нынешнюю или другую?»—ответы распределились так: выбрали бы нынешнюю 64 процента, выбрали бы другую 36. У мужчин и у женщин соотношение между довольными и недовольными профессией примерно одинаковое. Многие недовольные избранной профессией не могут назвать другую конкретную профессию, более их привлекающую.

Думаю, что эту ситуацию можно оценить только как крайне неудовлетворительную. И приобретение нелюбимой профессии, и ее смена в процессе обучения (перемена вуза или факультета или специальности без перемены места обучения, или прекращение обучения)—решения далеко не оптимальные, наносящие ущерб и самому студенту, и обществу в целом. Большая доля специалистов, получивших нелюбимые, не радующие их профессии,—одна из главных причин недостаточно высокого профессионального уровня многих специалистов, низкой производительности и плохого качества их работы. Терпеть такое положение в условиях научно-технической революции и необходимости резкого ускорения социально-экономического развития страны никак нельзя. В этом году впервые в вузах было введено так называемое профориентационное собеседование. Вероятно, оно может помочь определить пригодность человека к тому или иному делу, однако оно не может, несомненно, правильно ориентировать самого поступающего в вуз. Это задача долговременной работы, которую должны проводить специалисты профессиональной ориентации в школьные годы.

Чего хотели бы прежде всего получить студенты от своей специальности и будущей работы?

Ответы на вопрос: «Что, по вашему мнению, является самым важным, чего может достичь человек в своей профессии?»—распределились так (отметить можно было три ответа из девяти):

- радость от выполняемой работы отметили 77 человек из каждых ста,
- материальную обеспеченность—52,
- возможность приносить максимальную пользу людям, обществу—52,
- возможность создавать что-то новое, творчество—35,
- многообразие впечатлений—26,
- возможность расширять свой кругозор—19,
- общественное признание, престиж—15,
- добросовестное выполнение своих обязанностей—9,
- возможность руководить людьми, быть начальником—3.

Итак, работа должна быть прежде всего желанной, радостной, любимой. Затем — возможно более полезной обществу и хорошо оплачиваемой. Чаще всего именно эти три требования сочетаются в ответах. Однако маловероятно, что радость от выполняемой работы получат люди, которые не любят свою профессию. А таких, как мы помним, набралось более трети опрошенных студентов.

Очень скромное — для студентов! — место заняла «возможность расширять кругозор». В нынешних, а тем более в завтрашних условиях расширение кругозора — одно из настоятельнейших требований к специалисту. И уж совсем не котировается «возможность руководить людьми». Это парадоксально, ибо среди опрошенных преобладают школьные и вузовские активисты.

Какого уровня образования хотят достичь нынешние студенты?

Из каждых ста 81 желает ограничиться высшим образованием, 17 — получить степень кандидата наук и двое — стать докторами наук. Прежде всего именно те, кто желает получить в будущем ученые степени и ценит особенно высоко «возможность постоянно расширять свой кругозор».

В условиях нынешнего недостатка специалистов высшей квалификации и нередкого отсутствия конкуренции среди поступающих в аспирантуру стремление к послевузовскому образованию представляется очень ценным.

Посмотрим на материальное положение студентов. Значительная их часть живет вместе с родительской семьей и имеет общий с ней бюджет. Как правило, взнос студента в семейный бюджет значительно меньше доли студента в потреблении.

Почти все студенты, живущие отдельно от семьи, получают от родителей денежную помощь (97 процентов), кроме натуральной помощи (одежда и т. д.). По размерам ежемесячной денежной помощи студенты распределяются так: до 30 рублей — 38 процентов, от 30 до 50 — 43 процента, от 50 до 100 — 11, больше 100 рублей — 5 процентов.

Размеры стипендий у большинства студентов незначительны (40—50 рублей в месяц) и, естественно, не обеспечивают прожиточного минимума. В проекте реформы высшей и средней специальной школы

браки — явление явно положительное. Одна из бесспорных и важных причин нынешней конфликтности и непрочности молодых семей — недостаточное предбрачное знакомство начинающих супругов. По моим наблюдениям, семьи, возникшие в студенческие годы (не перед распределением), несравненно прочнее и гармоничнее возникающих позднее. В нынешней сложной демографической обстановке это стоит учитывать, тем более, что через вузы проходит все более значительная часть молодежи.

Выпускники вузов должны быть не только специалистами, но и людьми высокой общей культуры, интеллигентами в полном смысле этого слова. Поэтому очень важно полноценное использование свободного времени, которого у старательного студента не так уж и много. Свободного времени хватает у 45 студентов из ста, остальным его не хватает. Подавляющее большинство студентов, судя по их ответам, регулярно читает художественную литературу. При этом выбор чтения весьма квалифицирован. Это и русская классика, и книги лучших современных советских писателей, и зарубежная классика, и современные иностранные писатели.

Семьи студентов выписывают, как правило, большое количество газет (центральных и местных) и журналов, правда, «тонких» («Работница», «Крестьянка», «Крокодил», «Огонек» и т. д.).

В старых городах с театральными традициями студенты регулярно посещают театр. Впрочем, девушки заметно активнее, чем юноши.

Студенты очень заметно отличаются от школьников-старшеклассников меньшим количеством времени, проводимого у телевизора. Интересно, что девушки смотрят телевизор много меньше, чем юноши: в среднем по одному часу в будни и по 2 часа 45 минут в воскресенье; юноши и в будни и в праздники — на 45—50 минут больше. В целом уровень «потребления культуры» у девушек выше, чем у юношей. Это хорошо согласуется с данными других обследований.

Вообще некоторое культурное отставание мужской части молодежи становится все заметнее и постепенно перерастает в большую общегосударственную социальную проблему. Увеличивается численный перевес девочек среди школьников старших классов общеобразовательных школ, девушек — в средних

недовольные, хотя доля тех и других невелика. Крайние оценки связаны, как правило, с различиями в «личной жизни». У одних она складывается очень хорошо (брак с любимым человеком, для других — неудачно (разрыв с любимым, предстоящий развод...). В целом жизненный настрой студентов вполне оптимистичен. Недовольных мало.

Уровень удовлетворенности жизнью, душевный настрой тесно связаны с тем, насколько удачно выбрана профессия. Среди неудачно выбравших профессию довольных жизнью почти нет. Недовольные своей профессией есть не только на первых, но и на последних курсах.

Вот, к примеру, 22-летний студент пятого курса Ростовского университета, обучающийся по специальности «радиофизика и радиозлектроника», хотел бы иметь «другую профессию, но не знаю, какую».

Вот студент третьего курса, специальность «сварочное производство», хотел бы быть архитектором, поскольку эта профессия творческая; единственной важной причиной выбора нынешней профессии считает то, что «другого выбора не было», наибольшее влияние на выбор профессии и учебного заведения оказала семья.

Студент пятого курса по специальности «инженер-электромеханик» при возможности вновь выбирать профессию избрал бы «другую, тоже творческую, но более оплачиваемую». Нынешнюю профессию избрал потому, что она «больше всего соответствует способностям и склонностям» и имеет «творческий характер». Эти два пункта считает «очень важными», все остальное — неважным. Наибольшее влияние в выборе вуза и специальности оказала семья. Отец — военный, мать — торговый работник.

Вот пример осознания неадекватности выбора уже на первом курсе, через полгода учебы: специальность — «геологическая разведка месторождений», хотел бы быть психологом или юристом, «в любом случае работать с людьми».

Неудачный выбор профессии часто определяется тем, что человек плохо знал себя или профессию, или то и другое вместе, а не тем, что «не было выбора».

Вот студентка пятого курса по специальности «технология машиностроения» избрала бы «другую — библиотекарь, библиограф, так как с детства больше всего люблю книги». Выбор нынешней профессии объясняет двумя причинами: «другого выбора не было» (живет в сравнительно небольшом городе, где возможности выбора невелики) и «большая потребность в такого рода специалистах». Наибольшее влияние на выбор оказала семья.

Тут, однако, очень редкий случай, когда человек, недовольный своей профессией, доволен жизнью. Переживает удачное замужество, высокая удовлетворенность браком в связи с тем, что у супругов «общие интересы, отдельная квартира, муж помогает».

И еще один случай. Студентка пятого курса по специальности «промтеплоэнергетика» очень хотела бы выбрать другую профессию, очень неблизкую к ее нынешней, — «преподавателя литературы в учебном заведении или литературного критика, журналиста, писателя-публициста, так как мне есть что сказать людям». В выборе профессии наибольшее влияние оказала опять-таки семья. Жизнь своей недовольна.

Как видим, выбор профессии в реальных жизненных условиях часто труден и неудачен, выпускники средней школы плохо к этому делу подготовлены и слишком несамостоятельны. А родительская семья — главный «профорентатор», несомненно, желая своим детям только добра, со сложным выбором для детей «дела жизни» тоже часто не справляется и, вероятно, играет нередко негативную роль.

Из анкет видно, что неудачный выбор профессии, требующей высшего образования, чаще у детей рабочих семей и у родителей с относительно низким уровнем образования.

Проект реформы высшей и средней специальной школы требует коренным образом улучшить дело профессиональной ориентации будущих студентов, перейти к долговременной профессиональной ориентации. А для этого нужна подготовка специалистов, профессионалов этого сложного дела. Недостатки в выборе профессии неизбежно сказываются на всей последующей жизни людей, не нашедших своего призвания и ошибившихся в выборе жизненного пути.

В нынешних условиях научно-технической революции и интенсификации социально-экономического развития страны от молодых специалистов, имеющих современное образование, не обросших привычками и традициями, более склонных к переменам, чем их старшие товарищи, зависит чрезвычайно много: наши успехи в экономическом развитии, выход на передовые позиции в производительности общественного труда, от чего решающим образом зависят и все другие стороны прогресса общества. Именно поэтому мы так подробно говорили о студентах, доля которых в общей массе молодежи невелика.

ПОРТРЕТ

ПЕИ СТАЛИ СОАВТОРАМИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРЕДПРИЯТОГО ЖУРНАЛОМ

предполагается повысить размеры студенческих стипендий. Думаю, что это повышение должно быть существенным. Ненормально положение, когда великовозрастные люди, от которых общество ждет самостоятельности и ответственного «взрослого» поведения, продолжают оставаться иждивенцами родительских семей. К стати, у значительной доли юношей и девушек родители лишены возможности материально помогать взрослым детям, так что при нынешней стипендии эти молодые люди практически лишены возможности учиться на дневном отделении вуза.

В какой-то мере незавидное финансовое положение студентов можно было бы поправить предоставлением им возможности работать на условиях почасовой оплаты там, где бывают пиковые нагрузки (почта, общепит и т. д.). Однако при многолетних разговорах об этом дело практически не сдвигается с места.

Думаю, что можно было бы предоставлять студентам и государственные кредиты с условием их постепенного возврата после окончания вуза. За границей, кстати, такие кредиты широко распространены.

Студенты сильно отличаются от остального населения того же возраста своим семейным положением. В последнее время возраст первоначальных существенно снизился, однако это снижение мало затронуло студенчество. Среди анкетированных студентов только 18 человек из каждой сотни состояло в браке, в том числе из 100 женщин 15. Это много меньше, чем по стране в среднем. Сейчас к 22 годам в брак вступает уже шесть женщин из десяти. Студенческое положение, существенно отодвигая сроки вступления в брак, создает предпосылки будущего семейного неблагополучия. Одна из главных причин малого числа студенческих браков — практическое отсутствие у вузов семейных общегитий. Стоит ли студентам заводить детей — вопрос дискуссионный, однако студенческие

специальных учебных заведениях, в вузах, растет и без того высокая доля женщин среди специалистов народного хозяйства (60 процентов), фактический уровень знаний у женщин выше, чем у мужчин, и т. д. Это имеет не только положительные, но и все более ощутимые отрицательные последствия (недостаток мужчин среди школьных учителей, что затрудняет воспитательную работу, и т. д.). Юноши теперь должны догонять девушек. Для этого должно быть, в частности, изменено относительное материальное положение рабочих и специалистов. Относительное снижение престижа высшего образования и положения специалиста тесно связано и с низкой оплатой сравнительно с рабочими труда специалистов, и с тем, что специалисты вынуждены выполнять функции, не требующие их высокого образования. В проекте реформы высшего и среднего специального образования с таким положением намечено покончить.

Очень интересно распределение студентов по общей удовлетворенности жизнью. В этом отношении между юношами и девушками наблюдается большая разница, что видно из таблицы (в процентах):

	Девушки	Юноши
Очень довольны	7	0
Довольны	52	41
Трудно сказать	28	48
Недовольны	10	11
Очень недовольны	3	0
Итого	100	100

Как видим, девушки более удовлетворены в среднем своим положением. Их оценки более контрастны, чем у юношей. У них есть и очень довольные, и очень

Из почты
главного
редактора

Хочу поделиться своими соображениями по наболевшим проблемам воспитания детей и подростков. Почему в последние годы мы много говорим о «трудных» подростках и правонарушителях?

Как случилось, что их стало больше?

Сможем ли мы восстановить разрушения в психологии нашей молодежи, которые были нанесены теми явлениями в нашей жизни, о которых было открыто сказано на XXVII съезде КПСС и которые не были тайной для нашего народа и раньше?

Недавно в одном из интервью Олег Табаков сказал, что он воспитывался в той среде, где не читали морали, не воспитывали определенных моральных принципов, но порядочность была в самой атмосфере этой среды. Возможно, я неточно цитирую, но мысль была именно такова.

И вот эта порядочность совершенно незаметно и естественно передавалась детям. В такой же атмосфере воспитывалась и я, и, как мне кажется, все мое поколение.

Иногда мне хочется сформулировать для себя, что такое «порядочность». И мне кажется, что это какое-то «табу». Какой-то барьер, который нельзя перейти. Здесь ничего не обсуждается, не обдумывается, нет никаких сомнений — табу, и все.

Приведу пример.

Когда я в 1939 году заканчивала школу, моя мама составляла темы выпускных сочинений и диктантов по русскому и украинскому языку для всей области. Но ни мне, ни ей не могло прийти в голову, что она может мне назвать эти темы или что я могу об этом спросить.

И дело было не в нашей честности: такого не могло быть — и все. Если бы я теперь кому-нибудь об этом рассказала, мне бы не поверили.

Были неписанные законы морали: нельзя выдать, нельзя предать, нельзя не броситься на крик «Помогите!». Нельзя, и все!

То, что произошло сейчас, очень точно сформулировано в книге В. Распутина «Пожар»: «Было нельзя — стало можно, было немисливо — стало мыслимо, было позор — бесчестье — стало доблестно».

Как же это случилось, как произошло?

Войну я провела на фронте, была санитаром. Теперь мне нередко приходится спорить с молодыми скептиками, не верящими в бескорыстие, в добро. И привожу я им обычно один аргумент: «Твой дедушка был на фронте? Был ранен? Так вот, каждый из нас, фронтовиков, ходит сейчас по земле потому, что кто-то, рискуя жизнью, вынес каждого из нас, раненного, из-под огня. Вот ты не веришь в добро? А в подполье и в партизанском движении во время войны ты веришь? Так вот, все это держалось на одном-единственном

факторе — на доверии».

Верят, но не очень. Говорят: это было давно, теперь таких людей нет.

Почему так? Все меняется. Люди воспитываются с детства и до последнего дыхания. Почему принципиальность кажется донкихотством? Почему утеряно это самое «табу» даже у нас, старшего поколения?

Во все времена были подлецы, негодяи, взяточники, ворюги, халуги. Но никогда вор не орал на весь мир: «Я вор», никогда спекулянт не хвастал своими уголовными делами на страницах газет.

Было понятие приличия и неприличия. Кое-что было стыдно.

Теперь прекрасное слово «стыд» заменено отвратительным словом «престиж». Престижно иметь финские гарнитуры, дарить детям «Жигули» и японские магнитофоны, учиться в спецшколах с преподаванием ряда предметов на иностранных языках, причем ездить в эти школы на «Волгах». Уже тысячу раз писали о том, что Корейко вылез из подполья и поставил себе особняк в центре города.

«Слова, слова, слова... Мы потеряли прекрасные слова, исполненные огромного достоинства и эмоционального смысла: нарком, красноармеец, командир, комиссар, политрук. В то далекое время даже школьные оценки были содержательными и эмоциональными: отлично, хорошо, посредственно, плохо. Скажете, какая разница — нарком или министр, красноармеец или солдат, посредственно или холодная тройка. Огромная: никому не хотелось быть посредственностью, никому не могло прийти в голову, что нарком может использовать свое положение в личных целях. Ведь нарком — это народный комиссар.

Я вспоминаю 1936—1937 годы. Горькие годы нашей истории. «Черный ворон» ночью у дверей стал обычным явлением. В одном нашем классе было человек девять, у которых родители были репрессированы. В чем тогда только не обвиняли людей, объявленных «врагами народа»? Но никого не обвиняли в том, что он засунул руку в чужой или государственный карман. Очевидно, это было уж слишком неправдоподобно.

А что пришлось пережить нашим молодым людям, воспитывавшимся в последние 20 лет?

Юноша написал в «Юность» грустное письмо о том, что его ровесник тратит за один вечер в ресторане сумму, за кото-

рую ему, мальчишке из ПТУ, приходится работать целый месяц.

И все потому, что у того папаша «делец» или «шишка». Публицист на этот вопрос ответил, что понятия «делец» и «шишка» — совершенно разных категорий. Но ведь та правда, которая честно названа на съезде и которая звучит сейчас во весь голос, была известна всем, и все знали, что сплошь и рядом «делец» и «шишка» одно и то же лицо. И горе наше было не в незнании, а в бессилии. Сейчас на одной скамье подсудимых сидят бывший заместитель Председателя Совета Министров Молдавии и торгаш с тремя классами образования, а давно ли они были веселы?

Не могу не привести еще одного примера. Для нас, простых смертных, Союз советских писателей — символ разума, чувства и совести народа. Так скажите, пожалуйста, неужели все то, что выплеснулось на VIII съезде писателей и продолжает выплескиваться и теперь, только после съезда партии вам стало известно? Разве вас не распирало возмущение и раньше? Почему же в Союзе, где были и есть такие люди, как Быков, Васильев, Бондарев, Гранин и другие писатели огромного масштаба, возможен был массовый прием бездарей и закрыта была дорога в литературу талантливому людям? Значит, вы были бессильны. А что говорить о простых смертных?

Ведь те безобразия, которые творились, не были секретом и для наших детей, учившихся в одних классах с детьми «дельцов» и «шишек». Вот откуда пошла «престижность» трехсотрублевых джинсов и десятитысячных свадеб, японских магнитофонов и прожигания жизни в барах и ресторанах. А в Узбекистане — бриллиантов, которыми увешаны дочери и жены «дельцов».

Но дело, к сожалению, не только в этом. Хочу обратиться к тому, что наша юношеская литература и публицистика

Письмо читателя. На протяжении десятилетий существования советской печати оно всегда свидетельствует о вере человека в то, что каждая страница, каждая строка журнала или газеты не просто адресованы читателю, но и дышат в одном ритме с ним, никогда не остаются равнодушными к заботам и тревогам человеческим. Вот почему не стесняется поверять читатель все самое сокровенное редакции издания, которому доверяет.

Десятки тысяч писем приходят ежедневно в адрес «Смены». Нет в журнале отдела, рубрики, которые бы не отвечали на читательские запросы, особенно в последнее время. Переписка с читателем, письма молодых рабочих, студентов, школьников становятся темами командировок, журналистских расследований, материалом острых нравственных дискуссий. Участие читателя в журнале — основа его глубины и поиска. Однако, и это понятно, самые острые, порой драматичные письма, затрагивающие не только гражданские, социально важные проблемы, но и личные вопросы, приходят на имя главного редактора, специально подчеркивая при этом адресат. Это, считает редколлегия, не случайно. Этим уточнением получателя, персональным обращением к главному редактору журнала читатели как бы особо подчеркивают важность поднимаемых ими проблем, необходимость широкого обсуждения острых вопросов, незамедлительность общего обсуждения больших тем, почти всегда при этом обращаясь не только к общественно-политическим, но и литературным обязанностям главного редактора. Часто эти письма эмоциональны, не до конца выверены, но они искренни, честны и хотя бы уже только поэтому требуют общественного рассмотрения.

Ясное дело, что ни одно письмо в адрес главного редактора и прежде не оставалось без последствий. Сейчас же редколлегия «Смены» сочла целесообразным учредить в журнале новую рубрику, которую так и назвать — «Из почты главного редактора». Поводом этому решению служит острая, требующая широкого обсуждения, принятия действенных мер или просто гласности корреспонденция, которая каждый день ложится на стол главного редактора в наши дни — дни обновления и строгих самооценок. Нам кажется, что откровенность, спорность этой почты, особенно той части, которая посвящена проблемам молодых, особенно уместна в преддверии XX съезда ВЛКСМ.

тоже немало способствовало развитию этих ненормальных явлений. Перелистайте подшивку «Комсомольской правды», «Собеседника», журнала «Юность», весьма читаемой нашей молодежью «Литературной газеты», да и ваш журнал. А наиболее популяризируемые кинофильмы?.. Чем занимались средства массовой информации — действительно массовой, то есть имеющей миллионную аудиторию, и действительно информации?

Мы узнаем, конечно, о серьезной научной работе сибирских школьников, о подвиге Алеши Султанова, потому что его выступление на конкурсе имени Чайковского действительно подвиг, о работе «Малой академии наук» и т. д. Но, к сожалению, такие публикации появляются редко, от случая к случаю, и носят чисто информативный характер, не раскрывая психологию увлекательнейшего творческого труда.

Зато гораздо чаще и ярче звучат совершенно другие материалы, отражающие совершенно другую психологию. Я уже говорила о различных «табу», отражающих мораль народа. К сожалению, все эти «табу» помогает нарушать наша «массовая информация».

На страницах нашей молодежной прессы предлагается обсуждать вопросы, которые совершенно не подлежат обсуждению.

Вот пример, достаточно типичный для «Комсомольской правды». Некий Эрик

пишет о том, что он принадлежит к «элите», то есть у него есть машина, он может поразить свою компанию в баре импортным вином в экзотической упаковке. И вот он влюбился в девушку «не нашего круга», его «круг» сделал все возможное, чтобы разлучить его с простой девочкой, не имеющей ни машины, ни модных шмоток, и вот теперь он размазывает слезы по бумаге и кричит на весь мир о своей никчемности и бесхарактерности. И «Комсомольская правда» предлагает обсудить, можно ли жениться на девушках «не своего круга», есть ли «необыкновенные люди» и что, на ваш взгляд, вызывает появление «обыкновенных и необыкновенных».

Оный спекулянт делится своим опытом спекуляции кроссовками и часами и «с ужасом вспоминает о том времени, когда он жил на зарплату». Зато теперь он проводит время в закордонных вояжах и на фешенебельных курортах.

И газета предлагает опять-таки обсудить это письмо, хотя зачем обсуждать такие вещи, которым дана точная характеристика в уголовном кодексе? Молодой человек, торгующий модными дисками, захлебываясь от радости, сообщает, что любой десятиклассник с радостью отвалит сто рублей за такой диск, хотя совершенно непонятно, откуда у любого десятиклассника дармовые сотни.

Одно время косяками шли письма-жалобы на своих жен и мужей с проблемами, кому водить детей в детский сад, а кому варить манную кашу, и уж совершенно позорные, постыдные проклятия своим мамам и папам за то, что их детки не обеспечены трехсторонними штанами и импортными тряпками. Двадцатипятилетнее дитя возмущается тем, что ему стыдно перед своими подружками за пустой холодильник. Отсутствие тряпок перерастает в настоящую трагедию.

Наши молодые люди вдохновенно работают над научными проблемами, выращивают новые сорта хлопка, творчески работают во всех областях труда и искусства, но их колосов не было слышно, да и журналистам, очевидно, не хватает слов, чтобы вызвать зависть к их яркой и по-настоящему счастливой жизни. А вот у какой-нибудь Широковой слова находятся: «И машина, и диски, и деньги — все у меня есть. Разве мы виноваты, что чьи-то родители не в состоянии одеть свое чадо». Семнадцатилетняя П. О. еще не заработала ни копейки, но уже «привыкла к веселой жизни: машина, кино, музыка, импортные вина, хорошие вещи, бары». Она и оценку людям дает: «Ни одного последнего диска не слышал — серость».

Время изменилось. Возможно, родители Широковой, Эрика и А. П. уже за решеткой, но представьте себе, с каким чувством читали эти письма ребята из колхозов или дети заводских рабочих.

Официально у нас проституции нет. Но в «Собеседнике» юная афродиточка (термин тоже из «Комсомольской правды») рассказывает, как в ее компании девицы и парни по несколько раз в ночь составляют новые пары. «Комсомольская правда» живописует такие же компании школьников, а «Литературная газета» рассказывает о «девочках из бара», о Кате, которой 15 лет, но которая уже так истаскана, что ее вряд ли кто возьмет замуж, о том, что государственные бары стали настоящими уголовными малинами и шалманями, где жулики и прохвосты (пardon, «нужные» и «деловые люди») творят свои спекулятивные сделки, швыряются сотнями и растлевают малолетних на глазах у совслужащих — работников советских баров. Правда, в наше время баров стало вроде поменьше, но материалы-то эти опубликованы уже после съезда.

Поставьте себя на место какой-нибудь учительницы литературы, у которой нет ни машин, ни дисков, ни импортных тряпок, которая проводит свое время не в пьяном угаре баров, а за проверкой школьных тетрадей. Представьте себе, как она пытается про-

рваться сквозь психологический барьер не прославившейся «девочки из бара», чтобы довести до ее куриных мозгов трагедию Сонечки Мармеладовой или Раскольникова.

Но дело не только в этих подонках, именующих себя элитой. Более того, они тоже жертвы, хотя пока этого не разумеют.

Я говорю о наших газетах, о нарушении «табу». Я не сторонник замазывания наших недостатков. Но должна же существовать культура письма, и ее надо воспитывать. Надо показывать нашей молодежи, что не все кухонно-постельные проблемы можно выносить на всеобщее обсуждение. Иной раз следовало бы не торопиться с публикацией такого письма, а ответить личным письмом и советом.

Вы можете ответить, что все вопросы следует обсуждать, что нельзя уходить от негативных явлений. Но в том-то и дело, что вместо обсуждения происходит совершенно иное: легализация того, что не должно быть легализовано, а при частом печатании таких материалов аномалия начинает выглядеть нормой.

И все-таки не все вопросы следует обсуждать и не все письма.

Стоит ли две страницы центральной газеты посвящать «животрепещущей» проблеме: надо ли уступать место старикам в автобусе? Десятки писем были написаны на эту тему. Например, юная молодуха пожаловалась на то, что она на первом месяце беременности и над ее головой в автобусе стоял чистенький старичок пенсионер в белом костюме живым упреком. Она, конечно, места ему не уступила, но осадок был настолько неприятный, что она написала письмо в газету. (Впрочем, на носу этого старичка так же не написано, что он пенсионер, как на носу этой девицы не написано, что она на первом месяце беременности.) Двадцатитрехлетний парень с возмущением заявил: почему я, проработав целый день и устав, должен уступать место бездельнику-пенсионеру? Не говоря о том, что этот парень не знает, какая разница между усталостью от работы и от старости, следовало бы сказать ему, что далеко не все пенсионеры бездельники, и что, может быть, этот старик так же отстоял за станком 8 часов.

Результаты обсуждения не замедлили сказаться в нашем городе. Дело в том, что в Узбекистане уважение к старости воспитывается с пеленок. Поэтому стоило старике войти в автобус, молодежь, не раздумывая, вскакивала и уступала ему место. После этого обсуждения стала раздумывать и, конечно, сидя, а старики — стоят.

Я сама уже старуха, но продолжаю работать без всяких скидок. И поверьте, не так трудно мне простоять в автобусе пять-шесть остановок. Но я убеждена, что обывай уступать место старшим гораздо нужнее молодежи, чем нам, старикам. И что может быть позорней, чем делать из таких вещей проблему?

А как помогают в воспитании нашего молодого поколения литература и кино? Наши люди штурмуют Эверест, группа Шпаро совершает фантастические экспедиции, вдохновенно работают наши строители. Кстати, один из них, тот самый Марчук, который «играет на гитаре», написал две повести, два настоящих гимна современной молодой интеллигенции, которые не были замечены и буквально потонули в современной юношеской литературе, набитой всевозможным барахлом, расписывающей необыкновенные интерьеры, случайные связи и кутежи.

Герои этих книг большей частью детки академиков, профессоров, народных артистов, предоставляющих свои квартиры во время заграничных вояжей для юношеских пьянок и уединений в темных уголках. С легкой руки этих книг понятие «кандидат наук» стало синонимом слов «проходимец» и «прохиндей», профессор — «рутинер» и «пошляк», а академик — «старый кретин». Невольно думаешь: неужели это те люди, которые в 41-м из своих кабинетов и

лабораторий шли в ополчение и заслужили своей грудью Москву и Ленинград?

А в книге Андрея Молчанова очень талантливо показан целый НИИ, решающий сложнейшие научные и технические задачи, имеющий международные связи, как скопище пьяниц, воров, бездарей и развратников. Стоит ли удивляться, что главный герой, от имени которого ведется рассказ, бездарь, интриган, шантажист, развратник, наконец, убийца, держит всех в кулаке, начиная от своих подчиненных и кончая авторитетным ученым советом? Да стоит ли удивляться, если его друг и заодно муж его любовницы изъясняется приблизительно так: «Соберу десяток ученых рыл, поставлю им жратвы и поила, и, глядишь, новая строка в трудовой книжке». А ученый профессор, матерый взяточник, учит своего подопечного, как надуть ученый совет, сплошь состоящий из выживших из ума олов.

Зло не просто побеждает в таких книгах, оно царит, более того, оно позитивизируется.

А ведь подросток нуждается в современной героике. И она есть в жизни. Почему же ее нет в литературе?

Горькая трагедия нынешних детдомовцев. Но десятки книг и фильмов превозносят до небес матерей-одиночек и так называемых «современных женщин». Скоропалительные связи и браки, когда наутро «жена» бежит в милицию разыскивать «мужа» и выясняется, что она не удосужилась узнать его фамилию («Москва слезам не верит»).... Сказочки про прекрасных принцев в рабочих спеццовках, очастлививающих несчастных мам и усыновляющих их детей... Образовались определенные штампы в изображении любви: беганье по долам и весьям, обольстительные взгляды на танцах, а вслед за этим умопомрачительные постельные сцены. Только непонятно: если это любовь, что же тогда кошачьи страсти?

Не забуду, как была потрясена моя дочка после фильма «Странная женщина»: «Мама, как же это можно, приехать в лагерь, вызвать сына с волейбольной площадки и так просто сказать ему, что он никому не нужен? Я, мол, развожусь с твоим отцом, еду к своей маме, а ты живи у его мамы». А ведь нам рекомендуются любоваться этой современной Анной Карениной, любовь которой изображается мельканием на экране всевозможных деталей дамского и мужского туалетов.

Может быть, ни один фильм не принес столько ощутимого вреда, как «Экипаж», вся цель которого, очевидно, переплюнуть американские фильмы ужасов. Но я буду говорить не о второй серии, где авторам всего мало — и землетрясения, и наводнения, и пожара, и горящей нефти и т. д., и т. п.

Когда я спросила у своих студенток-третьекурсниц, что им больше всего понравилось в фильме, они ответили: «Образ матери. Она вполне современная женщина, понимающая, что обязательно выйти замуж, чтобы иметь ребенка».

Тогда мне пришлось объяснить им, какая разница между детскими домами периода войны и нынешними. Я показала им, насколько нынешние детдомовцы несчастнее детей, переживших блокаду, осиротевших во время войны. До них, кажется, дошло. Но ведь всем не объяснишь!

Ведь в этом фильме на фоне идиллии со светомышкой и золотыми рыбками герой и героиня в чем мать родила не просто предаются любовным утехам, а проводят целую теорию свободной любви. И кто ее пропагандирует? Один из самых неотразимых актеров нашего времени — Филатов. Со всей страстью, во всеоружии своего обаяния он убежденно говорит о том, что современная женщина не должна связывать себя никакими обязательствами, что семья — это пошлость. И ведь многих убеждает. Тем более что во второй серии этот заурядный бабник оказывается фантастическим героем. И вообще всеобщий хеппи энд развязывает все

узлы и создает иллюзию полного благополучия.

Кстати, о самых обаятельных актерах. Посмотрите, кто играет роли злодеев в наших детективах. Самые обаятельные актеры. И как и кого они играют! Они поражают своей утонченностью и интеллигентностью. Изысканность костюмов и манер сочетается с неотразимой логикой. Менглет, Гафт со своим лбом мыслителя, Евстигнеев! И как они ловко и умно обводят вокруг пальца всю милицию со всеми современными средствами криминалистики! И как за их обаянием теряется существо самого преступления, а остается только впечатление погони за одним человеком целой своры сыщиков!

Вспоминаю один эпизод. Перед сеансом показывали «Фитиль». Документальный материал о спекулянтах и тунеядцах. Помню эти бездумные морды. Это была жизнь. А потом пошел фильм о таких же жуликах. Но тут же были обаятельные аферисты и обворожительные авантюристы. И вот после фильма за моей спиной разговор компании молодежи:

— Вот это люди, а? Как живут! И какие женщины их любят!

— Еще бы! Умные, интеллигентные!

— А этот дундук из милиции! Со своей женой разобрататься не может, где же ему таких ловить?

Вот такая реакция.

И опять я хочу обратиться к словам. Я писала о том, какие слова у нас, к сожалению, утеряны. А какие приобретенные?

Согласитесь, явление приобретает совсем иной оттенок, если грубое слово «взятка» или «на лапу» заменить изящными словами «подарок» или, как у нас в Узбекистане принято, «уважение».

Сравните: «Я ему дал на лапу» или «Я ему сделал уважение». Звучит!

Есть вполне определенное и точное слово для женщин определенного рода. Но назовите их «фирменными девочками», «афродиточками» или, что еще лучше, «современными женщинами» — и хоть на колени перед ними становись. Если вы скажете о мужчине, что он обаятелен, это грубо, куда деликатней «феминизировался». И уж совсем хорошо, если вместо «великовозрастный болван» закатишь глаза и пропоешь: «Ах, он такой инфантильный!»

В школе своя терминология: то, что на производстве называется неблагозвучным словом «очковитательство», окрестили «процентоманией», а пресловутой «вал», приносящий более разрушительный вред, чем на любом производстве, — «всеобщим обязательным средним образованием». И когда школа прикрывает любое преступление своих учеников словом «гуманность» («Он действительно выкрутил линзы из светфора и устроил крушение поезда, он действительно избил и т. д., но он чудный мальчик, шахматист и отличник!»), не верьте в эту гуманность. Но не спешите и школу обвинять. Огромный коллектив учителей и учеников ведет буквально героическую работу, но стоит одному ученику что-то совершить, как зачеркиваются невероятные усилия тысячного коллектива. Большей частью отвечает не сам ученик и даже не его родители, а дирекция, учителя, парторганизация школы. Именно они расплачиваются за пап и мам, развративших детей тунеядством и роскошью, за самих восемнадцатилетних, не знающих, «что такое хорошо и что такое плохо». И до тех пор, пока работа школы и вуза будет оцениваться по цифровым показателям, толку не будет.

Когда я смотрела последний фильм Хейфица «Подсудимый», больше всего потрясла меня не трагическая история старого фронтвика, а поведение молодых свидетелей на суде, что их не ужаснула даже смерть их товарища. Что это? Инфантильность? Отсутствие воображения? А может быть, оскудение сердца, вызванное привычкой к смерти, культивируемое кино? Сколько смертей проходит перед нами на экране, уже не

вызывая эмоционального восприятия? Не знаю. Знаю только, что самое страшное в этом фильме то, что для какой-то категории молодежи он правдив.

Инфантильность. Тоже предмет любования. Я вспоминаю фильм об очаровательной несмышленишке восемнадцати лет, которую мать послала в магазин за солью. Дитя впервые узнало, что есть магазины, что за соль надо платить, затем эта самая кроха познакомилась с каким-то тренером, таскалась с ним по киевским пляжам и гостиницам (слава богу, насочила на порядочного человека), в пять часов утра, возвращаясь домой, обнаружила, что в такое время магазины закрыты, и, явившись к доведенной до предынфарктного состояния маме, сообщила ей, что познала смысл жизни: посыпать солью дорожки, чтобы люди не поскользнулись. А «Юность» поместила восторженную рецензию на этот фильм. И некому было сказать, что нечего любоваться клиническим идиотизмом и некоторыми истинными следствиями если не в яслях, то хотя бы в детском саду.

Интересно, что этот инфантилизм прекрасно сочетается с практицизмом. Я уж не говорю о статьях в молодежных газетах о юных коммерсантах и ростовщиках. Но вот живой пример: знакомая девятиклассница, хорошая трудовая девочка из хорошей трудовой семьи, подрабатывающая то в стройотряде, то на телефонной станции, без тени возмущения рассказывает, что ко дню рождения подружки девчонки «скидываются» и по спекулятивной цене покупают у своего же одноклассника подарок — косметику.

Скажите, можно себе представить такую ситуацию в классе, где училась я? Как отреагировали бы школьники нашего времени на попытку товарища что-то им продать? А теперь это что — норма?

Я опять возвращаюсь к началу — к «табу». Это «табу» теперь уже надо воспитывать. Получается так, что наши правоохранительные органы уже не справляются с теми новыми формами нарушенного порядка, которые не предусмотрены законом. Свидетельством тому может служить хотя бы «Комсомольская правда». Работник милиции жалуется на полное бессилие наших законов перед махинаторами и фарцовщиками, валютчиками, делающими свои комбинации в магазине «Березка». Он всех их знает по именам и повадкам, знает технику их «работы», они, приезжая на своих шикарных машинах, вежливо раскланиваются и улыбаются милиционерам. Но сделать с ними ничего нельзя. Задержишь, приведешь в отделение — тысяча отговорок, да и тунейдцями не назовешь: тот аспирант, а этот сторож. Вот и меняют «Москвичи» на «Жигули», «Жигули» на «Волги», и все это делается на 60-рублевую зарплату сторожа. Милиционер, автор письма, предлагает ввести какую-то новую систему оплаты в «Березке», чтобы отвести этих спекулянтов. Честно говоря, это напоминает анекдот о муже, который продал диван, чтобы его жене негде было целоваться с любовником.

Что же делать? Безвыходно ли это положение?

Думаю, что нет. И залогом этого является чистая, здоровая наша молодежь. Все эти явления давно осточертели нашему народу, всем, даже тем, кто, подчиняясь «престижу», рвется к этой иллюзорной роскоши. У нас часто говорят, что сейчас мы проходим испытание достатком: дескать, все у нас есть, молодежь не знает голода и холода, нужды — вот и получается...

Мне кажется, эти взгляды далеки от истины. И достаток весьма относителен. Есть еще немало людей, с трудом перебивающихся на зарплату, особенно в провинции, где снабжение — не очень... Есть еще люди, для которых не только заграничный круиз, но и местный дом отдыха не всегда доступная роскошь. Именно они, эти люди, знают цену заработанной копейке. Большинство у нас живет в относительном достатке. У нас нет голодающих и бездомных, но трудо-

вые зарплаты менее всего способствуют пресыщенности.

И поэтому надо, чтобы наша пресса, наша юношеская литература и кино не дискутировали на инфантильные темы, не сюсюкали над инфантильностью, а пошли путем разоблачения этой плесени, убивали ее оружием грозного смеха, называли вещи своими словами, вора — вором, паразита — паразитом, шлюху — шлюхой. Надо показать, что подонки и хулиганы — это не будущий, а уже сегодняшний враг и предатель. Надо, чтобы стало ясно: от фетишизации импортной тряпки до убийства, от стремления к «красивой жизни» до измены Родине — один шаг.

Один шаг и до личной трагедии таких людей. И если «девочки из бара» и фарцовщики не способны своими стрекотными мозгами понять неизбежность своей собственной трагедии, которая выразится либо в изуродованном материнстве, либо в наркологической больнице, либо в тюрьме, где большей частью происходит просветление, то огромная масса это понимает. Но я никогда не поверю, что никто из окружения изменника Ильи Суслова не видел, куда он катится.

Так вот. Бой! Только беспощадный бой всем этим явлениям. Воспитание максимализма в нравственных вопросах. Того самого максимализма, который проявляют сейчас парни, называемые «афганцами», понюхавшие порохи и хлебнувшие лиха — и своего, и чужого — в Афганистане. Никакого балансирования между «можно» и «нельзя». Чтобы молодые инженерши не считали позором ходить в сапогах не за 120, а за 40 рублей. Чтобы девчонки в школе не побоялись сказать подружке: «Ты чем хвастаешь? Тем, что твой отец — вор?»

Надо, не стесняясь, показать: да, у нас есть элита. Это наши космонавты, это пожарные из Чернобыля, это наши ученые, артисты, поляристы. И вошли они в элиту не по наследству. И биографии их — это большей частью биографии самых простых тружеников. И даже те немногие, кому пришлось родиться в «элитарной среде», вошли в элиту не по наследству. Андрей Миронов и Константин Райкин наши любимые актеры не потому, что они дети Мироновой или Райкина. И Светлана Савицкая не потому вошла в элиту, что ее отец — маршал. И если они что-то и получили от своих элитарных родителей, так это высокое чувство чести своей семьи.

Позция подвига, поэзия труда и научного поиска испокон веков гнала мальчишек в Индейцы, в Испанию, на Великую Отечественную. Испокон веков ребята мечтали об испытаниях. Наше поколение завидовало героям гражданской войны, строителям Магнитки и Днепрогэса, а не тряпкам.

Пусть и наша молодежь научится завидовать нашей трудовой судьбе и нашему великому счастью. Пусть поймут: безыдейность не только безнравственность, она и трагедия. Страшно жить, если нет великой цели, во имя которой стоило бы умереть. И тут, мне кажется, огромную роль могут сыграть наши книги, газеты, журналы.

Родители? Надо смотреть правде в глаза. Родители — это неорганизованная стихия, и именно те, кого это больше всего касается, менее всего способны одуматься.

Школа? К сожалению, за десятилетия процентомания как в школе, так и в вузе профессиональный уровень нашего учительства страшно снизился. Щетинины, Ильины, Ивановы представляют очень уж редкое исключение. Прошу прощения за излишнюю горячность, а в чем-то, возможно, и неправоту. Я понимаю, что мои мысли могут быть и ошибочны. Но поймите главное: письмо это вызвано большой тревогой.

С глубоким уважением,

Дина Исаевна ГУРВИЧ,
педагог,
г. Андижан

А ЧТО ДУМАЕТЕ ВЫ?

После выступлений «Смены»

КУРИТЬ ИЛИ ЖИТЬ?

Публикация серии статей «Курить или жить?» («Смена» №№ 13—15) взволновала наших читателей. Сегодня мы публикуем только небольшую часть поступивших в редакцию писем, среди которых не было ни одного равнодушного.

Давайте же решать, наконец, — курить или жить? На огромных полях выращивается табак, фабрики производят табачные изделия, и все это — яд. Кому это нужно? Мне 25 лет, из них 11 курю и чувствую себя больным. Может, и жил бы сейчас мой любимый поэт В. Высоцкий, если б не курил!..

А. КУРАКИН,
Ленинград

Не пойму одного: пишут вам в редакцию люди и просят помочь бросить курить. О какой помощи может идти речь? Если сам не положишь себе, то никто тебе не поможет! В статье приведено письмо из Нефтекамска от матери двоих детей. Видите ли, она погибает, но бросить курить не может и просит помочь ей ради детей. Даже противно это читать! Я бы ответил ей так: ради своих детей можно сделать все, не говоря уж о том, чтобы бросить курить. Ну, а если бы не было у нее детей, ради кого она просила бы помочь ей? Смешно, не правда ли?

Ю. ГРИГОРЬЕВ,
г. Микунь Коми АССР

Минздрав предупреждает: «Курение опасно для вашего здоровья», — написано на пачках сигарет. Но мы видим, как врачи наслаждаются, затянувшись сигаретой. Курят спортсмены, учителя, журналисты, которые пишут о вреде курения. Не надо разводить теории, усложняя дело. Поверьте, что бросить курить нетрудно. Трудно, бросив, удержаться, так как курящие встречаются на каждом шагу. Вот поэтому-то курение надо запретить законом!

Евгений МИХАЛЧЕНКОВ,
г. Сафонов Смоленской области

Моя жена курит. И ничто не может заставить ее отказаться от этой привычки. Я предлагал ей лечиться, но это бесполезно, она себя больной не считает. Пытался призвать к ее совести (ведь у нас маленькая дочь, и жена курит у нее на виду) — не помогает. Когда дочь вырастет, очень трудно будет объяснить ей, что курение — это зло: мама-то у нее курит...

Проблемы, которые поднимают статьи, очень важны, и выход предлагается хороший — вместо табака выращивать чай или другие сельскохозяйственные культуры.

Николай АРТАМОНОВ,
Ленинград

Курению надо объявить такую же войну, как и пьянству, — в государственном масштабе.

Хочу внести несколько предложений по борьбе с курением. Запретить учителям курить на территории школ и в других местах в присутствии школьников. Создать клубы некурящих и принимать туда всех желающих. Запретить курить в общественных местах, нарушителей беспощадно штрафовать. Сократить производство табачных изделий, постепенно прекратив его вообще. Повысить цены на табачные изделия. Поставить курение в нравственном смысле на одну ступень с алкоголем. И, конечно, не закупать за границей табачных изделий.

Ольга КАРНАУХОВА,
Чимкент

Наконец-то о курении — по существу! Но до каких пор мы будем просто писать о курении? Сколько писали раньше о пьянстве, пока наконец не приняли меры! Буду продолжать обрабатывать курильщиков. Но как расшевелить лентяев? Вы уж там не давите Минздраву, Минпросу покоя, пусть принимают меры.

Иван ДЕРЕВЯНКО,
Ростов

Мне 25 лет, из них 5 лет курю. Муж курит 10 лет. Есть у нас семилетний сын. Раньше мы не задумывались, что ребенок наш растет в чаду. И вот прочла статью «Курить или жить?», у меня аж дух захватило. Прежде всего мысли о ребенке. Сколько же вреда мы причинили этому беззащитному организму! Знаете, я даже не могла уснуть, представляла, как никотин медленно разрушает организм, создает почву для рака, инфаркта. Так стало страшно!.. Нет, это не привлекает. Мне дороги мои сын, муж, я не хочу лишать здоровья близких мне людей.

Утром я встала как обычно, но в душе было что-то радостное и ликующее. Я увидела на столе пачку сигарет. Им был вынесен приговор — считать врагом нашей семьи. И вот уже неделю у нас чистый воздух и смех в квартире. Огромное вам спасибо!

Юлия БЕРЕЗЕНКО,
Ташкент

ОТ РЕДАКЦИИ. Многие читатели в своих письмах задают вопрос: статьи напечатаны, что же дальше? Мы ждем ответов на выступления журнала из Министерства здравоохранения, Министерства просвещения, Министерства высшего и среднего образования, Министерства пищевой промышленности. Обязательно познакомим с ними читателей «Смены».

МОЛОДЕЖЬ И КУЛЬТУРА

Здравствуй, Наташа!

Меня очень затронуло то, что тебя не понимают одноклассники. Но современные молодые слишком увлечены другим — большинству, к сожалению, по своему уровню развития нужна только веселое времяпрепровождение. Кругозор слишком узок для восприятия поэзии. И внутренний мир как бы обнищал, замкнулся на модной одежде, «хэви металл» и бесполезном шумном танце. Их интересует только внешняя сторона жизни, и судят они обо всем только по «обложке». Проблемы любви, человекопонимания все меньше волнуют наших ровесников. И это очень обидно.

В думаю, тебе не стоит открывать перед ними всю душу. Постарайся найти друзей, понимающих тебя. А на толпу, неспособную тебя понять, не обращай внимания, ведь они не чувствуют то прекрасное, что чувствуешь ты, и потому ты лучше их.

Аркадий С.,
Ленинградская обл.

Здравствуй, Алексей В.!

Хочу тебе сказать: мы не вечны. И только благодаря искусству и культуре человечество, которое будет жить после нас, сможет узнать и понять, как жили мы, чем занимались, что нас интересовало и волновало.

Поэтому мы должны беречь наши культурные ценности, дорожить нашим духовным богатством.

Алла А.,
Каунас.

Сергей!

Ты прав, девальвация высюек: слов — страшная вещь. Но творческие можно отнести не только к театру — красиво звучат все музы могут. Для нас, зрителей, поэтому важно уметь отличать правду от лжи, научиться определять свое отношение к произведениям искусства по тому, насколько они искренни.

Виктор ПЕТРОВ,
Кострома.

Коллаж
Олега ГРАЧЕВА

Неужели эти несчастные 200 рублей для тебя и есть камень преткновения, предел мечт и желаний — все то, к чему стремишься и без чего себя не мыслишь? Тогда нет ничего удивительного в том, что тебя не волнуют духовные ценности и культурное наследие. А на твой вопрос: «Кому все это нужно?» — можно одно сказать: «Любям». И жалко, если ты не понимаешь этого!

Светлана ЛАРИОНОВА,
Тюмень.

«А для чего тебе «вести рэ», если ты не знаешь, куда их потратить? Культурных запросов у тебя нет, интересов, целей — тоже. Сколько бы ты ни получал — ты беден, и жизнь твоя будет скучной!»

Ирина Б.,
Волгоград.

С большим интересом читаю письма молодежи в газеты и журналы. Жаль, что мало пишут. Хочу обратиться к молодым: пишите больше, друзья, пишите по всем вопросам, вплоть до философских.

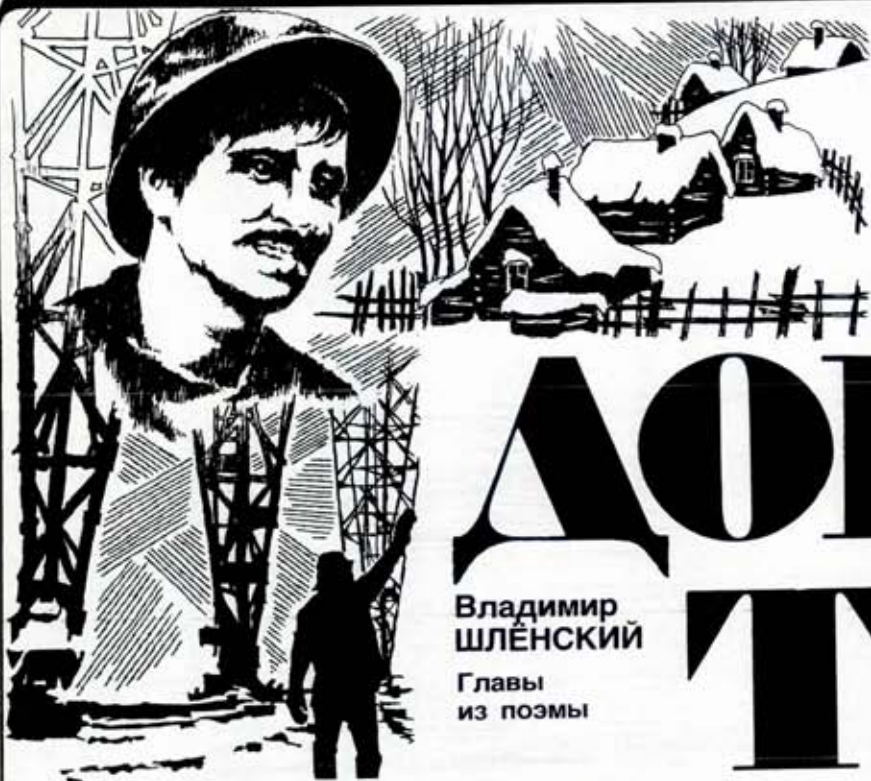
Небольшой отрывок из письма Наташи К., по-моему, требует серьезного разговора. Писем так много, и все спрашивают: как убедить сверстников? Дело это трудное. Наташа. Оно далеко не всегда удается и более опытным товарищам. Насколько здесь ничего не достигнешь. Тем более не следует презирать и ругать своих товарищей. А ты не пробовала читать свои стихи не в классе, а сначала одной-двум подружкам дома или на прогулке? Разумеется, стихотворения для этого следует подбирать лучшие, любимые тобою самой. Впрочем, хорошие советы давать нетрудно — труднее им следовать.

Ветеран партии, войны и труда, 75 лет

А. МОСЯКИН,
с. Кивяричи, Калининская обл.

Открывая рубрику «Молодежь и культура» (№ 14), наш журнал опубликовал несколько писем читателей. «Зачем нужны культурные традиции?» — удивлялся Алексей В. из Смоленска. Наташа К. из Воронежа огорченно рассказывала о своей неудачной попытке прочитать стихи одноклассникам. «Верите ли вы сами, люди искусства, в высокие слова: честь, совесть, порядочность, произносимые вами с театральной сцены?» — спрашивал Сергей Лысенков из Ленинграда. В нашей почте сотни писем в рубрику «Молодежь и культура». Они спорят, отстаивают свои часто противоположные точки зрения. Читатели волнуются, потому что, по мнению многих, здесь, так сказать, на культурном фронте определяется лицо нашей молодежи. Каким будет поколение, входящее в жизнь? Какие культурные ценности примет оно как свои?

Сегодня мы продолжаем начатый разговор и публикуем несколько откликов на письма, открывшие рубрику. (Вызывает, правда, удивление, что некоторые авторы писем почему-то скрывают свои фамилии.)

«Мы, северяне,— дозоры тепла...»
Л. ВИНОГРАДСКИЙ

Тюмень. Забит аэропорт.
Мы погибаем от безделья.
В киоске лишь «Советский спорт»,
и тот за прошлую неделю...
Вот парень в меховых унтах
сидит, и с огоньком в глазах
читает увлеченно он.
Агата Кристи? Сименон?
Адамов? Или Керуак?
Смотрю, а на обложке — «ПУШКИН»...
И рядом чай дымится в кружке.
Ну, что же, это добрый знак.
Пусть все покажется наивным,
но мы с надеждою глядим...
Взлетает турбореактивный,
сверхсовременный серафим.
Летим в Надым!

Знакомство с бурмастером Петровым

Время, словно белка в колесе,
стрелки задевает коготками...
Самолет на взлетной полосе.
Мы уже пристегнуты ремнями.
Напряжен, как человек, металл,
будто знает,
что прибавил в весе...
Парень тот,

что Пушкина читал,
оказался на соседнем кресле.
И, не тратя на знакомство слов,
коротко представился: «Петров».
Он — бурмастер.
А летит он в Ямбург.
Лишь вчера покинул город Гамбург,
где он в турпоездке был недолгой.
Сам нездешний,
родом с Нижней Волги,
потому немного и на «о»
говорит протяжно и легко...
Я в тот миг еще не знал, не скрою,
что встречаю своего героя.
У него совсем обычный вид —
он на вахту новую спешит.
Я ему представился в ответ,
что, мол, вот пишу стихи, поэт...
Пассажиры все угомонились,
и с Петровым мы разговорились...

Отношение Петрова к поэзии и поэтам

Простоя в нашей работе нету.
С утра работаем до утра...
Бурмастера —
немного поэты.
Поэты — немного бурмастера.
Я знаю — вечность живет в минуте.
И нами движет порыв один —
должны мы все же дойти до сути,
дойти до самых ее глубин.

Владимир
ШЛЕНСКИЙ
Главы
из поэмы

ДОНОРЫ ТРЕЩЛА

Пройти нам нужно
сквозь грунт особый,
мерзлоты вечные пробурить...
Ведь газ, как слово,
согреть способен.
Ведь газ, как слово, может убить.
Мы в тундре топливо добываем.
Но людям также стихи нужны.
Мы только тело обогреваем.
Вы души нам обогреть должны...

Машина задыхается, ей трудно,

но мы летим, касаясь облаков.
На сотню верст в округе —
лесотундра
и грозное безмолвие снегов.
Лишь редко-редко

контуры селений
квадратами чернеют на снегу.
Оттуда быстроногие олени
унесут нарты в ближнюю тайгу.
Топографы свои сверяют карты —
куда теперь дорога уведет?
А ненец в яркой малице на нартах
летит и что-то зычное поет...
Подстерегает ледяное горе
любого,
кто с пути свернет чуть-чуть.
Но где-то далеко за Уренгоем
буровики прокладывают путь.
Здесь нелюдими ели вековые.
Их кроны не тускнеют от времен.
И каждый, кто увидел их впервые,
останется в них трепетно влюблен.
Снега дрожат
на их зеленых пальцах.
Какая первозданность и краса!
На горизонте круглом,
как на пьльцах,
натянуты природой небеса,
и, северным сиянием расшиты,
они ночами над землей дрожат.
Пространство
с четырех сторон открыто
для всех ветров —
куда ни кинешь взгляд...

Отношение Петрова к природе и экологии

В природе все до мелочей отлажено.
Все взвешено и принято в расчет...
Комар устроил буровую скважину,
и кровь моя по хоботку течет...
Я — Человек! Я подотчетен разуму.
Небезобиден я уже давно.
Мы с комаром глядим
на мир по-разному,
друг друга
не понять нам все равно...
Комар и жаден, и своеобразителен,
расправы над собой
не станет ждать...

Владимира Шленского помнят в «Смене» еще совсем молодым рабочим парнем. В 1968 году он принес в журнал свои стихи, постепенно обрел собственный поэтический почерк, его полюбили в редакции, полюбили читатели. Володя был эмоциональным, даже неистовым человеком. Его короткая жизнь — сорок лет с небольшим — наполнена бурными событиями: он работал слесарем на машиностроительном заводе, мастером по осветительной технике в кино, санитаром в больнице, служил в Советской Армии, окончил Высшие литературные курсы, был редактором «Московского литератора», изъездил страну от Колымы до Кавказа, от Средней Азии до Прибалтики, от Камчатки до Заполярья. Только за последние месяцы жизни успел побывать в Тюмени и Ямбурге, на Урале и в Узбекистане, в Польше и Афганистане... Он многое успел, но еще больше его ждало впереди. С горечью восприняли известие о его смерти друзья. Главы из его последней поэмы, написанной несколько месяцев назад, мы предлагаем вниманию читателей.

Сегодня от Аляски до Бразилии
железных комаров не сосчитать.
И люди на Большой земле, бывает,
про землю начинают забывать,
ведь клады дорогие добывая,
не надобно природу добывать!
Нам алчности не следует учиться
у комаров —

иначе ждет зола...
Мне хочется,
чтоб знали зверь и птица,
что человек не причинит им зла.
Земли хозяин —
есть такая должность,
и нужно,
чтобы каждый к ней привык.
Мне кажется, об этом помнить должен
министр, поэт, ученый, буровик...

Мы прилетели в этот город,

побелкой пахнувший, дымком.
Тут каждый дом и житель молод.
И видишь новизну во всем.
Надым. Название знакомо.
Оно глядит с полос газет.
Тут всем работникам горкома
едва-едва под сорок лет.
Здесь ритм другой, иные мерки,
чем в стольном городе у нас.
Здесь все видно, как на поверке,
ничто не скроется от глаз...
Мелькают детские коляски
наперекор ветрам и льду...
А вот бассейн,
как будто в сказке,
у ребятишек в детсаду.
Бассейн, представьте,
в Заполярье,
где вечной мерзлоты покров,
где горизонт затянут хмарью,
где жжет морозец — будь здоров! —
и тундра дышит по соседству...
Вот дом растет.
Он встанет в срок.
Ведь не случайно форму сердца
напоминает мастерок.
...Мороз белил усы и брови.
Нет ничего важнее, кроме —
тянуть вперед трубы струну.
Я понял — будет все, как надо:
одна судьба — одна бригада.
На трассе встретишь всю страну.

Авторское отступление о «длинных» рублях...

Кому-то кажется вдали —
длинные на Севере рубли...
Когда мороз под пятьдесят,
под каблуком рубли хрустят.
Когда случается аврал,
как скорлупа, трещит металл,
ребята по уши в снегу,

никто не скажет: «Не могу...»
И в этой северной дали
идет отсчет не на рубли...
И тянется трубопровод
по тундре, в Ужгород, вперед!
На вахте, на краю земли,
по три недели без семьи.
Работа. Сон...

Работа. Сон...
И роботы на один фасон.
Электросварка, как салют
самим себе —
за честный труд!
Бывает, от рублей и выюг
сбегают кто-нибудь на юг...
Здесь те, кто выдержать смогли
вот эти «длинные» рубли...

Мысли Петрова о работе и зарплате

Я с детства знаю —
труд всему начало,
о чем пословиц сложено немало.
И вы в любом учебнике прочтете,
что всякий труд
у нас в стране почетен.
Я жил, как все.
Работал так, как надо,
и получал нормальную зарплату.
Но вот однажды,
словно гром зимою,
услышал я проклятье за спиной,
оно летело в едких брызгах яда:
«Чтоб жил ты
только на одну зарплату!»
Я не шикарно жил.
Но был безгрешен.
А вот и ценник на меня привешен.
На ценнике том четко различаю —
я столько стою, сколько получаю...
А этот стоит сто,
а этот — двести.
А тот хоть глуповат,
но он при «месте»
или при тесте — в общем, стоит
триста...
А сколько стоит
мастерство артиста?
Измерить чем бессонницу поэта?
Ответ не просто
мне найти на это...
А может,
сопоставить все же надо
объем работы

и объем зарплаты,
когда порой отдельная зарплата
зовется
просто-напросто «зряплата»...
Ужели нам рублем
друг друга мерить
и в ценнике непогрешимо верить?
Ужели возвеличивать излишки
и вместо паспортов
носить сберкнижки?

Идут уроки в средней школе,

блестит узорами стекло.
А в тундре, словно в чистом поле,
белым-бело,

белым-бело...

Ну, что особенного, вроде
обычный, рядовой урок.
Указкою учитель водит—
вот здесь трубопровод пролег:
труба от Западной Сибири
к Европе Западной идет...
Учитель говорит о мире.
Учитель помнит страшный год—
год сорок первый... «Мессершмитты»
льют свой свинец на эшелон.
Воспоминанья не убить.
Был в этом эшелоне он...
Учитель говорит о мире,
хоть помнит про блокадный лед...
Тепло из Западной Сибири
к Европе Западной идет.
Тепло струится голубое
по трубам... Я ищу ответ—
тепло Сибири, кто тобою
в Европе будет обогрет,
в той самой, где пестрит реклама
так, что порой в глазах темно?
Кого нам греть?
Скажу вам прямо:
мне это все не все равно!
Тех, кто на рукава торочит
цепные свастикки опять?
Тех, кто нас «першингами» хочет
сегодня снова запугать?
Об этом даже думать больно...
И мысль во мне живет светла—
к рабочим Гамбурга и Кельна
мы тянем ниточки тепла...
Я снова вглядываюсь в лица
ребят за письменным столом.
Они готовы поделиться
душевным, искренним теплом.
Мы обучаем их подробно
все в этом мире понимать.
Мы верим, что добро способно
взаимное добро рождать.
Наш мир тревожен, как и прежде...
Звонок. Окончился урок.
На них Земля глядит с надеждой
сквозь полушариев бинокль...

Авторское отступление, рожденное той же ночью в надымской гостинице...

Мир, в котором я живу,
и прекрасен, и опасен.
Мир, в котором я живу,
и загадочен, и ясен.
Мир, в котором я живу,
не предскажут зодиаки.
Мир, в котором я живу,
вопросительные знаки.
Зыбок он, как никогда,—
колыбель, росток рассвета.
Неужели глыбой льда
станет синяя планета?
Неужель поглотит тьма
синеву над каждым домом?
Плод враждебного ума—
делать космос полигоном.
Нет, не смертоносный груз
должен в небеса подняться,
как «Аполло» и «Союз»,
мы должны состыковаться.
...Космонавт, едва дыша
от волненья, видел в дымке,
как планета хороша
в синей газовой косынке...

Сидим мы в уголке укромном с директором «Надымгазпрома»

Он весь в делах уже чуть свет...
Он строит парники и ясли.
Кому-то, может быть, не ясно,
что в смете этих яслей нет...
Но ходят молодые пары
на танцы, видимо, недаром—
Стрижов поможет и поймет.
Как без огня не будет дыма,
так без любви не быть Надыму.
Любовь жилью себе «пробьет»!

И будет все здесь честь по чести.
Проблемы вечно ходят вместе.
Их надо набело решать.
И я скажу кому угодно—
за все, что сделано сегодня,
придется завтра отвечать.
Да, здесь подчас работать трудно.
Здесь люди обживают тундру,
чтобы страна жила в тепле.
Счет не на дюймы, не на ярды—
здесь счет идет на миллиарды,
под стать размаху и земле.
И вот сидит передо мною
давно не знающий покоя
миллиардер В. В. Стрижов.
А люди-то вокруг живые.
Спешат на Север буровые,
туда, где океан суров...

Размышления Петрова о начальстве

Костерить легко начальство...
А начальству каково?
Может, это и начальство,
что ругаю мы его...
Теребят его министры,
главки, собственный профком,
фотокоры, и артисты,
и прораб, и управдом...
Нет покоя ни минуты.
Буровая. Трест. Завод.
И, хотя морозы люты,
как везде,
горяч народ.
Быть на Севере начальством—
не захочешь орденов...
Разорвут тебя на части
при раздаче орденов.
Ни рецептов нет, ни логий,
чтоб параграф обогнуть,
без сомнительных эмоций
выбрать самый верный путь,
лишний дом построить к лету,
средства для ДК найти,
и по проволоке сметы,
как эквилибрист, пройти,
быть принципиальной, строже,
делать главные дела...
Выговор порой дороже,
чем большая похвала...
Сколько риска и отваги
нужно все-таки иметь,
чтоб за ворохом бумаги
главное не проглядеть,
чтоб среди рабочих буден
знать, что жизнь вперед идет,
что отдельно рядом—люди,
а все вместе—наш народ.

Надым уснул, укутан в снежной хмари,

звонит октавой под ногами лед.
И вот Стрижов играет на гитаре,
как будто бы и нет других забот.
Играет, позабыв,
что он начальство,
с гитарою стоит наперевес.
Играет он без показного чванства,
не хуже,
чем Марчук на Братской ГЭС.
О буровых рассказывают гордо
не лозунги—
гитарная струна.
Поет душа. И каждому аккорду
внимает за окошком тишина.
Чтоб песни петь,
не нужен важный повод.
И слушаем мы песни чуть дыша.
Ложится в лесотундре газопровод.
И вложена в мелодию душа.
Пусть подпоют

Медвежье с Вынгапуром,
чтоб эти песни слышала страна.
Прибавлена
к семи гитарным струнам
восьмая газопровода струна.
Она поет взволнованно,
без фальши.
От снега и от помыслов светло.
От Ямбурга до Гамбурга и дальше
по трубам этим побежит тепло.
Надым уснул,
укутан в снежной хмари,
морозными узорами объят.
Пускай Стрижов играет на гитаре—
простой, советский,
газовый магнат...

Размышления Петрова о самом главном

Ивановы, Смиты, Шмиты, Крамеры,
бесконечен ваших судеб ряд...
Над планетой газовые камеры
вехами безумия стоят.
Кто все это позабыть осмелится
в наш тревожный,
повзрослевший век?
Ведь над Бухенвальдом
и Освенцимом
кружит серый пепел, а не снег...
И порою «Штерны» или «Шпигели»
призывают прошлое забыть...
Нет! Мы все сегодня—
Уленшпигели,
пеплу, что сердца жжет, не остыть...
Есть для жизни газ,
и есть для гибели.
Сам себе он путь не выбирал.
Газ, в Европу
принесенный Гитлером,
не обогрел, а убивал.
Мир очнулся от войны и хаоса.
Кто есть кто—
поймет теперь любой.
Треблинка? Дахау? Маутхаузен?
Ужгород! Помары! Уренгой!

Авторское отступление, написанное под впечатлением от размышлений бурмастера Петрова о самом главном

Век открытий, гениев, маньяков,
солнца и ракет над головой...
Сколько жизней в газовых атаках
захлебнулось в первой мировой...
А вторая эта мировая
тронула своим огнем всех нас.
И Европа битая, босая
в камерах глотала едкий газ...
Мировые войны—не предания.
Наша память врезана в гранит.
Мировые войны... Сочетание
этих слов мне душу берedit.
Тянется наш мир к добру и свету.
И одно сегодня ясно мне—
не должны мы дать спалить планету
в третьей антимировой войне!

Прощание с Петровым

Таежный автобус
рванулся вперед.
Таежный автобус—
простой вертолет.
Железная глыба,
тревожа покой,
он сказочной рыбой
плывет над тайгой...
Морозы здесь строги
и ветры резки.
И вместо дороги
лишь контур тайги.
И резкого света
не выдержит взгляд.
На вахту, на смену
ребята летят...
От снежных колючек,
от резких ветров,
не сникни, попутчик—
бурмастер Петров!
Даю тебе слово
я не впопыхах—
мы встретимся снова
на этих ветрах.
Планета, не глобус—
под нами кружит,
наш общий автобус
сквозь время спешит.

Рисунки
Елены
Ульяновой

Нелегкое бремя
несем без прикрас.
Мы мчимся сквозь время.
Но время за нас!

Открытка, отправленная Петровым любимой женщине перед отлетом

(Цитирую полностью
с разрешения Петрова)

Ужель не может шар земной
ужиться в тишине и мире...
Порою вот и мы с тобой
не ладим в собственной квартире...
Стараюсь подобрать слова,
не веря в подлость и коварство.
Ужели мы с тобою—два
враждующие государства?
Ведь от упреков и угроз
мы многое теряем в жизни.
Из маленьких метаморфоз
возникнуть могут катаклизмы...
Пытаюсь я тебя понять
со всем терпеньем и стараньем.
Я так хочу найти опять
с тобой взаимопониманье.
Оно—полпред.
И мы должны
Для счастья жить,
не для мытарства.
Два человека. Две страны.
Два непохожих государства...

Город здесь построен молодыми, им здесь жить, работать,

песни петь.
Если не бывали вы в Надыме,
мне вас остается пожалеть.
Кто-то ягель любит, кто-то клевер,
для кого-то соловей поет.
Есть на крайний случай
Крайний Север—
он и обогреть, и поймет.
И невольное радостное слово
вырвется, как птица из руки—
есть у нас Петровы и Стрижовы,
есть у нас в бригадах Дедуки!
И под этим вечным небосводом
дело их в единое свело.
Как по венам, по трубопроводам
северное движется тепло.
Есть работа.

В помощь ей—гитара.
И звезда Полярная светла.
Ведь о них сказал поэт недаром:
«Северяне—доноры тепла...»

Надым—Тюмень—Москва.

Т

ак уж повелось, что в искусстве каждый почитает себя, ну, если не знатоком, то хотя бы «имеющим право голоса». Чтобы судить о проблемах современной физики, надо не просто специальное образование иметь, надо еще много «сверх программ» знать.

А искусство — оно беззащитно перед приговором любого. Но ведь и то сказать — к любому и апеллирует художник.

Противоречие налицо. С одной стороны, мы все знаем пушкинское «Суди, мой друг, не выше сапога». С другой — полагаем, что подлинное творчество близко и понятно всем. Слышали не раз горделивые заявления поэтов и ваятелей о том, что их произведения народны. Но приходилось и иное выслушивать — да кто вы такие, чтобы судить об изящном?!

Архитектуре в этом плане «не повезло», быть может, сильнее других видов художественного творчества. Ведь к ней действительно имеют отношение миллионы и миллионы — всякий, кто вколотил гвоздь в постройку зодчего, уже является его «соавтором». Что говорить о тех многочисленных «творцах», что стеклят лоджии или проламывают стены своих квартир — они притязают уже на то, чтобы «подправить» архитектурный образ...

С этих соображений приходится начинать потому, что разговор пойдет о судьбе памятников культуры, которым очень часто не везло в прошлом, не везет кое-где и сегодня. Несмотря на то, что уже добрых двадцать лет вся наша печать заполнена статьями, призывающими беречь и сохранять постройки, дошедшие из иных веков. Благодаря таким усилиям общественности уже не встретишь удалых вандалов вроде изображенного Шукшиным в рассказе «Крепкий мужик». Но равнодушных еще тьма.

На глазах у равнодушных уродуют городской центр Ярославля (улица Свободы), сносят исторические здания в Москве и Свердловске. Им дела нет до замшелых камней — у них сиюминутных забот хватает. Может, прав поэт: мы ленивы и нелюбопытны? Нет, дело не в этом: сказывается недостаток общей культуры. Слишком долго нас призывали руководствоваться здравым смыслом, видеть везде практическую пользу. «Не можем ждать милостей от природы...» «Архитектурные излишества...» Но сегодня слышим: природа ждет от нас милости. Да и насчет «излишеств» мы иначе думаем — не в них ли суть, не они ли отличают искусство от создания бухгалтерского вдохновения?..

Старый Баку тоже знавал всплески нигилистического удалства. Сносили неповторимый по исполнению кафедральный собор, в создание которого вложены труд и средства тысяч людей, чтобы возвести на его месте унылый параллелограмм, каких немало сыщется в любом углу земного шара. Перекраивали кому не лень старые здания так, что из-за налепленных «сот» не разглядеть было высокохудожественной основы. Замазывали какой-нибудь ядовитой охрой живописные плафоны...

Но сегодня об этих временах как о страшном сне вспоминаешь. Всюду следы целенаправленной работы по восстановлению былого архитектурного облика древних улиц, то и дело встречаешь старые здания,

ФРАГМЕНТ
ОТРЕСТАВРИРОВАННОГО ДОМА.

ТЕПЛЫЕ КАМНИ КАРАВАН-САРАЯ.

огороженные щитами с лаконичной надписью «Барпачи» («Реставратор»). Это название главного научно-производственного управления по реставрации памятников градостроительства, архитектуры и археологии при Бакинском горисполкоме. Когда видишь помолодевшие, словно принарядившиеся кварталы Ичери шехер — исторического центра азербайджанской столицы — трудно поверить, что все это сделано всего за несколько лет. Деятельность по восстановлению архитектурного наследия прошлого окружена очевидным вниманием: постоянно попадают на глаза группы людей, наблюдающих за работой реставраторов. Есть ощущение того, что люди воспринимают возрождение старины как важное дело.

И это после долгих лет безразличия, после длинной череды бюрократических помех. Пишу об этом для того, не скрою, чтобы привести вдохновляющий пример для тех энтузиастов охраны памятников старины,

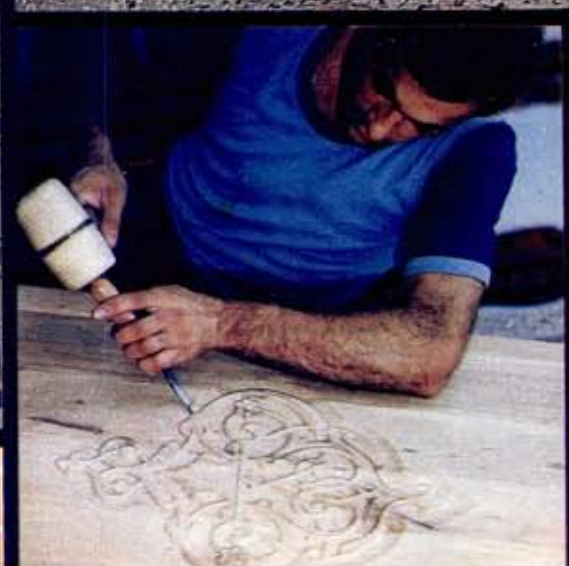
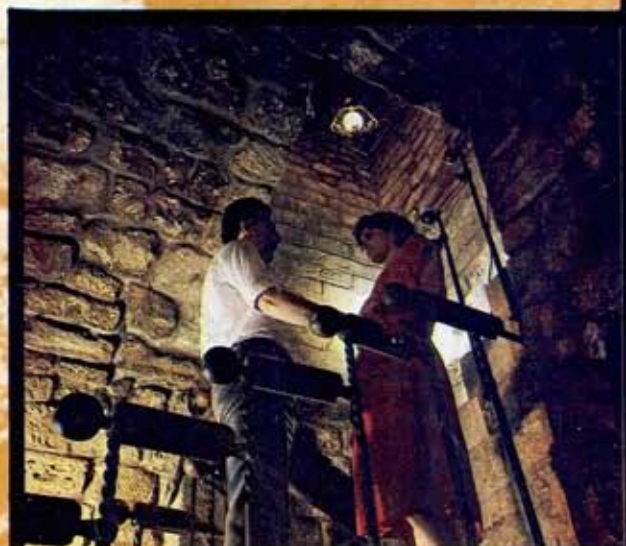
Отечество

Сергей
ПЛЕХАНОВ

И Н ЗАВЕ ХРА

БОРИС ХЕЧОЯН —
РЕЗЧИК ПО ДЕРЕВУ

которым в иных местах еще приходится биться за каждый дом, доказывать поборникам барачной симметрии ценность церквушки. Ибо верю, что их деятельность тоже когда-то приведет к «прорыву»: тяжело, темно, стена, и вдруг—свет, все ожило, задвигалось, все поняли, всем интересно стало, чешут затылки: «Как же это раньше не видели—красотища какая...»

Когда я беседовал с главным инженером «Барпачи» Германом Дмитриевичем Васильевым и главным архитектором того же управления Сананом Саламзаде, я отметил, что в их обстоятельных речах не сквозила горечь, свойственная многим из их российских коллег. Реставраторов, активистов общества охраны памятников истории и культуры нередко отличает своего рода закомплексованность—никому до нас дела нет, где-то на обочине жизни прозябаем. У моих бакинских собеседников такая тональность полностью

отсутствовала. Именно это, а не впечатляющие цифры, приведенные ими, убедило меня: здесь работают с полным сознанием своей нужности людям.

Санан Саламзаде говорит:

— Мы не ставим своей задачей просто восстановление и консервацию определенного градостроительного облика. Мы формулируем принцип своей деятельности по-иному: регенерация, то есть воссоздание исторической атмосферы. Это значит, с современным человеком, пришедшим в Ичери шехер, будет вести диалог не только архитектура, но и культурно-бытовой уклад, воплотившийся в повседневных житейских делах населения древних кварталов. Работа по возрождению Ичери шехер предполагает не выселение людей из отреставрированных зданий, а, напротив, обживание ими памятников зодчества. Человек сообщает камню свое тепло, одухотворяет его.

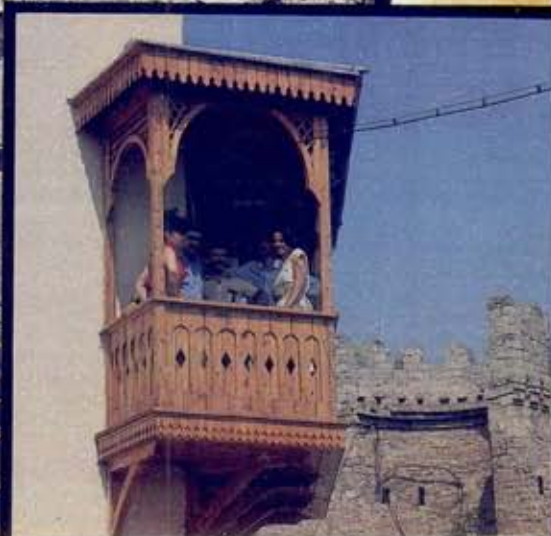
Есть опыты, так сказать, музеефикации исторических городов. По улицам шествуют только туристы. Здания заняты разного рода подразделениями «культсектора». А ощущения былого нет, чувствуешь себя как на базаре, не столько памятники видишь, сколько разношерстную толпу: позируют «на фоне», поедают «историческую» снедь, попевают ностальгический сбитень. Когда отсутствует человек, обитатель исторических построек, выпадает то звено, которое связывает нас с прошлым. Выходит, минувшее существует само по себе, а мы сами по себе, в разных временных измерениях.

Зная об отрицательном опыте такого рода, бакинские историки и архитекторы отказываются от театрализации в стиле «ретро», они хотят воссоздать жизнь. В их намерение не входит ограждение Ичери шехер от старого города, наоборот, древнее ядро должно стать органичной частью современного центра Баку, через него пролягут пешеходные пути. При этом обыкновенное—не показное «этнографическое бытие»—будет идти своим чередом. В нижних этажах домов Ичери шехер планируется разместить мастерские: ковровые, гончарные... Традиционные промыслы обретут здесь своего рода базу. Но основная площадь будет по-прежнему занята жильем.

Важно и то, что в средневековых кварталах сохранится древнее пространственное деление по махаллам, конечно, в преобразованном, современном виде. Когда-то эта административно-бытовая единица означала нечто вроде квартала единоверцев, объединенных, помимо всего, общностью профессии, национальности. Сегодня махалла может тяготеть не к мечети или церкви, но к какому-то клубу по интересам или к... бане. Да, бане, ибо в древности они также были своего рода клубами, центрами притяжения, сблизившими людей, и имелись в каждой махалле.

**СОХРАНИТЬ УНИКАЛЬНЫЙ ПОЧЕРК
СТАРЫХ МАСТЕРОВ—
ОБ ЭТОМ ЗАБОЯТСЯ
АРХИТЕКТОРЫ «БАРПАЧИ».**

**ТАКИЕ
БАЛКОНЫ
УКРАШАЮТ
МНОГИЕ
ДРЕВНИЕ
ПОСТРОЙКИ.**

Молодежь и культура

АМ ЩАНО ИТЬ

Фото Виктора САККА

ватало за последние годы и оргмероприятий, и с изданием первой книги вроде бы полечче стало, а вот новых Лермонтовых (по возрасту хотя бы) что-то не прибывает. По сей день слышишь: «Да в ваши годы Пушкин уже на Черной речке стрелялся... А у вас всего несколько повестушек напечатано...»

И ведь верно — если принятие в соображение объема сделанного Пушкиным как непременное условие для допущения на Черную речку, то нынешним молодым придется доковылять к барьеру годам к шестидесяти... А там уж и сатисфакции требовать как-то неловко — в пенсионном-то возрасте.

Литература, искусство — свидетели и свидетельств того, что происходит в обществе. Долгое время мафусаиловы годы служили как бы гарантией опытности руководителя, вот и вышло, что сорокалетние стали ходить чуть ли не в мальчишках. Ситуация в творческой сфере зеркально отразила положение, создавшееся в социальной жизни. «Мои года — мое богатство» — сия немудреная формула вполне точно выражала суть происходящего.

Но не только «геронтократия» в искусстве повинна в том, что возраст зрелости все повышается, а пишущая (снимающая, рисующая) молодежь все чаще дает основания для обвинений в инфантильности. Во многом способствует этому разделение отдельных отрядов, если так можно выразиться, творческой интеллигенции. Литераторы сами по себе, кинематографисты сами по себе...

Эти мысли предшествовали моему знакомству с положением дел в Казахстане — туда я летел как раз за подтверждением (или опровержением) своих выкладок. Маршрут же мой определился именно в силу того, что я был слышан: там не так, там на проблему воспитания творческой смены смотрят широко, масштабно, стремятся к своего рода синтезу творческих исканий. Оттого и «показатели» — если можно употребить этот термин применительно к творчеству — высоки. За последние несколько лет молодые исполнители Казахстана, поэты, режиссеры были премированы на авторитетных союзных и международных конкурсах. Пианистка Жания Аубакирова и скрипачка Гаухар Мурзабекова стали лауреатами Парижского конкурса молодых исполнителей в 1983 году (2-я премия). Айман Мусаходжаева — лауреат конкурса скрипачей в Токио, в 1985 году премирована на конкурсе в Хельсинки. Певец Алибек Днишев — лауреат трех международных конкурсов. Баянст Анатолий Гайсин получил серебряный кубок мира в Гамбурге (1983). Пианистка Гульжамил Кадырбекова выиграла конкурс Виотти в Италии. Картина режиссера А. Альпиева (при участии С. Бодрова) «Сладкий сок внутри травы», снятая на «Казахфильме», получила «серебро» на XIV Международном кинофестивале в Москве (1985). Начиная с 1979 года ежегодно кто-то из казахстанцев удостоивается премии Ленинского комсомола — поэт Мухтар Шаханов, дирижер Толенберген Абдрашев, певица Роза Рымбаева, фольклорно-этнографический ансамбль «Отрарсазы». Художники Анарбек Накисбеков и Ерболат Тулебаев получили две первые премии на советско-чехословацком конкурсе «Наш современник».

Этот феерверк «рекордов» совпал по времени с усилением работы творческих союзов Казахстана, ЦК ЛКСМ республики по руководству творческой молодежью. Именно в эти годы привились фестивали искусств «Жегири», призванные выявить новые имена, ускорить вхождение начинающих авторов, исполнительских коллективов в художественную жизнь.

В числе учредителей «Жегира» — Союз писателей, Союз композиторов, Союз кинематографистов, а также Министерство культуры, Госкино и прочие организации, ведающие делами искусства и литературы. Они осуществляют не только общее руководство фестивалем, но и финансируют его. В результате на несколько дней в распоряжение молодых авторов и исполнителей передаются лучшие сцены и кинотеатры, начинающие артисты получают возможность показать себя не на клубном уровне, они проходят испытание по большому счету. И зритель у них тоже большой — не тот, что из снисхождения похлопает.

Обо всем этом я узнал еще до поездки и собирался разузнать в Алма-Ате не столько о новых достижениях, сколько поразмыслить, что называется, с козырями на руках о том, чему можно поучиться у коллег из Казахстана, расспросить их о тех проблемах, которые, возможно, еще виднее, еще рельефнее проступают в условиях хорошо организованной работы.

Канат Бекмурзаевич Саудабаев, председатель Госкино республики, подчеркивает, что воспитание творческой молодежи имеет для кинематографистов Казахстана основополагающее значение. Ибо в штате «Казахфильма» большинство составляют молодые режиссеры, операторы, актеры.

прошлое, морально подавить его, взметнув рядом с ним высотное здание из стекла и бетона. Бывают и похуже примеры.

Помню, как резануло душу соседство средневекового шедевра и печальной памяти типовой пятиэтажки образца шестидесятых годов. Было это в Самарканде. Рядом с всемирно известным комплексом Регистан (медресе Шир-Дор, медресе Улугбека) вытянулось унылое и довольно-таки облезлое творение, характеризующее наше градостроительство отнюдь не с лучшей стороны. А еще больше характеризовало это соседство отцов города и его архитектурную службу.

В Ичери шехер мне показали несколько «новоделов» — там закрыли стилизованной под ампири перемычкой с круглым окошком щель между двумя домами XIX века, там смело подправили наличники, соорудили «по мотивам» утраченные детали декора. И это не режет глаз, не оскорбляет вкус, ибо архитекторы подошли к делу творчески, признали подчиненность своих созданий по отношению к наследию прошлого.

Исторический Баку — это не только средневековый центр, сложившийся вокруг дворца ширваншахов. Это большой, красивый город, выстроившийся в XIX — начале XX века за крепостными стенами древней цитадели. В период бурного роста нефтяной промышленности здесь строились дворцы богатей и доходные дома, в которых селилась интеллигенция, театры и культурные сооружения, гостиницы и торговые сооружения. Поскольку Апшеронский полуостров богат строительным известняком, дома возводились из «белого камня» — так именовали его у нас на Руси. Мягкий, податливый материал позволял украшать стены зданий причудливой резьбой. В лепке, в штукатурке не было необходимости. Бакинские дома из камня строены навек, их не надо красить, с годами благородная патина только придает постройкам величавость и выразительно подчеркивает детали.

Правда, и кварталы XIX века сохраняются не всегда идеально. Безграмотные переделки также исказили первоначальный облик многих зданий. Сейчас идет реставрация «Дворца счастья», выстроенного менее восьмидесяти лет назад. Срок совсем небольшой. А сколько безвкусных напластований приходится сдирать, пока доберешься до первоосновы! Много домов облеплены, как сотами, деревянными галереями — это наследие тех лет, когда в жертву ложно понятой индустриализации приносились и природа, и красота, и сам человек. Теперь расчистка подобных «ласточкиных гнезд» обходится в копейку — ликвидация каждой коммуналки чревата необходимостью выписать дюжину ордеров на отдельные квартиры. И не раз, наверное, замирало в воздухе перо, прежде чем подписать документы о начале реставрации таких зданий, в которых скученно жили десятки семей. Но — при всей сложности таких решений — их принимают. Очень важно, что именно администраторы понимают: регенерация красоты (воспользуясь термином Саламзаде) — одна из главных целей современного градостроительства. Часто почему-то именно до наделенных властью администраторов в последнюю очередь доходит, что дело не в статистике, не в гигантомании проектов, а в том, чтобы обеспечить человеку духовный комфорт...

Сейчас реставрируют старую кирху на улице 28 апреля. Когда интерьер ее будет полностью восстановлен, в ней разместится концертный зал, зазвучит орган. Вместо безликого, никого не греющего склада (или что там еще было в этой злосчастной лютеранской церкви?) появится некий источник культурного излучения. Исходящий отсюда свет культуры как-то поиному организует близлежащее пространство, хотя ничего нового здесь не будет возведено. Простым изменением функций памятника можно добиться социально-нравственного воздействия на людей. Это и есть грамотное использование богатства, доставшегося нам по наследству.

Стараясь вписать архитектурную старину в контекст современности, мы неизбежно приходим к пониманию того, что нельзя сохранить лишь ее внешность. Сегодняшняя «начинка» должна соотноситься с тем замыслом, который подвинул древнего зодчего на создание тех или иных форм. Тогда заповедники, подобные создаваемому бакинскими градостроителями и реставраторами, смогут сыграть роль Красной книги культуры. Будем помнить, что такие книги первыми задумали биологи с целью предостеречь человечество от необдуманных решений, опасных для живой жизни.

Баня на Востоке — это тема отдельного разговора. Особенно если соотнести его с контекстом нынешней банной «эпидемии», распространившейся по всей стране... Знаю немало компаний, встречающихся по «банным дням» и распадающихся до следующей недели, и все их участники ждут встречи в парилке как праздника.

Таковыми «клубами» был когда-то богат Баку, сегодня восстановление и реставрация их только начинаются. Важно, чтобы все они вновь стали действующими, вместе с ними вернется очень важная — увы, утерянная ныне — сторона быта...

Итак, речь идет о восстановлении целостного образа бытия, материальным фундаментом которого является архитектура. Отсюда и подход, отсюда и осмысление Ичери шехер как целостного феномена. Общее число строений в средневековом городе — 838. Не все они являются шедеврами зодчества, говорит Саламзаде, но все должны быть сохранены. Ибо культурная ценность целого больше суммы ценностей составляющих его частей. Такое вот не правильное уравнение. Я бы назвал его определяющей формулой той научной дисциплины, которая пока существует в зачаточном состоянии: экологии культуры.

Позволю себе пространную цитату из работы академика Д. С. Лихачева, которая так и называется — «Экология культуры». Его мысли на этот счет могут дать ключ к пониманию значения памятников, подобных Ичери шехер. «Экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его нравственной самодисциплины и социальности. А между тем вопрос о нравственной экологии не только не изучается, он даже и не поставлен нашей наукой как нечто целое и жизненно важное для человека. Изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучаются нравственное значение и влияние воздействующей на человека силы всей культурной среды во всех ее взаимосвязях, хотя сам факт воспитательного воздействия на человека его окружения ни у кого не вызывает ни малейшего сомнения».

Я привел эти слова некоторым из своих бакинских собеседников. И понял, что попал в точку, — это же наши мысли, говорили они, только то, что пишет академик, бродило в душе на уровне импульсов, образов, не облечаясь в точные формулировки.

Действительно, признавался один из моих собеседников, когда что-то не ладится или неприятности по службе, дома, я иду побродить в старом городе. Час, другой — и настроение улучшается. Посидишь на старом камне, посмотришь, как играют ребятишки в крохотном дворике, постоишь под молчаливыми сводами дворца ширваншахов — сердца Ичери шехер — и услышишь поступь самого Времени. А твои обиды покажутся мелочью в сравнении с тем, что ты живешь, вдыхаешь запах древних стен, бывших свидетелями великого и смешного, добра и зла, сиюминутного и вечного.

Старые камни — своего рода аккумуляторы духовности? Конечно, такая постановка вопроса анекдотична. Не камни сами по себе, а наше представление о них одухотворяет их мертвую природу. Их касались руки тех, кто имел «замысел о красоте», следовательно, они посланцы вечности. Камень, дерево, обожженная глина — они прошивают толщу веков как «торпеды времени». Чуть не тысячу лет назад мудрец Хайям предупреждал:

«Увидав черепки — не топчи черепка.

Берегись!

Это бывших людей черепа.

Чаши лежат из них — а потом разбивают.

Помни, смертный: придет и твоя череда!»

Он ведь не только мусульманское представление о человеке, изваянном Творцом из глины, имел в виду. Он о тех же вещах, о которых мы сейчас говорим, размышлял.

До сих пор речь шла о сохранении, о неразрушении существующего. Но в живом городе не обойтись без нового строительства. Можно возводить такие сооружения, которые впишутся в градостроительную среду, а можно и «убить»

Но дело не только в арифметике. Именно с новыми именами связываются надежды на качественный подъем казахского кино. Негативные явления последних лет, о которых ныне много говорят в республике, когда заходит речь о ситуации в этой области, были вызваны во многом медленным творческим ростом молодых мастеров экрана.

Теперь положение выправляется. За истекшую пятилетку молодыми режиссерами «Казахфильма» создано 9 полнометражных и 15 короткометражных игровых фильмов. Помимо союзного объединения «Дебют», в рамках которого пробуют свои силы выпускники ВГИКа и Высших режиссерских курсов, имеется и республиканская система дебютов. По решению правительства Казахстана ежегодно выделяется около 350 тысяч рублей специально для обеспечения постановки фильмов режиссерами-дебютантами — такого нет ни в одной из пятнадцати республик, и это лишний раз подтверждает особое внимание, уделяемое проблемам творческого роста молодежи в Алма-Ате. Появились такие интересные работы, как «Коммунист Караушан» Дамира Манабая, «Начальник охраны» Амангельды Ташбаева, «Ясновидец Мажикен» Абая Карбыкова, «Бурной ночью» Саппара Сулейменова. Еркем Шинарбаев, сделавший в НТО «Дебют» короткометражную картину «Красавица в трауре», недавно закончил полнометражную телевизионную ленту «Сестра моя Люся» по сценарию известного прозаика Анатолия Кима. По общему мнению коллег, зрителей, критиков, это серьезная удача.

Не много времени прошло с момента организации республиканской системы кинодебютов, и поэтому итоги подводить рано. Можно говорить лишь об опыте организации подготовки творческой молодежи. Дело в том, что после многих лет «прорыва», имевшего место в кинематографии Казахстана, сразу наладить производство шедевров невозможно. Традиция соз-

сти своей малоперспективной. Лучшей формой общения был бы клуб творческой молодежи, куда могли бы приходиться студенты художественных училищ и вузов, начинающие актеры и т. п. В Алма-Ате, я бы сказал, весьма благополучном в этом отношении городе, и то непросто бывает «пробить» хорошую идею. 18 лет энтузиасты пытались заручиться поддержкой своего предложения о создании джаз-клуба. И никто вроде бы не препятствовал, все было «за». А первый концерт состоялся в декабре 1985 года. Прошло еще несколько музыкальных вечеров, но все — на чужих территориях. Пока квартирует джаз-клуб в актовом зале ЦК ЛКСМ.

Совсем недавно открылся городской молодежный клуб. На его собрании юношам и девушкам был впервые показан рок-балет в исполнении группы балетмейстера Жаната Байдаралина. Успех гигантский. Инициаторы создания клуба полны оптимизма. Я думаю, он оправдается, если клуб опять-таки получит постоянную прописку. Все-таки нельзя недооценивать привязанности людей — в том числе и молодых — к своему дому, к определенному ритму жизни. Недаром даже в барах и дискотеках в основном завсегда собираются.

Тут самое время сказать несколько слов от имени воображаемого скептика. А что если такое уединение творческой молодежи приведет к тому, что она

В дни работы последнего съезда писателей России прочел в докладе председателя мандатной комиссии такую цифру: из 567 делегатов только 26 моложе 40 лет. И это спустя 10 лет после принятия постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью», в котором предусматривалось более смелое выдвижение литературной смены, создание благоприятных условий для выявления творческой индивидуальности молодых писателей. И это в эпоху, отмеченную динамизмом в социальной жизни, обновлением не только пресловутых «стиля и методов», но и самого подхода к решению назревших проблем.

опека или попечительство

Сергей НИКОЛАЕВ

дается десятилетиями, постепенно — как плодослой, из года в год намываемый рекой. Как неизменен этот процесс в природе, так же постоянен должен быть поиск в искусстве. Обеспечить его преемственность и есть задача тех, кто руководит кинопроцессом. Надо создать условия для максимального выявления возможностей начинающих режиссеров, считает Саудабаев, при этом главное не мастеритость дебютанта, а момент новизны, личностное начало. Пусть будет «сыровато», лишь бы в дебютной картине просчитывалась жизненная позиция ее автора. Профессионализм набирают позже, а вот своеобразие взгляда — если она не проявилась в первой же работе — может вообще не прийти. Самое страшное в искусстве — идти проторенными путями.

Итак, творческий рост можно прогнозировать там, где признается право на поиск, право на ошибку, если хотите. Но, к сожалению, не так много областей нашей жизни, где господствует такое отношение к делу. Оттого, наверное, и молодежь нынче «не та» — нет в ней, что ли, романтического духа, слишком хорошо она знает, чего хочет, а главное — знает, как «делается» искусство. Об этом говорили многие из моих собеседников — и в Союзе писателей, и в Союзе композиторов. Ибо во всех видах и жанрах искусства существует ныне относительно высокий уровень профессионализма при весьма низком уровне новаторства.

Композитор Толеген Мухамеджанов — председатель Совета творческой молодежи при ЦК ЛКСМ Казахстана. С ним мы много говорили о том, как стимулировать творческий поиск молодых музыкантов, писателей, художников. Не говорится ли — в отрицательном смысле — известная разъединенность представителей различных профессий в искусстве?

Когда-то объединению способствовали так называемые салоны. В домах богатых меценатов собирались поэты, живописцы, исполнители, и неизбежно возникал общий разговор о проблемах эпохи, о творческих принципах. Синтез искусств — вот что обеспечивало рост каждого художника. Романист перенимал композиционные приемы музыканта и живописца, создавая романсы вдохновлялся после общения со стихотворцем...

Если бы сегодня существовало нечто вроде тех стародавних салонов, все бы от этого выиграло. Время от времени происходят всплески организационной активности: проведем вечер творческой молодежи, соберем для диалога писателей и архитекторов, артистов и композиторов. Специально вроде бы для этого задуман ЦДРИ (Центральный дом работников искусств) в Москве, но на деле это прибежище скорее актеров, чем «всех прочих». Вечера творческой молодежи — дело благое, но в силу нерегулярно-

слишком долго будет чувствовать себя в коротких штанишках?

Но я вовсе не ратую за раздельное существование. «Поварившись» в своем клубе, молодые все равно выйдут на большую сцену, в большую литературу. А вот обмен идеями, который неизбежно возникнет в ходе дружеского общения, как раз и уберет от инфантилизма.

Толеген Мухамеджанов, рассказавший мне, как бурно реагируют юноши и девушки на выступления артистов в рок-балетах и рок-операх, собственным творчеством подтверждает мысль о том, что молодость в «хронологическом» смысле отнюдь не означает тепличность. Сам молодой композитор является автором двух опер и оперетты, не говоря уже о множестве сочинений малых форм. Его коллега Серик Еркимбаев написал музыку к балету «Вечный огонь», поставленному на сцене республиканского академического театра имени Абая. Да и другие имена молодых композиторов назывались в нашей беседе. Суть не в длине перечня, а в том, что нравственный климат в Союзе композиторов таков, что намерение написать оперу начинающим музыкантом не воспринимается как замах «не по чину».

Раз за молодыми признается право на риск, на большую самостоятельную работу, почему бы не признать за ними право на некоторую автономию? Пусть нормой творческой жизни станет эксперимент.

Сейчас обсуждается идея создания экспериментального театра. Он остро необходим из-за очевидного кризиса, обозначившегося в этой области искусства.

Может быть, в нынешних условиях инициаторам создания творческой лаборатории, в которой могли бы попробовать свои силы и молодые драматурги, и актеры, и театральные художники, не потребуются ходить в роли просителей из учреждения в учреждение годы и десятилетия?

Стоит в этой связи вернуться к джаз-клубу. Что, если бы он появился 18 лет назад — сразу же после того, как возникла мысль о его организации? За эти годы он оказал бы столь мощное воздействие на формирование музыкального сознания молодежи — исполнителей и «потребителей», — что сегодня не пришлось бы начинать с азов: что есть регтайм, блюз...

Всякое начинание хорошо в свое время. И как часто бывает, что мы безнадежно опаздываем с узаконением нового. Хотя и не совсем точна аналогия явлений духовной жизни с обстоятельностью экономического характера, однако рискну сравнить запоздалое проведение в жизнь художественных идей с внедрением устаревшей модели одежды. Вчерашняя мода никого не волнует. А в искусстве — особенно в эксперимен-

тальном — тоже существует мода, хотим мы этого или нет. Музыкальный язык, стилистика в живописи, приемы режиссуры — они тоже устаревают, тоже делаются старомодными...

Все, что сделано в Алма-Ате по воспитанию творческой смены, все, что не сделано, в одинаковой степени отражает суть проблемы, имеющей универсальный характер. Везде легче провести в жизнь одноразовые мероприятия, создать советы, но гораздо труднее, сообщив «разгон» какому-то начинанию, добиться того, чтобы инерция не угасла, чтобы дело жило, развивалось, обогащалось. Начато в Казахстане сегодня многое, важно, чтобы хватило запала, чтобы выработалась стратегия. Будем помнить пример с дискотеками: вроде бы взяли их под контроль комсомольских организаций, а наполнить работу в них живым содержанием не сумели, и дискотеки зачахли.

Еще один аспект проблемы. Его обозначил тот же Толеген Мухамеджанов. Недавно, рассказывая он, в Алма-Атинский горком комсомола пришел 16-летний подросток. Обратился к работникам горкома с просьбой: помогите организовать нам досуг. Выходит, мальчишки сами не знают, как занять себя, они привыкли к тому, что их опекают даже во внеучебное время. Заорганизованность привела к параличу личной инициативы даже в таком приятном деле, как детские игры. Толеген заметил, комментируя этот казус: мы все слишком привыкли быть детьми, быть на иждивении.

Не в этих ли словах ответ на вопрос, почему столь завьшен ныне возраст взросления? Творческая молодежь тоже привыкает к постоянной опеке, к тому, что ее водят на помочах, — не от этого ли инфантильность многих из сорокалетних?

«Не путают ли у нас слова «попечительство» и «опека»? Первое из них значит помощь, поддержку, а второе — лишение самостоятельности поднадзорного, опекун принимает на себя отправление основных функций его гражданского бытия. Нам предстоит научиться различать два этих старинных понятия. Если вместо опеки (от недоверия идущей: как бы не туда не занесло) молодой талант получит помощь (материальную, нравственную), тогда и срок «проживания» в творческой молодости намного сократится, гораздо скорее придет гражданская зрелость, появятся острые, социально значимые произведения, достойные нашей эпохи, живущей под знаком обновления.

Там, где много и плодотворно работают над созданием наилучших условий для творческого роста талантливой молодежи, не должны забывать о том, что существует невидимая грань между двумя «степенями вовлеченности» в творческий процесс — они-то и отражены в названных мной старинных понятиях.

В КОЛЛЕКЦИИ, СОБРАННОЙ Я. П. БАКИНЫМ, ЕСТЬ САМОВАРЫ САМЫХ НЕОЖИДАННОЙ ФОРМЫ: ШАРА, ПОХОДОЧЬЕГО СУНДУЧКА, ЛЬЩА И ДАЖЕ ПАРОВОЗА.

Молодежь и культура

Ираида ПОТЕХИНА.
Фото Сергея ВЕТРОВА

А все-таки чай из самовара куда вкуснее того, что кипятится в чайнике. Особенно если самовар медный да на углях, а не электричеством греется. Поставишь его на стол, и в комнате даже хмурым зимой словно светлее становится. Уютно с ним, тепло. Недаром же чаепитие на Руси с появлением самовара стало не просто дополнением к обеду-ужину, а особой формой досуга, символом русского гостеприимства. Когда самовар на столе пошумливает, а возле него калачи, пряники да сладости разные, попробуй удержаться, не присоединиться к застолью. А за чаем разговоры. О том о сем... Семейные ли, другие дела решаются. Общаются люди. Потому и говорят, что «чай — пища духовная...». У меня на памяти немало тому доказательств — разные по времени и месту действия воспоминания.

Тихий океан. Еще бегаешь по его волнам, не ведая о своей будущей трагической участи, сухогруз «Тавричанка», где я пекарь-дневальная. Хлебы пеку морякам и чищу картошку мешками в ущерб маникюру. Живы мои товарищи, с которыми после вахты «в столовой команды усядемся дружеским кругом, душистого чая в стаканы нальем не спеша...», и «станут прочнее содружества нашего звенья, и берег желанный — почему, не так далеко».

Второе воспоминание влечет в поднебесье. Высокогорье Грузии. Палаточный лагерь, освещаемый ярким костром, мерцающие искры светляков и звон цикад... На походном, сколоченном из досок столе булькает огромный ведерный самовар — наш трофей, добытый в покинутом людьми горном селении. В геофизической партии, куда я зачислена рабочей, грузины, украинцы, русские. Нет-нет да и заспорим, бывало, как дети, чьей национальности хороших людей больше. До хрипоты, с горячностью, присущей молодости, каждый свое доказывает. А как наступит вечер, объединит спорщиков вокруг себя самовар. На мирный лад настроит. Гоняем чай, обсуждаем события минувшего дня и планы дня грядущего, допоздна поем песни. И равно милы нашему «интерна-

ционалу» и грузинская многоголосица, и украинская напевность, и печальная удаля русские народные песни.

Близость ли недостижимых звезд над головой подействует или ароматы настоянного на земных травах чая, но другие пойдут разговоры у молодых геофизиков. О том, как мала наша Земля — крохотный островок в бесконечности Галактики. И что в нем, в этом океане, строгое национальное деление?! Детская игра... Человечество, какое же ты еще дитя! И как неразумны и опасны порой твои игры...

Вот уж действительно хороший чай помогает думать. «Он очищает кровь и мысли просветляет» — так любила говорить наша повариха Нателла, приглашая вечерами к самовару. Только она знала особый рецепт умиротворяющего настоя.

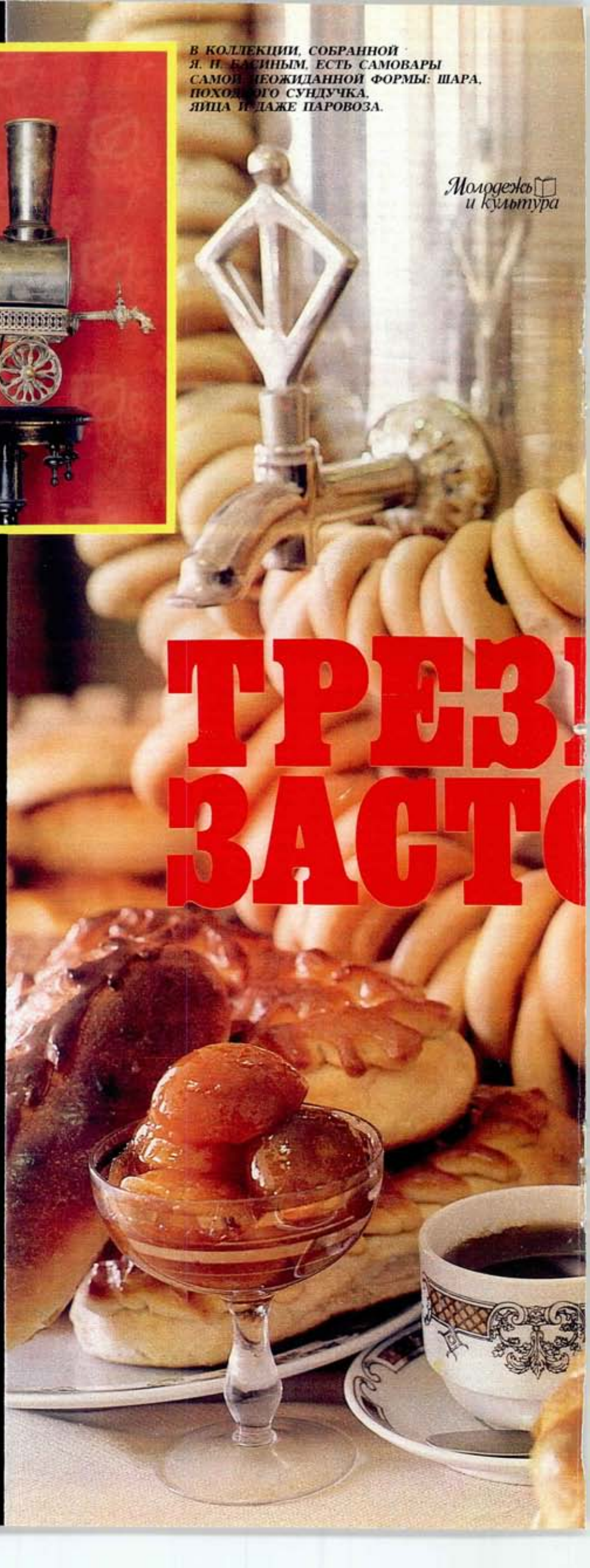
...Как угли в самоваре, горячи под пеплом времени воспоминания о тех застольях. Шевельни — и брызнут искры радости, пламя любви к тем людям в душе займется и высветит давние, тех времен, стихи: «...Молоды мы! В наши одежды впитались дымы. Путь наших жизней извилист и крут, и в бесконечность уходит маршрут».

В прежние времена, старики рассказывают, ни в одном доме на Руси без самовара не обходились. Да что в доме? Путешествуя, в дорогу с собой брали. Оттого и самовары были разные: парадные и походные, многоведерные и величиной с кружку. А уж сколько фантазии да выдумки в их обличье!.. Что ни мастер, то новые формы, украшения.

Мы привыкли к словосочетаниям «русский чай», «русская традиция чаепития». А между тем это напиток заморского происхождения. Поднесен он был в свое время в виде подарка царю Михаилу Федоровичу монгольским ханом. Пили чай только при дворе, в небольших количествах и чаще всего как лекарство. Заморский напиток самовару обязан причислением к русским.

В России первые самовары появились в начале XVIII века. Прижились. По всей стране распространились. Основной их производитель, город Тула, стал «самоварной столицей».

ТРЕЗ! ЗАСТО

ВОЕ ДЛЪЕ

Начало новому делу в городе положил слесарь Лисицын, открывший в 1778 году свою самоварную мастерскую. В Тульском краеведческом музее вехи развития самоварного производства расписаны по годам. По ним видно, как вместе с ростом спроса на самовары увеличивался и их выпуск. Так, если в 1808 году в Туле было только восемь самоварных фабрик, то уже в 1850 году — двадцать восемь. И выпускали они сто двадцать тысяч самоваров в год. И какого качества! На совете сделаны, на века. Носики, как у современных самоваров-туляков, не подтекают...

С директором краеведческого музея Вячеславом Ивановичем Ботем я встретилась в те дни, когда готовился к открытию филиал с отдельной экспозицией, посвященной самоварам. Он посоветовал:

— Обязательно познакомьтесь со старейшим нашим коллекционером Басиным...

В небольшой трехкомнатной квартире, скромно обставленной, светло и чисто. Впрямь как в музее. А на специальных полках — самовары, самовары... Один другого краше, глаза разбегаются.

Об одних самоварах коллекционер рассказывает подробно, до других просто дотрагивается слегка, нежно поглаживая им бока, словно боясь обидеть вещь, как живого человека, невниманием:

— Основной мастер, конечно, Баташев, у него было более тридцати фабрик. — И он показывает баташевский «зеркальный самовар». — Но были и другие известные по всей России мастера, к примеру, Маликов, братья Туляковы, Стрельчиковы, женщина-фабрикант Тайле...

Самовары-вазы, кастрюли, чайники, паровозы, даже самовар-невеста есть в коллекции Басина. В форме бочонков и цилиндров, круглые, как шары. Без единого украшения и с кружевными металлическими жабо по краям крышки. В стиле ренессанс и своего, доморощенного стиля. С различными надписями и медалями, со сложной отделкой...

Описывать их не берусь. Это надо видеть. Еще интереснее послушать об истории, биографии, так сказать, каждого экспоната. Она у каждого самовара своя. Иногда поучительная. Иногда вызывающая улыбку.

Вот, например, самовар князя Першина. После революции из княжеского самовара кухарка князя чай распивала, пока в сорок седьмом году не попал он в руки Басину — подарок бывшей кухарки бывшего князя...

А вот самовар-иностранец, польского происхождения. Он дарен был царю Александру III с надписью «Боже царя храни»...

Конечно, сейчас, глядя на эти сверкающие, как новенькие, «уникальные экспонаты», трудно себе представить, что многие из них попали в руки коллекционера-туляка со свалки. Да, да! Выброшены были за ненадобностью или сданы в металлолом.

Дом коллекционера Басина, туляка по рождению, ветерана войны, учителя, почти сорок лет жизни отдавшего работе с детьми, всегда открыт для людей. Иногда до пятидесяти человек бывает за день в его квартире. Как в музее... И, как в музее, в доме есть «Книга отзывов посетителей», полная благодарных слов за сохраненную красоту. Эти слова и сами люди помогают стареющему человеку забывать о возрасте...

Если с улицы Гоголевской, минув улицу Льва Толстого, спуститься к Центральному парку культуры и отдыха, вас ждет еще одна достопримечательность «самоварной столицы» — ресторан «Тульский самовар».

На столах накрахмаленные льняные скатерти, цветы, красивые салфетки и, разумеется, самовары... На каждом столе! В меню чай на любой вкус: индийский, краснодарский, грузинский. И охлажденный, и с молоком, и с мороженым. Я же рекомендую вам заказать фирменный, под названием «Тульский аромат». Это чай из трав. Обычных, луговых, но рядом с ним любой другой и в сравнение не идет. Я и сама не раз заваривала травяной чай, но, признаюсь, угадала всего лишь две травки, входящие в состав «Тульского аромата». А к чаю подают сдобу, пряники, кулебяки, блинчики в таком ассортименте... голова кругом. И сувенир можно купить на прощание — знаменитый тульский пряник. Побольше бы таких ресторанов! И не только в Туле, а по всей стране. Ведь чай очищает кровь и мысли просветляет...

Наталья ТРУЕВЦЕВА

Съезду

Уехал... Все игрушки разбросал.
Не комната, а маленький вокзал.
Пустынный, пустынный.
Уехал...

Куда бежать от собственных шагов?
От правильного тиканья часов?
От ледяной свободы?

Куда? К смеющемуся фото?
К ненужной шубке,
жмущейся в прихожей?
К сквозной тоске осеннего окна?

Уехал...
Как темно, тревожно
Крадется, обступает тишина.

Солнцу — сиять.
Птицам — летать.
А мне у нарядной могилы
Стоять, и стоять, и стоять.

И узенький холмик обнять
Уже на родном косогоре.
И раз навсегда перестать
Носиться с игрушечным горем.

Все дети спят. Еще так рано.
А ты стоишь в оконной раме.
Рукой мне машешь так отчаянно.
(Вдруг не замечу я случайно.)
И «Мама! Мама!» — повторяешь,
как будто навсегда теряешь.
Стоишь такой несчастный,
маленький,
обув на босу ногу валенки.
И слезы льешь, и сам не знаешь,
от скольких слез меня спасаешь.

Нет! Лучше дожди, облака,
чем прочный квадрат потолка.

Нет! Лучше сбивающий ветер,
чем стены ослепшие эти.

Нет! Лучше в пустующем сквере,
в метро, в безразличной толпе.

Ты так в каждом шаге уверен,
что я сомневаюсь в тебе.

После житейского и грязного,
где так накурено, наддышано,
такая роскошь — верить на слово!
Такая роскошь — быть услышанной!

Пусть за спиной моей кривляется
ухмылка циника и жадины,
а мне другое очень нравится —
рука в руке — рукопожатие.

Глаза в глаза — на этом держится!
Все остальное лишь подобие.
Я после стольких лет и месяцев
смотрю на мир не исподлобья.

Людмила ИШУТИНОВА

Усталый дождь
на городской окраине,
Где вперемешку глина и асфальт,
Где только что построенные здания
На мир надменно окнами глядят.
Они здесь безраздельные хозяева,
И я как будто с ними заодно,
А деревеньке, что жилава павою,
Свой век дожить меж ними суждено.
Она уйдет, весною принаряжена,
И будет небоскребу невдомек:
С чего бы это лифт,
вчера отлаженный,
Застрял, как в горле горечи комок.

Какие нынче холода,
Замерзли даже провода
У телефонов-автоматов.
Тебе звоню, но вновь куда-то
Я попадаю не туда,
И скажут вежливые люди,
Что нет такого и не будет
Здесь никогда.
Перезвоните. Вот беда!
И снова цифры друг за другом
По заколдованному кругу
Гоняет телефонный диск,
Но код морозом зачарован.
Здесь нет и не было такого...
Из трубки писк
Гудков насмешливо коротких.
Сквозь них слова метеосводки,
Автоматический ответ,
Что потепленья нет.

Может быть, от языческих предков
Эта вечная тяга к огню.
Брошу в пламя веселые ветки —
Как сумею, огонь сохранию.

И в январскую лютую стужу
Я друзей собираю вокруг огня,
Чтобы ветер не выстудил душу,
А друзья не забыли меня.

Дедова гармонь

Дед на последние гроши
Купил гармонь по случаю.
Село покупкой насмешил,
Знать, не придумал лучшего.

Зачем гармонь? К чему она,
Коль нет достатка полного?
В избе богатство — ребятня,
В кармане — грош поломанный.

А дед смеялся в рыжий ус:
Что куплено — останется,
Коль сам играть не научусь,
Так сыновьям достанется.

А деньги? Деньги — это зло.
Что нажили — что прожили.
Коли везло — без них везло
И душу не тревожило.

Дед был чужак, но, может быть,
От этого от самого
Я научилась проще жить
И беды переламывать.

Михаил БЕЛАВИН

РАССКАЗ

езд прибыл, как всегда, в полночь и, постояв две минуты у насыпной низкой платформы, отправился дальше, оставив под тусклыми, мигающими на ветру фонарями крепко сбитого человека в кепке и теплой куртке.

Приезжий, видно, знал, куда идти. Сразу за станцией, за приземистым кирпичным домом, глазевшим тремя окнами в свету, начиналась наезженная машинами колея. Она сворачивала в березовый подлесок. На белоснежные ночь казалась не такой уж темной. Человек шел не спеша; тихо кругом, только где-то наверху урчал ветер, а на хрупкий наст падала редкая ранняя капель.

Лес кончился голым пригорком. Впереди почти к самому его краю подступал поселок. Приезжий потоптался, постучал ногой об ногу, ночной холод давал о себе знать.

Дорога сделалась шире, накатанней. Хрипло, сонно пролаяла собака, ей ответила другая. Скрипели на ветру двери подъездов. Люди в это время смотрят второй сон.

Пробовала подняться поземка. Она, шурша, цеплялась за землю. Из-за угла показался старик в ушанке, личико высохшее, торчит борода. Поравнявшись, приподнял ушанку и еле слышно сказал что-то.

— А?... — полуоборотился приезжий.

Старик не остановился. По дощатым мосткам человек подошел к одноэтажному длинному дому из белого кирпича, поднялся на крыльцо. Задрезжала щеколда.

— Кто? — спросил полусонный женский голос.

Приезжий помедлил. Видно, думал, что ответить.

— Прибыл тут... Места есть?

— По командировке? Иль погостить, да своих будить неохота?

— Проездом я.

— Ну, ладно. Все равно койки пустуют сегодня. — Дверь распахнулась, пожилая женщина в кофте пригласила: — Проходите. Рубль у нас, слышали? — И пошла по коридору, открыла дверь в комнату. — Сюда вот, тут на двоих. Днем кого-нибудь подселим.

— Все равно, — пробормотал гость.

— Печка протоплена, тепло есть.

Оставшись один, он погасил свет и лег, не раздеваясь, поверх одеяла.

Не спал. Сна не было. Забылся только на рассвете.

Утром проснулся с тяжелой головой. «Что это со мной? Как в отпуск приехал».

Ополоснул лицо холодной водой и вышел на улицу.

У рынка приезжий увидел высокого, тощего человека в ботах и постарался миновать его. Но тот уже пошел рядом. Краем глаза приезжий видел коричневое полупальто, чуть помятую шляпу. «Что ему теперь нужно?» — подумал с неприязнью.

— Здравствуй, Павел Алексеич. Куда бежишь?

— Здорово, Зенкин... Где ты сейчас? — сощурился приезжий.

— На радиоузле, диктором.

— Платят, — покивал Павел Алексеич.

— А как же!

— Голос красивый прорезался?

— Эх, чего только не было за это время, — махнул рукой Зенкин. — Хотел даже тебе писать.

— Ну?

— Как сегодня все... Ты еще только на печь заступал, а у меня статья уже была готова, для цифр место оставил. Много о тебе написал... Гонорары пролетели сразу. Родни-то полно. Вот это пальто ото всего осталось.

Павел Алексеич криво усмехнулся. Зенкин согнулся и стал отставать.

Впереди, где улица кончалась, из старых сугробов сдвинулась подняться редкая изгородь, за ней — кресты. Дуганову показалось, что кто-то возил всю зиму снег и аккуратно выкладывал похожие друг на друга холмики.

Не успел тогда... Прилетел, а комната уже заперта, увезли Тоню. Помчался сюда, на кладбище, но и тут опоздал...

Могила где-то налево. Голые деревца, таблички. Не найдешь! Уже бежал по молчаливому этому поселению. Рядом метался ветер. Жгло грудь. Хотелось крикнуть: «Тоня, вот же я, здесь!»

...После памятного газетного вихря вызвали его в республиканское министерство, и он длинно рассказывал о своей работе, о «методе Дуганова», как все уже называли. Оказалось, что кое-где давно думали или даже делали почти то же, разрезали садку в печи, уголек сыпали помалу, чаще, и таких кирпичников стали теперь называть его, Дуганова, учениками, ничего уже нельзя было изменить. Он и вправду иных подтолкнул, но ведь кое-кто начал раньше и выходило не хуже. Однако было произнесено имя — «Дуганов». Когда дело носит имя человека, это понятнее, проще, полная ясность. Съемы кирпича тогда почти везде увеличились.

Потом считалось, что он продолжает работать на своем заводе. Но бывал здесь уже редко, наездами: проводил показательный обжиг в разных городах. Его приглашали в президиум, на сцену, и он сидел, сложив руки на коленях, а когда просили выступить — выступал.

С кладбища Павел Алексеич возвращался вечером и наткнулся на Уфимцева, Петра. Ни отвернуться, ни проскочить. Тот уже увидел. Ушанка — крыльями, вихор по-прежнему на лоб свисает.

— Приехал?! На печке был?

— Ты что — в ночь?

— Выходной.

— Как живешь?

— Живу. Дочка родилась. А ты?

— Хорошо, — приободрился Дуганов.

— Читали, «приехал, оказал помощь...». Чего не зашел? Адрес, что ль, забыл?

— Ночью неудобно. Приходи ты вечером. В дом приезжих.

— Ладно...

Дуганов пошел, не оглядываясь: знал, что Петр смотрит в спину.

...Это он, Петр, посоветовал, подбил доказать, что, мол, по-другому кирпич нужно обжигать, нечего впахивать в печь до предела, лучше реже сажать, дать простор воздуху, а с ним и огню. Стал он, Дуганов, на печь и выдал кирпичиков столько, что не поверил. Кирпич стоял штабелями, звонкий, красненький, отдавал жаром. Запарившимся выгрузчикам напиток было некогда. Смена вволю была обеспечена сырцом и, конечно, подготовлена. Никто не попрекал этим, никогда. Да и за что? Потом уж он сам стал требовать, чтобы организовыва-

Рисунки Елены УЛЬЯНОВОЙ

гостить

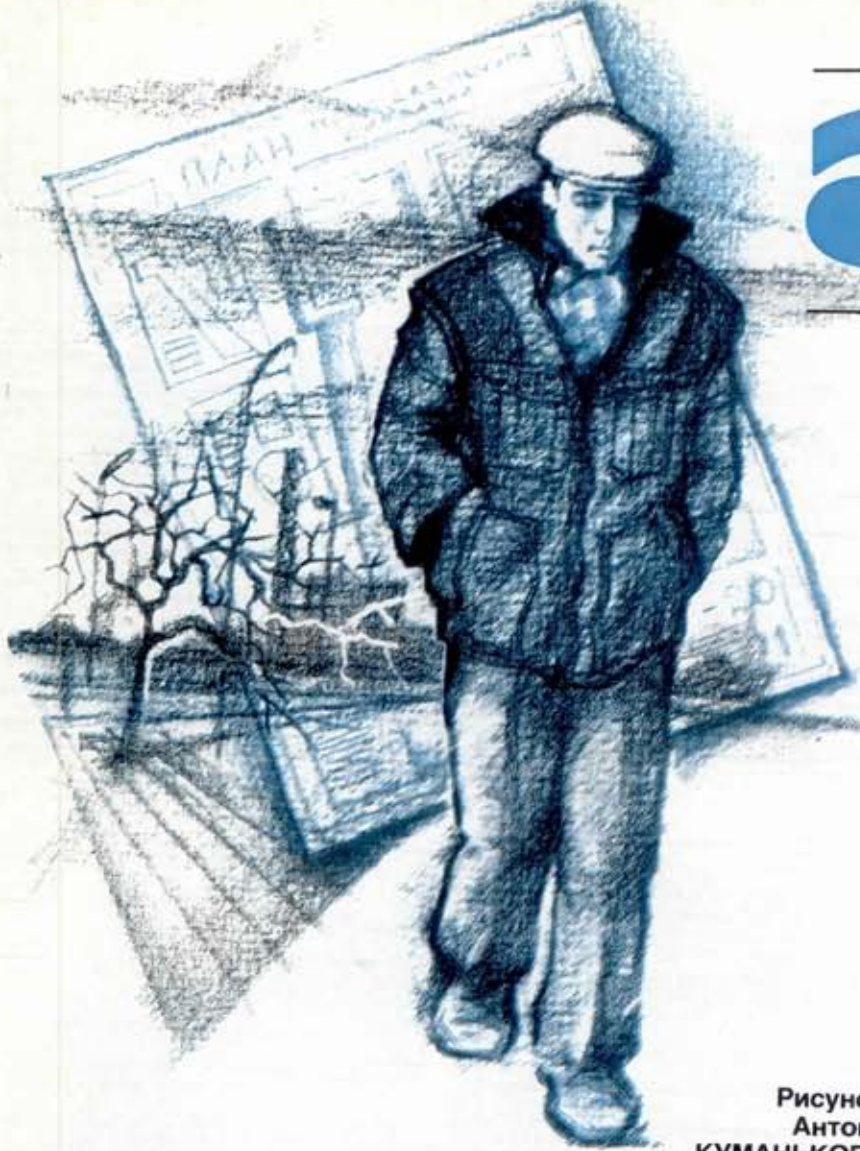

Рисунок
Антон
КУМАНЬКОВА

ли условия для его скоростного обжига. Ему должность дали — инструктор и предложили переехать в столицу республики, выделили квартиру. Жили с Тоней в новом доме, в хорошей комнате, но поехала она в город с неохотой. Тоскливо смотрела на мужа, не нравился он ей в сером красивом костюме из ателье высшего разряда, в шляпе. Времени у него теперь не хватало, а тут еще поступил в заочный техникум. В бюро техпомощи создали отдел передачи технологического опыта, и его поставили начальником, но хорошего из этого не получилось. Хотели научить руководить, а он кричал на людей, порой не приходил вовсе, сидел один в своей трехкомнатной квартире: Тоня уехала обратно. Отделом фактически заведовал инженер-технолог, а его, Дуганова, по собственной просьбе просто посылали на заводы. Тут он был как рыба в воде: у него же сметка, добрые руки. Опыт. Правда, уже тогда стал понимать, что этого мало. Выжимал из своих приемов обжига все. Приходилось подолгу налаживать работу почти каждой печи: договор, деньги, его доброе имя, а главное, совесть, ею он никогда не кидался. Месяцами пропадал в командировках. Нового в работе от него уже не получали, метод «дугановский», где можно, освоили. Он вроде лишним себя почувствовал, стал ругливым, упрямым; то, что делали в бюро техпомощи, не понимал и не принимал. Учиться-то в техникум пошел, но поздно ведь. На работу в бюро являлся без всякой охоты, отсиживал часы.

Вечером, когда к нему зашел Уфимцев, сказал:

- Ты прости. Не хотел, чтоб меня здесь видели.
- Не понимаю я тебя, Паш, что-то. Нельзя тебе таиться.
- И так все на людях да на людях. Не за тем я сюда приехал.
- А зачем?
- Не знаю...

Сам думал: «Не нужен я тут. Так, разговор один. Похвастаться — земляк. И все... За столько лет не нашел времени приехать, — корил он себя и спрашивал: — Тоней беречь душу не хотел? Многого забывать стал в славе той сахарной, проклятой. Даже вот Петьку, сменщика своего. Потом-то уж гордость. Обида. Чего ж они-то здесь не интересовались, как ему там, на людях? Забыли...»

- Бросил ты меня, Петь. Вытолкнул вперед и бросил.
- Это как же? — удивился Уфимцев.
- Да уж так. Сколько зим прошло. Даже весточки не прислал.
- А ты вспоминал нас?!
- Вспоминал!.. Как вечер, так куда-нибудь следуй, приглашение печатное лежит. Разве можно не пойти? Газету почитать некогда.

Петр забежал от стола к двери.

— Ну да, ты вон какой стал. Сперва областной, потом республиканский. До нас ли тебе! Может, поэтому я и не ехал, не писал.

- Это ты от гордости.
- Не знаю... Как ты там?
- А как? Людей много вьется. Только друзей особых... не случилось.
- На завод ходил?
- Нет. Хочу спросить: ну, не было б Дуганова...
- Вот ты о чем... — Уфимцев забарабанил пальцами по столу. — Был бы другой.

— Другой, — эхом отозвался Павел. — Сенька Капитонов, Андрей Родионов или ты?

— Может, и я. Завод в те годы план заваливал. Помнишь? А ты повеселее всех работал. Сейчас у нас каждый столько обжигает, сколько ты делал. Есть такие, кто и побольше выдает.

- Это хорошо...

Когда Уфимцев ушел, Павел перебрал весь разговор. Петька сказал правду. На душе даже легче стало. Правда только такой и может быть.

И еще Дуганов подумал: «...Ужель не разрешат... Больше ничего мне не нужно...»

Владимир Николаевич Вагин сидел в кожаном черном кресле и, отдыхая от дел, устало смотрел на заводской двор. У окна стояло знамя. Первый раз его поставили здесь, когда завод после дугановских высоких съемов кирпича вышел вперед. Потом успех удалось закрепить.

Директор увидел Дуганова, удивился: откуда? Чудеса! Встал из кресла. Вышел из-за стола. Сжал Дуганову руку.

Гость сел. Помолчали. Оба думали об одном и том же: что уже прошло, кончилось.

У Вагина в нижнем ящике стола до сих пор лежала дугановская брошюра — первые дела, первые слова... Было поручение министерства: помочь Дуганову написать о своем опыте. Он, Вагин, и написал.

— Ты прочел, когда виза твоя потребовалась.

— Читать я любил, — усмехнулся Дуганов. — Про свою личность, как же. Хорошие слова, складные.

— Бумага — она и есть бумага.

— Ну да. Гляжу — книжка. Моя. Вот, мать честная, а писали вы. Я мозгами не работал.

— Чудак ты был, да...

Дуганов тогда весил больше, чем завод и он, Вагин. Неужели опять сюда направили?

Директор осторожно спросил:

- Не поможешь с вентиляторами для сушилки? Нигде не дают.
- Дуганов ужасался на стуле. «Что я сейчас...» Однако кивнул. Тихо сказал: — Можно мне смену на печке отстоять?
- Соскучился? Мы тебя тут вспоминаем. Когда хотел бы?
- Сейчас, — выдохнул Павел.

Смена начиналась через полчаса. Вагин позвонил, велел передать печь.

Дуганов шагнул по заводу. Его узнавали. Он здоровался. «Приехал, — слышалось ему. — Белоглинский же, наш. Ничего мужик-то».

Печь будто ждала, обновленная шифером и асфальтовой площадкой, где выстаивались штабели готового кирпича. Павел дотронулся ладонью, пытаясь поймать на ходу его последнее тепло, и побежал в раздевалку. Тут все было перестроено, перекрашено. Он нашел свое прежнее место. Ему дали комбинезон.

Садчики быстро брали с вагонеток и выкладывали в печном канале рядками и елочкой зеленовато-землистый сырец, оставляя проходы огню, воздуху и газам. Старые садчики, знавшие Дуганова, его хватку, подходили, обещали «дать-дать», поспеть, не подвести. Он попросил сделать перекрытие ножек садки на ряд выше, чтоб воздуху и горячим газам было еще раздольней.

Взлетел по лесенке на печь, под шиферный шатер. У подкрылков, с краев, по всему кругу лежал горкой уголек. В ногах тепло, жарко. Павел встал над открытым топливным отверстием, посмотрел на огонь в садке кирпича внизу. Клокотание, рев... Опустил термометр, поддержал, поднял, взглянул: девятьсот.

Он зачерпнул совком уголь, поддел железным крючком крышку в гнезде топливного отверстия и кинул уголек в огонь, на кирпич внизу. По первому разу... Пламя заудело, запело. Пошел и пошел по рядкам с совком, всматриваясь в оттенок раскаленного кирпича, вслушиваясь в огонь.

Стал регулировать винтовыми подъемниками дымовые конуса. Тот на четверть открыл, этот — наполовину, крайний — поменьше. Спешил огонь, но не Дуганов. Он всегда вел обжиг с норовом, как бы нападая на пламя, но не доводил его до предела, помогал, и хватит.

Один круг, другой, третий... Отдыхать не хотелось, только пил газировку. Начал прожигать бумажные циты в садке внизу, переводил камеры с «дыма на -взвар». В передних крышки топливных отверстий открыл: кирпич здесь уже остывал, был в «закале». Жар поднимался, струился под шатром и подрагивал, колыхаясь.

Снизу крикнули, что разбиральщики садки не управятся, надо еще рабочих. Он позвонил начальнику смены.

В печном канале автоматический выгрузчик на гусеничном ходу принимал вильчатым захватом готовый кирпич из разбираемой рабочими садки. Зола от сгоревшего угля летела на пол печи, обнажая в верхнем ряду розовый, звонкий, вот-вот родившийся черепок. Выгрузчик сновал туда-обратно. На площадке у печи выстраивались ровные штабелечки еще очень жаркого кирпича.

Дуганов оглядел кирпич: нет ли недожога, пережога, трещинок. «Хорошо вышло...»

Прогудел гудок.

«Вот и все... Уезжать нужно», — вспомнил он.

В проходной встретился с Уфимцевым.

— Совсем возвращайся, — обронил Петр.

— Не знаю... Лет уж прошло...

— Дом — всегда дом.

Дуганов ничего не ответил.

На станцию он шел тихим подлеском, в котором выстаивался морозец. Началась поляна. Любил ее: выходишь из лесу, и сразу — небо, свет. Гулял здесь с Тоней перед самой свадьбой. Ничего не изменилось. Все так же петляет утоптанная тропа... Тоня — там, а ты куда?

Павел остановился. Свистнул тепловоз.

В доме приезжих жил. Разве ты приезжий? Сказал Петру, что сам не знаешь, зачем явился. Знаешь... Уголек — в огонь, и пламя загудит, запоет: помогай ему, но сдерживай. Надо, надо перекрывать ножки садки на ряд выше — воздуху и горячим газам раздольней, огонь сильнее. Будут ли садчики всегда так делать? Старые рабочие тебя помнят, молодые — по их разговорам только. Вагин-то сразу велел передать печь, как ты попросил. Ради одного уважения? Идешь, а кругом: «Белоглинский, наш. Ничего мужик...» Дом — всегда дом, Петр прав. Тепловоз свистнул. Последний раз.

Новая рубрика.

Страницы
отечественной
словесности

В последние годы продолжалась уже давно начатая работа по более широкому, чем раньше, освещению истории нашей литературы — публикация неопубликованного и забытого, переиздание давно не издававшихся произведений целого ряда писателей, внесших свою лепту в историю нашей литературы...

...Вся эта работа спокойно противостоит историческим попыткам наших противников за рубежом создать свою собственную историю советской литературы и, пользуясь нашими оплошностями, умолчаниями или небрежением к памяти тех или иных писателей, противопоставить эту историю подлинной. Чем мы более по-хозяйски подходим к истории нашей литературы, чем мы больше выведем из небытия имен и фактов, давая им соответствующую оценку, отнюдь не всеядную и без всякого отпущения грехов там, где они действительно были, тем сильнее наши позиции в той контрпропаганде, которую мы ведем против продолжающихся наскоков на советскую литературу и ее историю...

...Следует подумать и о некоторых изданиях нашей литературы двадцатого века.

Мы без колебаний издаем Бунина, человека, эмигрировавшего и уже перед самой смертью выпустившего одну из самых враждебных советской литературе и советскому обществу книг. И все-таки правильно делаем, что, несмотря на это, издаем его, потому что Бунин — хороший писатель, и мы издаем те его книги, которые не враждебны нам.

Но почему, исходя из того же принципа, нам не издать, скажем, в Малой серии «Библиотеки поэта» такого значительного поэта, как Гумилев?

Я знаю, что, ставя вопрос об этом, некоторые литераторы предлагали чуть ли не реабилитировать Гумилева через органы советской юстиции, признать его задним числом невиновным в том, за что его расстреляли в двадцать первом году. Я лично этой позиции не понимаю и не разделяю. Гумилев участвовал в одном из контрреволюционных заговоров в Петрограде — это факт установленный. Многие люди, участвовавшие тогда в таких заговорах, остались живы, были осуждены, потом отпущены, прощены, изменили свои позиции по отношению к Советской власти — можно привести тому немало примеров. Могло это произойти и с Гумилевым. Но вышло по-другому. Белогвардейцы вовлекли его в заговор, и он был расстрелян по приговору трибунала тогда, в двадцать первом году. Примем этот факт как данность. История есть история.

Но, назвав все вещи своими именами, издадим при этом избранные стихи Гумилева, потому что он написал много хороших и несколько не враждебных нам стихов и сделал много замечательных переводов, и потому что нельзя писать историю русской поэзии XX века, не упоминая о Гумилеве, о его стихах, о его критической работе как автора книги о русской поэзии, о его взаимоотношениях с Блоком, с Брюсовым, с другими выдающимися поэтами.

Кстати, мы пишем обо всем этом в своих исследованиях о поэзии десятых — двадцатых годов, но при этом не издаем стихов Гумилева; продаем их в старых, кстати, вышедших у нас же в двадцатые годы изданиях, предоставляем им ходить в списках, даем заработок спекулянтам, вместо того чтобы издать сборник стихов и покончить с этим...

...У меня у самого вызывает недоумение, как мы до сих пор не издали Андрея Белого. С тридцатых годов у нас не переиздавалась такая его замечательная книга, как «На рубеже двух столетий». Книга, которая существенно дополняет наши представления о русском обществе на рубеже двух веков, о русской интеллигенции, о литературной и общественной жизни того времени. Да и такие его романы, как «Петербург», напоминают о необходимости издания избранных сочинений Белого, крупного художника, без которого неполна история русской литературы начала века. Белый до конца своей жизни активно работал в советской

литературе, был членом Союза писателей. Посвященный ему некролог можно найти на страницах «Правды». Почему мы забыли об этом писателе? Думаю, что в этом не виноват никто, кроме нас самих.

Мы, в общем, не такие уж плохие хозяева, но могли бы быть лучшими.

1973 г.

Константин СИМОНОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. За минувшие годы немало «неопубликованного и забытого, давно не издававшегося» уже пришло к читателям. Так, два издания выдержал роман А. Белого «Петербург», вышел том его стихов. В этом году «Смена» (№8) опубликовала записки А. Белого «Воспоминания о Л. Н. Толстом». Напечатаны стихи Н. Гумилева. «Библиотека поэта» готовит к выходу том его произведений. Однако высказанные К. М. Симоновым мысли не потеряли актуальности. Вот почему, стремясь расширить литературные представления молодых читателей, «Смена» открывает новую рубрику — «Страницы отечественной словесности».

Лев ОЗЕРОВ

Первым же строк открылось читателю: Константин Бальмонт никогда не был моим кумиром — ни в юности, ни в зрелые годы. Я не сходил с ума по его стихам, не носил их за пазухой, не клал под подушку. Он был кумиром предшествующего поколения. «Зачем же в таком случае вы взялись писать о нем?» — спросит читатель и будет прав, спрашивая это.

Я отвечаю ему: законченная несправедливость историков литературы и издателей в их отношении к Бальмонту была долгое время столь велика и нестерпима, что я не мог этого не почувствовать, а почувствовав, не мог не принять решения: добиться справедливости в отношении этого некогда знаменитого русского поэта, входившего в первую пятер-

ку символистов, чьи имена начинались на букву «Б»: Блок, Брюсов, Белый, Бальмонт, Балтрушайтис...

Была еще одна причина личного характера, послужившая тому, что я стал ратовать за издание книг поэта и за восстановление его имени. На протяжении многих лет я дружил с Верой Дмитриевной Бальмонт, племянницей Константина Дмитриевича, обладательницей чудесного голоса, талантливой артисткой, читавшей русских поэтов (от Пушкина и Тютчева до Блока и Есенина), исполнявшей целые композиции по произведениям прозы (Тургенев, Толстой). Я удивлялся, как в такой миниатюрной женщине бушевали страсти всей русской литературы от «Слова о полку Игореве» до наших дней.

Особую главу в творчестве просвещенной и безгранично преданной искусству Веры Дмитриевны

составляли стихи, поэмы, проза, переводы, письма Константина Бальмонта. Здесь она раскрывалась, может быть, наиболее полно. Пафос защиты рода, корневое знание материала, страстное желание добиться того, чтобы «дядюшку» наконец узнали и оценили.

Ежегодно в начале студенческих занятий я приглашал Веру Дмитриевну Бальмонт в свой семинар в Литературном институте для того, чтобы она дала «тон». Пушкин и Тютчев, Лермонтов и Некрасов, Баратынский и Анненский, Фет и Блок, Полонский и Бальмонт. Это была антология вслух. Студенты слушали и настраивали души на высокий лад. Это был камертон. Можно было настраивать оркестр и играть.

Большой радостью для Веры Дмитриевны стало издание К. Д. Бальмонта в серии «Библиотека поэта», подготовленное покойным В. Н. Орловым.

Рисунок
Ильса
АЙДАРОВА

РОССИЯ. ЭТОТ ЗВУК-СВИРЕЛЬ

Константин БАЛЬМОНТ

Россия

Есть слово—и оно едино.
Россия.

Этот звук—свирель.
В нем воркованье голубино.
Я чую поле, в сердце хмель,
Позвавший птиц к весне апрель.
На иве распустились почки,
Береза слабые листочки
Раскрыла—больше снег не враг.
Трава взошла на каждой кочке,
Заизумрудился овраг.
Тоска ли в сердце медлит злая?
Гони. Свой дух утихомирь.
Вновь с нами ласточка живая,
Заморского отвергшись края,
В родимую влюбилась ширь.
И сердце, ничего не зная,
Вновь знает нежно, как она,
Что луговая и лесная
Зовет к раскрытости весна.
От солнца—ласка властелина,
Весь мир—одно окно лучу.
Светла в предчувствии долина,
О чем томлюсь?

Чего хочу?

Всегда родимого взыскаю,
Люблю разбег родных полей,
Вхожу в прогалину лесную—
Нет в мире ничего милей.
Ручьи, луга, болота, склоны,
В кустах для зайца уголок.
В пастушью дудку вдунул звоны,
Качнув подснежник, ветерок.
Весенним дождиком омочен,
Весенним солнцем разогрет,
Мой край, в покров весны одет,
Нерукотворно беспорочен.
Другого в мире счастья нет.

Страна, которая молчит

Страна, которая молчит, вся в белом-белом,
Как новобрачная, одетая в покров,—
Что будет тронут им, любующимся, смелым,
Несущим солнечность горячих лепестков.
Страна, которая всех дольше знает зиму
И гулкую тюрьму сцепляющего льда,—
Где нет конца огням и тающему дыму,
Где долгий разговор

ведет с звездой звезда.

Страна, которая за празднествами мая,
Чуть лето глянет ей, спешит сказать:

«Я сплю».—

Страна великая, несчастная, родная,
Которую, как мать, жалею и люблю.

Камыши

Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши.

О чем они шепчут? О чем говорят?
Зачем огоньки между ними горят?

Мелькают, мигают—и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий свет.

Полночной порой камыши шелестят.
В них жабы гнездятся, в них змеи свистят.

В болоте дрожит умирающий лик.
То месяц багровый печально поник.

И тиной запахло. И сырость ползет.
Трясина заманит, сожмет, засосет.

«Кого? Для чего?—камыши говорят,—
Зачем огоньки между нами горят?»

Но месяц печальный безмолвно поник.
Не знает. Склоняет все ниже свой лик.

И, вздох повторяя погибшей души,
Тоскливо, бесшумно шуршат камыши.

Я—изысканность русской медлительной речи,
Преодо мною другие поэты—предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я—внезапный излом,
Я—играющий гром,
Я—прозрачный ручей,
Я—для всех и ничей.

Переплеск многопенный, разорванно-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переключки лесные зеленого мая—
Все пойму, все возьму, у других отнимая.

Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я—изысканный стих.

Как я пишу стихи

Рождается внезапная строка,
За ней встает немедленно другая,
Мелькает третья ей издали,
Четвертая смеется, набегающая,
И пятая, и после, и потом,
Откуда, сколько, я и сам не знаю,
Но я не размышляю над стихом
И, право, никогда—не сочиняю.

Я в этот мир пришел,
чтоб видеть Солнце.

АНАКСАГОР

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море
И пышный цвет долин.

Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин.

Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.

Я каждый миг исполнен откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я любим за то.

Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
А если день погас,

Я буду петь... Я буду петь о Солнце
В предсмертный час!

Безглагольность

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.

Приди на рассвете на склон косогора,—
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так больно, и сердце не радо.

Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далеко-далеко.
Во всем утомленье, глухое, немое.

Войди на закате, как в снежные волны,
В прохладную глушь деревенского сада,—
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.

Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.

Тише, тише

Тише, тише совлекайте с древних идолов одежды,
Слишком долго вы молились,
не забудьте прошлый свет.

У развенчанных великих,
как и прежде, горды вежды,
И слагатель вещей песен был поэт и есть поэт.

Победитель благородный с побежденным будет ровен,
С ним заносчив только низкий, с ним жесток один дикарь.
Будь в раскате бранных кликов ясновзорен, хладнокровен,
И тогда тебе скажу я,
что в тебе мудрец—и царь.

Дети солнца, не забудьте голос меркнувшего брата,
Я люблю в вас ваше утро,
вашу смелость и мечты,
Но и к вам придет мгновенье охлаждения и заката,—
В первый миг и в миг последний будьте, будьте как цветы.

Расцветайте, отцветайте,
многоцветно, полновластно,
Раскрывайте все богатство ваших скрытых юных сил,
Но в расцвете не забудьте,
что и смерть, как жизнь,
прекрасна
И что царственно величье холодеющих могил.

Мое — Ей

Приветствую тебя, старинный крепкий стих,
Не мною созданный, но мною расцвеченный,
Весь переплавленный огнем души влюбленной,
Обрызганный росой и пеной волн морских.

Ты в россыпи цветов горишь, внезапно тих,
Мгновенно мчишься вдаль метелью разъяренной,
И снова всходишь в высь размерною колонной,
Полднейный обелиск, псалом сердец людских.

Ты полон прихотей лесного аромата,
Весенних щелбатов и стговора зарниц.
Мной пересозданный, ты весь из крыльев птиц.

И рифма, завязав грез, в тебе рукой не смята.
От Фета к Пушкину сверкнул путем возврата
И брызги в даль времен дорогой огневиц.

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню восходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени
под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдаль,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше восходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор,

И внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдаль.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

Окрыленная этой книгой, Вера Дмитриевна начала подготовку издания сочинений Бальмонта. Оно пока не осуществилось, но зато большой том «Избранного» удалось выпустить в 1980 году. Это минимум того, что можно дать из Бальмонта нашему читателю: стихи, переводы, статьи. Таким образом, еще одно «белое пятно» на карте русской поэзии обрело цвет. А сколько еще остается таких «белых пятен»!

Разумеется, тиражи выпущенных книг Бальмонта недостаточны. Вот почему так велика потребность рассказать молодым людям о поэте и его творчестве. Постепенно от одного такого очерка к другому будет представлять перед юношеством картина русской поэзии конца прошлого — начала нашего века. Именно об этой **полноте картины** русской поэзии и говорил Максим Горький, когда задумывал и осуществлял Большую и Малую серии «Библиотеки поэта».

Немного в русской поэзии творцов, о которых существовало бы столько разноречивых, порой прямо противоположных оценок, как это имело место с К. Д. Бальмонтом. В этом надо разобраться. Прежде всего это надо знать. Знать его жизнь и его творчество.

Константин Дмитриевич Бальмонт родился в Гумнищах Шуйского уезда Владимирской губернии (ныне Шуйского района Ивановской области) 4 июня 1867 года.

Бальмонт искал свои фамильные истоки среди французских и польских старинных родов. По свидетельству Е. А. Андреевой-Бальмонт, «прадед отца поэта был сержантом в одном из кавалерийских лейб-гвардейских полков императрицы Екатерины II — Баламут... Этот документ на пергаменте и с печатями хранился у нас. На Украине есть и до сих довольно распространена фамилия Баламут. Прадед поэта Иван Андреевич Баламут был херсонским помещиком... Как фамилия Баламут перешла в Бальмонт — мне не удалось установить» (цитирую по рукописи книги «Мои воспоминания о К. Д. Бальмонте»).

Будущий поэт рос в небольшой усадьбе отца, помещика небогатого, страстного охотника. Мать — дочь генерала, по свидетельству поэта, оказала на сына глубокое влияние. Именно она ввела его в «мир музыки, словесности, истории, языкознания».

Первые десять лет жизни прошли в деревне. В автобиографии, написанной в июне 1907 года и помещенной в «Книге о русских поэтах последнего десятилетия», Бальмонт говорит о своей ранней любви к деревне и к морю. Горожанин, он ненавидит город «как рабское сцепление людей, как многоглазое чудовище». И все же в городе он находит свободу и «отравы пьянства, которые уже вошли в душу и которые, ненавидя, люблю».

Воспитывался Бальмонт на произведениях русских классиков. «Первые поэты, которых я читал, были народные песни. Никитин, Кольцов, Некрасов и Пушкин. Из всех стихов в мире я больше всего люблю «Горные вершины» Лермонтова (не Гете — Лермонтова)». Много поздней название стихотворения «Горные вершины» Бальмонт возьмет в качестве заглавия для своего сборника статей.

Чтение стало любимым занятием Бальмонта. В его жизни чтение, книга, самообразование играли первостепенную роль.

Обстановка Шуи — городка рабочего, фабрично-го — оказывала на поэта несомненное влияние. Он рос в среде не обывательской, благостно-захолустной, заскорузлой, а среди фабричных рабочих, мастеровых, ремесленников.

Первые стихи, написанные в десятилетнем возрасте, жестоко были раскритикованы матерью. Наступило шестилетнее молчание. Гимназист придумался. После перерыва из-под его пера появляются стихи, в которых чувствуются явные перемены поэтов некрасовской школы.

Осенью 1886 года Бальмонт поступает в Московский университет (юридический факультет). Год спустя он был обвинен в участии в студенческих беспорядках, три дня просидел в Бутырской тюрьме и был выслан в Шую. Здесь он снова связывается с революционно настроенными людьми, задумывает новые решительные шаги: например, хочет участвовать в террористическом акте. Вскоре он оказывается вне университета.

После новой неудачной попытки систематического учения (ярославский Демидовский лицей) занимается самообразованием. Неудачная женитьба, нервное расстройство, бытовые неурядицы, душевная смута, в которой он не в силах был разобраться и преодолеть ее, толкнули Бальмонта на самоубийство. В марте 1890 года он выбросился из окна третьего этажа, остался жив, но был надолго прикован к постели. Этот отчаянный прыжок в окно и вернувшееся после этого ощущение жизни и ее ценности много значили в становлении личности поэта.

В Ярославле Бальмонт выпустил «Сборник стихотворений» (1890), не принесший ему ни радости, ни успеха. Он уничтожил почти весь тираж, повторив поступок Гоголя, Некрасова и других русских поэтов.

В эту пору (начиная с осени 1894 года) для Бальмонта много значила дружба с Брюсовым. Последний самыми возвышенными словами рисует нам портрет Бальмонта, говорит о его тонкости, чутье, образованности: «Многое, очень многое мне стало понятно, мне открылось только через Бальмонта». И далее: «Я был одним до встречи с Бальмонтом и стал другим после знакомства с ним».

Первой книгой Бальмонта принято считать не вышеупомянутый «Сборник стихотворений», а сборник «Под северным небом» (1894). Книга вызвала и резко отрицательные, уничижительные, и благожелательные отклики, в которых отдавалось должное и изяществу формы, и музыкальности стиха, и чувству речи.

Весной 1897 года Бальмонта приглашают в Англию. Он читает лекции по русской поэзии в Оксфорде.

В конце века он много ездит: во Францию, Голландию, Англию, Италию, Испанию (вместе со второй женой Е. А. Андреевой-Бальмонт). Ему хотелось побывать во всех странах, познакомиться со всеми народами. Он желал быть очевидцем, свидетелем, летописцем. И решительно обо всем написать. Языки, литература, искусство мира всю жизнь увлекали поэта. Любознательность и подвижность остались навсегда характерными чертами его облика.

Один за другим в конце XIX — начале XX века выходят сборники стихов Бальмонта.

Интенсивность творческой деятельности может быть легко показана на бесперывности выхода его книг: «Безбрежность» (с 1895-го четыре издания), «Тишина» (с 1898-го три издания), «Горящие здания» (с 1900-го три издания), «Будем как солнце» (с 1903-го четыре издания), «Только любовь» (с 1903-го три издания). И так всю жизнь: каждый год — два-три издания.

Антиправительственные выступления Бальмонта в пору первой русской революции не были игрой и бравадой, как это представляется некоторым биографам. Это были увлеченные, страстные, гневные протесты, вызвавшие широкий общественный отклик. Е. А. Андреева-Бальмонт пишет, что в 1905 году он «все дни проводил на улице, строил баррикады, произносил речи, влезая на тумбы», он «страстно увлекся революционным движением». Именно увлекся. Так же быстро эта увлеченность оборвалась, уступая место другим увлечениям. В это время он сотрудничает в большевистской «Новой жизни», пишет сатирические, обличительные стихи, митингует, ждет расправы над собой, как ему казалось, законченным революционером. И наконец, уезжает, бежит в Париж — надолго, на семь с лишним лет.

В 1912 году он совершает грандиозное кругосветное путешествие (Лондон, Плимут, Канарские острова, Южная Америка, Мадагаскар, Южная Австралия, Полинезия, Новая Гвинея, Цейлон и др.), которое насытило любознательного поэта, но не избыло его тоски по России. В одном из писем того времени Бальмонт писал: «Мне хочется обогатить свой ум, соскучившийся непомерным преобладанием личного элемента во всей моей жизни».

После амнистии 1913 года, объявленной в связи с трехсотлетием дома Романовых, поэт возвращается в Москву. Ему рады, его шумно встречают как знаменитого поэта. В его честь устраивают вечера и приемы.

Крушение царизма было воспринято Бальмонтом с ликованием. Он декларировал свою причастность к общему делу — «могучему потоку». Это было в феврале 1917 года. В дальнейшем, после Октября, он в стане правых: славит генерала Корнилова, отвергает Октябрьскую революцию, трактует ее как «насилие». Всегда доказывавший свою причастность к революции, он отвергает ее реальность в пору, когда она совершилась. Его пугают разруха, решительные способы перестройки мира, он ратует за отделение литературы от политики.

В 1920 году Бальмонт ходатайствует о разрешении ему поездки за границу. В 1921 году он уезжает с семьей в командировку сроком на год. Но этот год продлился двадцать один год, до конца жизни. Бальмонт стал эмигрантом.

Его отношение к Советской России было крайне неровным. Нередки его прямые выпады против нее в стихах и в прозе, в одиночку и в купе с другими эмигрантами.

Тоска Бальмонта по России выражена в его стихах и в прозе. «Я хочу России... Пусто, пусто. Духа нет в Европе».

Смятение, печаль, недостаток в средствах, подчас доводивший до бедственного положения, не отражались на непрерываемом и обильном творчестве Бальмонта: стихи, переводы, статьи. Он перенапря-

гается. Работает на пределе. Душевная депрессия переходит в душевную болезнь.

Умер Константин Дмитриевич Бальмонт в оккупированном гитлеровцами Париже 24 декабря 1942 года. Похоронен в Нуазиле Гран, близ Парижа.

Пора литературного успеха Бальмонта, годы, предшествовавшие первой русской революции, связаны с антиправительственными выступлениями поэта. В качестве примера сошлось на стихотворение «Маленький султан». Оно имело несомненный общественный успех. Более того, это стихотворение — целая глава не только биографии и творчества Бальмонта, но и всей русской нелегальной печати.

События 4 марта 1901 года у Казанского собора в Петербурге (избиение демонстрантов и убийство нескольких студентов), последовавшие за этим репрессии, преследования Бальмонта полицией — все это было известно всей России. «Маленького султана» передавали из рук в руки, — пишет литературовед А. А. Нинов, — заучивали наизусть, переписывали, использовали в политических прокламациях».

**То было в Турции,
где совесть — вещь пустая,
Там царствует кулак, нагайка, ятаган,
Два-три нуля, четыре негодяя
И глупый маленький султан.**

Так начинается это знаменитое стихотворение. На правящих нулях, негодяях и маленького султана «нахлынули толпой башибузуки». Они рассеялись. И вот избранные спрашивают поэта: как выйти «из этих темных бед»?

**И тот собравшись, подумав, так сказал:
«Кто хочет говорить,
пусть дух в нем словом дышит,
И если кто не глух, пускай он слово слышит,
А если нет, — кинжал!»**

Всем читателям, самым неподготовленным, ясно было, что речь идет не о Турции, а о России.

Впервые это стихотворение было опубликовано за рубежом, в Женеве, в сборнике «Песни борьбы». В России стихотворение распространялось в списках.

В мае 1901 года «Маленького султана» хотел напечатать В. И. Ленин в «Искре» (пятый номер). На одном из списков этого стихотворения есть примечание, сделанное рукою Ленина: «Приводим два ходящие по рукам стихотворения, характеризующие общественное настроение» (второе стихотворение не сохранилось).

14 марта 1901 года на вечере в зале Петербургской городской думы Бальмонт прочитал с большим успехом «Маленького султана». Сошедшего с эстрады поэта агенты охраны спрашивали, чье стихотворение он прочитал. Бальмонт сказал, что это его перевод с испанского. У него на дому был произведен обыск. Ему запрещалось жить в столице, столичных губерниях и университетских городах в течение трех лет.

Обличительные стихи Бальмонта, его стихи о рабочих (1906—1907), сотрудничество в большевистской «Новой жизни», общение с Горьким, участие в революционных демонстрациях вызывают ненависть к нему буржуазной прессы. В его защиту выступают Горький и Амфитеатров. Блок говорил о «новом Бальмонте с его плохо оцененными рабочими песнями».

В 1907 году в Париже Бальмонт издает «Песни мстителя».

Гневная инвектива, сатира, обличение, политическая эпиграмма — всем этим Бальмонт владеет мастерски. Вот один из ярких примеров его политической эпиграммы:

**Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждет.
Кто начал царствовать — Ходышкой,
Тот кончит — встав на эшафот.**

К железным строкам русской гражданской лирики естественно присоединяются и эти бальмонтовские строки, адресованные Николаю II.

В 1923 году в книге «Мое — Ей. Стихи о России», изданной в Берлине, Бальмонт писал:

**И все пройдя пути морские,
И все земные царства дней,
Я слова не найду нежней,
Чем имя звучное Россия.**

На протяжении всей жизни у Бальмонта было стремление моментальное сочетать с целостным познанием мира. В книге «Будем как солнце» поэт по справедливости ставит в центре мира Солнце, источник света и совести в прямом и в иносказательном смысле этого слова. Поэт выражает стремление служить главному источнику жизни. Солнце дарует жизнь, жизнь распадается на миги.

Мимолетность возведена Бальмонтом в философ-

ский принцип. Человек существует только в данное мгновение. В данный миг выявляется вся полнота его бытия. Слово, вещь, слово, приходит только в этот миг и всего на миг. Большого не требуй. Живи этим мигом, ибо в нем истина, он источник радости жизни и ее печали. О большем и не мечтай, художник, только бы выхватить у вечности этот беглый миг и запечатлеть его в слове.

**Я не знаю мудрости, годной для других,
Только мимолетности я влагаю в стих.
В каждой мимолетности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.**

Эту изменчивость, зыбкую радужность, игру каждой мимолетности запечатлевает поэт. В этой связи одни называли его импрессионистом, другие — декадентом, третьи — модернистом...

В стихах всего полней миг бытия раскрывается импровизационно, когда творец входит в мелодическую, звуковую среду. Он любит эксперимент, импровизацию. Высказанное от души, первый порыв — самый верный.

Музыкальная речевая река увлекала Бальмонта за собой, он подчинялся ее течению в большей степени, чем смыслу высказывания. На стихах Бальмонта, как на нотах, можно проставить музыкальные знаки, которые обычно ставят композиторы. В этом смысле Бальмонт продолжает в русской поэзии линию, получившую свое классическое выражение у Фета. Именно о нем Чайковский сказал: «Фет сделал шаг «в нашу сторону» (т. е. в сторону композиторов). Бальмонт ставил в заслугу своему предшественнику именно то, что тот установил точное соответствие между мимолетным ощущением и прихотливыми ритмами, т. е. отмечал характерное для себя самого».

Миг — знак, намек на то, что есть вечность, есть невидимый космос души, проявляемый то так, то этак. Подчас сквозь миг человеку видна вечность, иногда, напротив, сквозь вечность он видит миг. Миг! Это очень мало. Миг! Это очень много. Бальмонт дает почувствовать, что жизнь человека прекрасна, таинственна, страшна — от мига до вечности. Вероятно, всего более человек прозревает вечность в миг любви. Вот где его ждут озарения и восторги, открытия и разочарования.

Аллитеративность русского языка была сильно увеличена Бальмонтом. Он и сам со свойственной ему бравадой писал: «Имею спокойную уверенность, что до меня, в целом, не умели в России писать звучные стихи». Примат музыкальной темы, сладкогласие, упоенность речью лежат в основе его поэтики. Магия звуков — его стихия. Смысловая функция слова подчас нарушена, правда, не до такой степени, как у поэтов, обращавшихся к заумной речи. И. Ф. Анненский говорил о музыкальной потенции его слова: «В нем, Бальмонте, как бы осуществляется верленовский призыв: музыка прежде всего».

Бальмонт виртуозно владел сложнейшим речевым инструментарием. В лучших своих, оригинальных произведениях и в переводах он показал, сколь неисчерпаемы возможности языка, на котором творили Пушкин и Лермонтов, Некрасов и Толстой, все, кого он называл «предтечами»:

**Язык, великолепный наш язык,
Речное и степное в нем раздолье.
В нем клетоты орла и волчий рык,
Напев и звон, и ладан богомолья.**

В лучших стихах поэта переданы «молнии и громы» русской речи. Но, оглушенный громами своей же речи, Бальмонт подчас продолжал петь, когда следовало бы по всем законам гармонии сделать паузу. Но ему было не до пауз. И он завлекал читателя в свою музыкальную реку. Они были оглушены его аллитерациями, его речевыми каскадами, фейерверками его строф. Его называли «Паганини русского стиха». В пору появления поэта, в конце прошлого века, эта стихотворная музыка казалась откровением и высоким стихотворным мастерством. Однако уже Блок писал, что «Бальмонт и вслед за ним многие современники вульгаризировали аллитерацию». Отчасти он был прав. Теперь эти «вульгаризированные аллитерации» приводятся как отрицательные образы бряцающе-навязчивого стихотворного звучания. Об этом Маяковский говорил так: стихи Бальмонта кажутся ему «плавными и мерными, как качалки и турецкие диваны».

Богат Бальмонт не только звуком, но и цветом. Особое пристрастие у него к цветовым эпитетам: «Красный парус в синем море, в море голубом. Белый парус в море сером спит свинцовым сном». Три эпитета, дополняющие друг друга, накладываются друг на друга, как на палитре живописца.

Музыкальности стиха помогают обильные прилагательные, определения, эпитеты, причем зачастую сложносоставные:

**Весь звенчатый, коленчатый,
изгибистый, змеистый,
Извиво-криво-выгнутый,
углистый и локтистый,
Приснился мне Неведомый,
и как его понять?**

Определения внутри строки и строфы вступают в сложные музыкально-живописные связки, атакуются, рифмуются (звенчатый — коленчатый, углистый — локтистый).

Никогда Бальмонт не ограничивал себя известными стихотворными формами. Он придумывал новые. И был в этом неистощим.

«...Изучив 16 (пожалуй) языков, говорил и писал он на особом, 17 языке, на Бальмонтском», — сообщает Марина Цветаева.

Когда зарубежная жизнь сильно потрепала поэта, сбила с него спесь, обернулась для него бездной и непомерным горем, на старости лет в тоске по России он создал сильные стихи. Бальмонт отверг бальмонтщину. Он заговорил обнаженно и драматично.

Жизнь совлекла не «с древних идиолов одежды», а с самого поэта сорвала его фрак с орхидеей в петлице. Вместо былых иллюзорных словесных мистерий и драм в позднем Бальмонте проступает подлинная трагедия одинокой души. Поэта без почвы, без очага, без любимых с детства родных просторов, без языка. Тоска и отчужденность прорывают плотину мнимопоэтических слов, и тогда говорит сама поэзия.

В пору, когда выходили поздние книги Бальмонта, в России его уже не помнили. Он был таким монстром, оставленным эпохой символизма. Несколько строк («чуждый чарам черный челн» и другие) приводилось иронически. Эмигрантские круги его не миловали. Поэт бедствовал. Он не переставал писать. Писать много. И был уверен, что тянет сквозь годы и книги свою нить, что она непрерывна и крепка, эта золотая нить его образов.

Поздний Бальмонт, оторванный от России (после 1921 года), бедствующий и тоскующий, создает немало стихотворений, в которых говорит не символист, не любимец публики, не знаменитый бард, а измученный жизнью старый поэт, оставшийся наедине со своей судьбой. Прожитая жизнь предстала перед ним в истинно трагедийном свете. И давние поэтические средства мало пригодились Бальмонту. Он говорил словами, которых не было прежде в его поэтическом обиходе.

«Я шел как раб магического слова», — признавался поэт в стихотворении «Река» («Марево», 1932). Да, он был рабом и вместе с тем властелином стихотворного слова. В поздних стихах он прямо, прямо; его слово доступней, ближе к жизни самого поэта.

«Лишенный Родины, меж призраков бездушных» («Набат», «Марево») жил за рубежом Бальмонт. «Прилив ушел, и я, как привиденье, среди раковин морских иду ко дну» («Река», «Марево»). Одиночество, тоска, безысходность!

**Есть слово — и оно едино.
Россия. Этот звук — свирель.**

Это из цикла «Мое — Ей» (1922). Звуки свирели — Россия! — ласкают слух Бальмонта. Отдаленность от страны и народа, тоска по Родине возвращают поэта его детство и юность, их краски. И эти краски в последнюю пору жизни предстают перед читателем в не меньшей чистоте, чем вначале.

Думая о России, Бальмонт видит ее и в укрупненных планах, и в деталях. Он воспевает великий край — Сибирь, посвящая ему книгу «Голубая подкова» (1937).

«Привет тебе; моя любовь, Россия!» — пишет Бальмонт 9 мая 1926 года в Париже. Вместе с тоской по России, по утраченной Родине Бальмонта тревожат старость и приближение смерти. Он говорит о «безветрии души», об успокоении.

Влюбленный в словотворчество, он придумывает такое словосочетание-образ — «Светослужение». Это заглавие его сборника 1936—1937 годов. В нем остается тема Солнца, но Солнца, уже уходящего за горизонт.

Более чем кто-либо из его друзей и соратников, Бальмонт вошел в непосредственное соприкосновение с классиками русской литературы (Толстой, Чехов, Короленко, Горький, Бунин).

Горький напечатал в ноябре 1900 года в «Нижегородском листке» статью, в которой отмечался талант Бальмонта, его «простые, красивые и сильные стихи». Горький же пишет в одном из писем (ноябрь 1907 г.): «Дьявольски интересен и талантлив этот нейрастеник. Настраиваю его на демократический лад». Важное сообщение! Этот настрой «на демократический лад» чувствуется в зрелых книгах поэта, воспевающих солнце, жизнь, творчество. Влияние Горького сказалося в том, что гасконская любовь к жизни, к подвигу, смелость и отвага творца Человека (с большой буквы) восприняты были Бальмонтом со всей жадностью и быстротой творческого претворения. Подчас это влияние сходило на нет, но иногда оно озаряло поэта и окрыляло его.

У Бальмонта была тяга к поэзии космогонического масштаба, к поэзии возвышенной мысли, к песне о Человеке, который стоит рядом с Солнцем в центре Вселенной. Брюсов говорит о солнце в поэзии Бальмонта, о том, что в лучах этого восхода затерялись едва ли не все другие светила. Эта гиперболическая характеристика дает возможность почувствовать, как восторженно воспринимали явление Бальмонта его современники.

Отношение Горького к Бальмонту не было сплошь одобрительным и радужным. С годами, с десятилетиями, наблюдая за развитием поэта, за капризными зигзагами его пути, Горький высказывался о нем весьма сурово. Он сравнивал Бальмонта с высокой и узорчатой колокольней, на которой звонят колокольчики, а следовало бы звонить колоколам большим... Предостерегая молодых поэтов от слепого следования Бальмонту, Горький говорил, что автор «Горящих зданий» — «раб слов, опьяняющих его».

Шкала оценок поэзии Бальмонта велика. Этот поэт всегда вызывал самые разноречивые оценки. Подчас они исключали друг друга. Наиболее высокий градус оценки — авторский. Поэт говорит о себе, не только сознавая свое величие, но и видя себя в далеком будущем. Столь же высокая оценка Марины Цветаевой: «Бальмонт — самое лучшее, что дал старый мир... Мы все обязаны ему». Так говорит поэтесса, обращая внимание эмигрантов на ниществовавшего Бальмонта. «И да не останется на русской эмиграции несмыслимое пятно: что она равнодушно позволила, чтобы страдал большой Великий Русский Поэт».

Блок отмечает в Бальмонте «пленительную капризность», в которой есть и инфантильность, и поза, и подчас надуманность моды. Поначалу — для Блока — среди духовиты и суеты городов начала века он «сохранил в душе весну».

Когда у Бальмонта появились переписки, дубликаты, бледные копии старых удач, поклонники поэта, в их числе Блок, вынуждены были говорить ему горькие слова о том, что стихи его «по количеству уступают качеству».

Важно здесь сказать, что Бальмонту в начале века (за первые его двадцать лет) удалось поставить своего рода рекорд: свыше полтора десятилетия стихотворений было положено на музыку. Танеев и Рахманинов, Прокофьев и Стравинский, Глиэр и Мясковский создали романсы на слова Бальмонта. От него в этом смысле сильно отстают и Блок, и Брюсов, и Сологуб, и Ахматова...

Поэтическое слово важно и весомо не столько своим звучанием, сколько своим значением. Смысл нуждается в слове, слово нуждается в смысле. У Бальмонта слово редко нуждается в смысле, оно бежит от него. Это нам нужно в Бальмонте. Но историк литературы должен свои личные вкусы и пристрастия приглушить, даже отстранить, чтобы отдать главное место историко-литературной справедливости.

Мы обращаемся к Бальмонту не только в целях восстановления литературной справедливости (хотя и это само по себе очень важно). Этот поэт помогает внушить поэзии ее высокий мелодичный строй. Романтика, возвышенная речь в лучших творениях Бальмонта проступают с убедительной силой. У него мы находим выпренность, но встречаем и поэтическое упоение, ту помощную одухотворенность, которую можно назвать вторым именем поэзии.

Критика, исходя из теорий Бальмонта и его деклараций, торопилась похоронить его поэзию. Время распорядилось по-иному.

В поэзии Бальмонта читатель и сегодня находит упоенность жизнью, ее весной, ее цветением, ее красотой.

Майор Беляничков вдруг вспомнил свой давний разговор с Бугаевым. Юрий Евгеньевич пришел на службу в красивых югославских туфлях. По старой привычке он набил на них маленькие стальные подковки, довольно звонко постукивавшие по мраморным ступеням лестницы. Бугаев не преминул проехаться по этому поводу:

— Эх ты, сыщик, тебя же за километр слышно.

**Сергей
ВЫСОЦКИЙ**

ПОВЕСТЬ

ДУШИЖВАРЫ

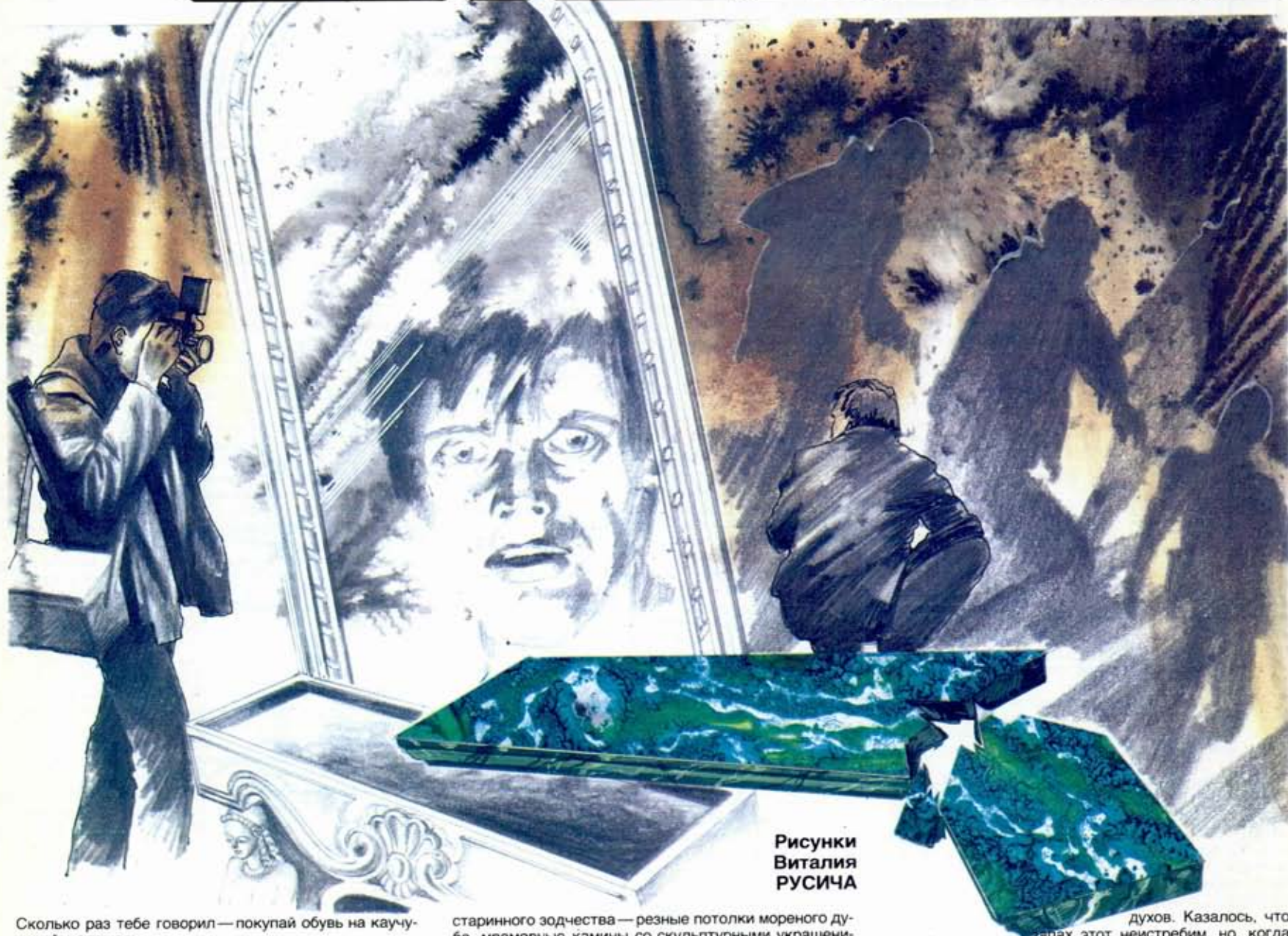
излишеств, украшающих старинные, поставленные на капитальный ремонт дома.

В последние годы строители приступили к массовому ремонту старого жилого фонда. Целые кварталы в центре города обносили заборами, в домах меняли перекрытия, укрепляли стены, перепланировывали многокомнатные коммуналки. Ленинградцам эти дома пустыми глазами окон и развевающимися на ветру кусками старых обоев остро напоминали блокадные годы.

Во многих домах интерьеры представляли шедевры

целая шайка. Этот невеселый вывод и привел Беляничкова и двух сотрудников районного управления внутренних дел в только что освобожденный жильцами дом на Измайловском проспекте.

Строители не приступили к работе, и опустевшие квартиры еще хранили остатки человеческого тепла. Беляничков дежурил вторую ночь и различал уже некоторые комнаты по запахам. В одной из двух огромных квартир бельэтажа с несколькими редкими каминными, из-за которых, собственно, и организовали засаду, была комната с острым запахом пряных

Рисунки
Виталия
РУСИЧА

Сколько раз тебе говорил — покупай обувь на каучуковой подошве.

— Может, в тапочках ходить?

— В тапочках еще находишься! Но греметь железными подковками...

— Молодой ты, Бугаев, — сказал тогда Юрий Евгеньевич своему товарищу, — любишь попижонить. Разве в подошвах дело? Нам ведь не глухарей скрадывать. А с подковками экономнее...

И вот теперь, когда подковки на очередных штибелях предательски цокали по паркету и это цоканье гулко разносилось по пустынному дому, Беляничков пожалел, что не надел свои «мокроступы» — ботинки на микропоре, в которых он ездил осенью в лес. Сегодня ночью ему предстояло «скрадывать» охотников до мраморных каминов и прочих архитектурных

старинного зодчества — резные потолки мореного дуба, мраморные каминные со скульптурными украшениями, печи, выложенные редкой красоты изразцами. И вот то в одном, то в другом доме стали исчезать эти образцы былого благолепия. Первое подозрение упало на строителей. Тем более, что один из прорабов, действительно, польстился на витую чугунную лесенку ажурного литья и пристроил ее к себе на дачу. Лесенка была водворена на место, прораб получил три года условно с отбыванием срока по месту работы, но ценнейшие произведения искусства продолжали исчезать. Не желая, чтобы на них «вешали собак», строители даже организовали в одном доме ночное дежурство, но дело кончилось тем, что неизвестные лица избили и связали сторожа, а мраморный камин увезли. Стало ясно, что хищениями занимаются не случайные «любители» старины, а орудует

духов. Казалось, что запах этот неистребим, но, когда сегодня Юрий Евгеньевич прошел мимо «душистой» комнаты, к запаху духов прибавился легкий запах сырой штукатурки. «Откуда? — подумал Беляничков. — Стекла в окнах целы, дождь в комнату попасть не мог?» В другой комнате пахло псиной, в третьей — котлетами. На четвертом этаже одна квартира насквозь пропиталась нафталином. Запах сырой штукатурки пока не добрался до четвертого этажа, но Беляничков не сомневался — подежурь он в выставяющем доме еще пару ночей, это обязательно произойдет. Он уже привык к дому, к его запахам, к его шорохам. Знал, что в бельэтаже дребезжит большое стекло в окне, когда по улице идет троллейбус или грузовая машина. На втором этаже капает вода из всех кранов. И из всех по-разному...

Легкий сквознячок, гуляющий по этажам, донес до Юрия Евгеньевича запах сигареты. Едкий, колющий запах «Примы». Белянчиков оглянулся в полной уверенности, что закурил Виктор Котиков — дежуривший с ним младший оперуполномоченный. Но никакого огонька не заметил. Стараясь идти совсем тихо, он сделал несколько шагов к Котикову, пару раз чиркнув подковками штиблет по паркету. Призывно махнул рукой. Котиков заметил, что его зовут, бесшумно поднялся со старого сундука, на котором коротал время, и подошел к Белянчикову.

— Табаком пахнуло, чуешь? — шепнул Юрий Евгеньевич.

Котиков принохался. Так же, шепотом, ответил: — Нет, не чую.

Они постояли несколько секунд в полном молчании, и до Белянчикова снова донесло характерный запах «Примы». Теперь его почувствовал и Котиков. Он легонько сжал руку Юрия Евгеньевича.

— Из второй квартиры, — шепнул Белянчиков. Это была соседняя, через лестничную площадку, квартира бельэтажа.

— Но ведь никто не проходил?! — удивился Котиков.

— Потом разберемся. — Белянчиков махнул рукой, хотя и сам мог поклясться, что по парадной лестнице никто не проходил, а во дворе, у черного хода, дежурил еще один сотрудник. — Давай, двигаем. У тебя все готово?

Оперуполномоченный вместо ответа успокаивающе дотронулся до плеча майора. Белянчиков секунду раздумывал, потом наклонился и снял ботинки. «Как бы на ржавый гвоздь не напоротся», — мелькнула у него мысль, но он тут же забыл о ней и, легко ступая, двинулся в сторону соседней квартиры. Котиков так же бесшумно шел за ним следом. Уже на лестничной площадке Белянчиков услышал резкий и методичный скребущий звук — как будто кто-то точил ножик. И еще легкое постукивание.

«Как же они прошли? — опять подумал Юрий Евгеньевич. — Через чердак? И спустились по черному ходу?»

...Работали с камином в большой комнате, пахнущей собаками. Собственно говоря, это была половина зала, отделенная от другой половины капитальной перегородкой. Камин там был самый красивый, верхнюю мраморную доску его поддерживали две мраморные нимфы, а золотистые изразцы, правда, кое-где побитые, были расписаны виноградной лозой.

Около входа в комнату Белянчиков вытащил из кармана фонарик, нащупал кнопку переключателя. Пропустил вперед Котикова, у которого в руках был фотоаппарат со вспышкой. Младший оперуполномоченный сделал шаг в комнату, отступил в сторону, давая дорогу Белянчикову, и нажал на спуск фотоаппарата. Юрий Евгеньевич увидел мужчину, вынимающего мраморную плиту. Второй мужчина скреб каким-то длинным предметом стену около одной из нимф — наверное, готовился ее вытащить. Вспышка была так неожиданна, что воры не успели даже испугаться, но когда Белянчиков зажег фонарь, раздался выстрел, и фонарь в его руке разлетелся вдребезги, царапая осколками стекла лицо. Рука словно онемела. Котиков нажал еще раз спуск фотоаппарата, вспышка на мгновение озарила комнату, и в это время Юрий Евгеньевич успел навалиться на одного из мужчин, с удивлением почувствовав, что рука работает как ни в чем не бывало.

— Свет! — крикнул он Котикову, который должен был, по заранее разработанному плану, включить свет и без напоминания. Но свет не зажегся. Как оказалось потом, кто-то из строителей, ничего не подозревавший о засаде, отключил проводку.

...Когда Белянчиков вызвал по радиотелефону машину из районного управления и свет, наконец, зажгли, второй преступник исчез. Огорченный Котиков рассказал, что, выстрелив, мужчина кинулся к черному ходу и по лестнице поднялся вверх, на чердак. И запер обитую железом чердачную дверь изнутри. Приехавшие из районного управления оперативники взломали дверь и даже пустили на чердак служебную собаку. Но собака, попетляв немного, привела проводника к слуховому окну, а на крышу не пошла.

Пока оперативники лазали по крышам, Белянчиков пытался допросить задержанного, но тот был так напуган, что ничего связанного сказать не мог.

— Я тут ни при чем, начальник. Я ни-ни... Я ни-ни... — бормотал задержанный. Это был совсем, как говорят, плохой мужичок, небритый, с испитым землестым лицом и дрожавшими руками. И руки у него дрожали не только от испуга, но скорее всего от постоянного пьянства.

— Через чердак шли?

Задержанный торопливо кивнул.

— По крышам?

Он опять кивнул.

— А в каком доме поднимались?

Задержанный долго молчал. Наконец, выдал:

— Там, знаешь, шалман. У тети Кати...

Белянчиков обернулся к Котикову. Тому полагалось знать свой район во всех подробностях.

— У тети Кати... — задумчиво сказал Котиков. — А, знаю, винный магазин тут рядом. Катерина Романовна Талкина торгует.

— Как твоего приятеля зовут? — спросил Белянчиков задержанного.

— Игореха...

— Игорь, что ли?

Мужчина кивнул.

— Фамилия? Где живет?

Задержанный пожал плечами.

— Чистосердечное признание облегчит твою участь, — сказал Юрий Евгеньевич и тут же понял, что его слова бесполезны. Мужик посмотрел на него с недоумением:

— В чем признаваться-то?

— Назови фамилию своего дружка, — повторил майор. — И где живет? Да побыстрее.

— Игореха и все. Откуда мне знать? Я не милиция, чтобы фамилии спрашивать. У магазина познакомилсь...

«Пустое дело с этим алкашом толковать», — подумал Белянчиков и сказал Котикову:

— Давай, Виктор, быстро жми к нам, в Главное управление, в энто, там сегодня Коршунов дежурит. Пусть отдадут срочно проявить твою пленку. И сделают побольше отпечатков. У нас теперь фотография этого «стрелка» имеется. Если только ты не оплошал.

— Вроде бы нет...

— Вместе с Коршуновым возвращайся сюда. Надо, чтобы он «пальчики» снял... А твои ребята пусть проверят лестницы в соседнем доме, жильцов опросят.

Котиков отвел в сторону одного из сотрудников, вполголоса объяснил ему, что требуется.

Белянчиков спросил задержанного:

— На машине приехали?

Мужик кивнул.

— Какая машина?

— Синенькая. Кажись, «Москвич».

— А поточнее? «Москвичей» много. Модель какая?

— Леший ее знает! Такая гладенькая машинка.

Белянчиков подумал о том, что в Управлении можно будет предъявить задержанному фотографии разных моделей, чтобы опознал. Важнее был номер, а номер этот алкашоты вряд ли запомнил. Юрий Евгеньевич все же спросил:

— Номер запомнили?

— Номер? — он пожал плечами. — У меня на цифры память плохая...

— Небось, сколько стоит бутылка «бормотухи», и спросонья ответишь! — зло сказал Котиков, прислушавшийся к разговорам.

— Ладно тебе, — остановил Белянчиков Котикова. — Он и так не в себе, мать родную не вспомнит! Поезжай скорее.

— Обижает, командир, — сказал задержанный. — Я сегодня в рот не брал.

Вошел один из оперативников, прочесывавших дом.

— Товарищ майор, смотрите, что нашел! — Он торжественно держал в руке коричневые штиблеты Белянчикова. Юрий Евгеньевич чертыхнулся. Он совсем забыл про них. Оперативник, увидев сердитое лицо майора, смутился, не понимая, в чем дело, и тут, наконец, заметил, что Белянчиков без ботинок, в одних носках.

— Паркет, понимаешь, скрипел, — буркнул Белянчиков, обуваясь. — Ну, вот... Хорошо хоть гвоздь не поймал.

— У вас все лицо поцарапано, — сказал оперативник. — Может, врача вызвать?

Белянчиков провел ладонью по лбу и почувствовал боль. Но кровь уже застыла.

— Это его дружок. — Майор кивнул на задержанного. — Фонарь мне разломал.

— Я и не знал, что Игореха с «пушкой», — melancholично сказал задержанный. Он все еще сидел на полу с заведенными за спину руками в наручниках. Белянчиков слез с подоконника, подошел к камину. Преступники успели выворотить одну из нимф. Мраморная плита, которую вытаскивал задержанный в то время, когда в комнату ворвались Белянчиков с Котиковым, лежала, расколота, на полу.

— Что ж ты плиту бросил? — сказал Юрий Евгеньевич задержанному.

— Ты бы не бросил! — проворчал мужик. — Работую спокойно — вдруг трах-тарарах! И гром, и молния. — Он уже немного очухался после пережитого страха, и в голосе появились дерзкие нотки.

— А тебя-то как зовут? — спросил Белянчиков, разглядывая развороченный камин.

— Еременков меня зовут. Борис Николаевич.

— И зачем же тебе, Борис Николаевич, камин понадобился? — поинтересовался майор и тут заметил, что из стены, в том месте, где раньше находилась нимфа, торчит угол ящичка.

— Васильев, — позвал он стоящего рядом сотрудника. И показал глазами на торчащий ящик.

— Что, товарищ майор? — не понял Васильев.

— Ящик торчит, видишь? Попробуй дерни.

Васильев наклонился перед камином, аккуратно подпернул брюки. Потом взялся за ящик рукой, пытаясь пошевелить его. Ящик не поддавался. Васильев оглянулся, ища, чем бы подковырнуть штукатурку. Белянчиков вынул из кармана перочинный нож, протянул ему. Васильев взял нож, ковырнул известку, и через несколько минут довольно большой, оказавшийся деревянным ящик стоял на табуретке.

С интересом разглядывая его, Белянчиков подумал, что ящик похож на те, в которых в старину хранились дульные пистолеты. Он перевел взгляд с ящика на задержанного мужчину. Еременков смотрел на ящик с изумлением.

— Что там, Борис Николаевич? — спросил майор.

Задержанный не ответил. То ли он был так увлечен созерцанием ящичка, то ли отвык от того, чтобы его величали по имени-отчеству.

— Борис Николаевич! — повторил Белянчиков громче.

— А? — поднял глаза задержанный.

— Что в этом ящичке?

— В первый раз вижу! — искреннее ответил тот.

— Вы же за ним пришли?

— Скажешь тоже! — совсем непочтительно отозвался Еременков. — Этот... как его? Игореха! Сказал, камин в старом доме надо разобрать. Все равно дом на слом идет, чего добру пропадать. Четвертой обещал заплатить.

— Всего-то?

— Четвертой же! — со значением сказал задержанный. — Пятерку уже отслюнил. Аванс. — Он снова посмотрел на ящик. — Вот это покер! С джокером!

...Когда приехали эксперты, Коршунов снял отпечатки пальцев с каминка и с неожиданной находки. Ящик вскрыли. Он был доверху набит старинными драгоценностями...

Белянчикову не хотелось терять времени: он наскоро умыл расцарапанное лицо в большой ванной комнате с развороченным кафельным полом, вытерся носовым платком и попытался хоть что-нибудь выяснить у Еременкова о сообщнике. В глазах у того появились первые признаки осмысленности.

— Лечились? — спросил Белянчиков, глядя на его бледное, со следами отечности лицо.

— Ну, а если и лечился? — с вызовом ответил Борис Николаевич. — Что ж, меня теперь и за человека не считают?

— Борис Николаевич. — Белянчиков говорил спокойно. — Не горячитесь. И вы человек, и я человек. Но из-за того, что вы залезли в чужую квартиру...

— В пустой дом я залез, — буркнул Еременков.

— В пустой дом, — согласился майор. — Но с целью похитить из него камин и спрятанную в тайнике шкатулку с драгоценностями.

— Еще чего! И слыхом не слыхал о вашей шкатулке! А камин? Да этот дом завтра взорвет вместе с камином...

— Ну ладно, — сказал Белянчиков и перешел на официальный тон: — Давайте начнем все по порядку. Я имею право провести дознание...

— Ишь ты! — прокомментировал Борис Николаевич.

— ...Для начала хочу предупредить вас об ответственности за дачу ложных показаний.

Официальный тон Белянчикова, юридическая терминология и упоминание об ответственности произвели на задержанного удручающее впечатление. Он весь сразу съехался и стал нервно потирать руки.

— Какая ответственность? Ты о чем? — твердил он, не в силах сосредоточиться на вопросах Белянчикова. — Игореха сказал: «Снимем камин, пока дом не взорвали. Все равно пропадет». А ты — про ответственность! Знал бы я, что у него «пушка» — стакана бы с ним не выпил.

— Камин — произведение искусства, — старался, как маленькому, втолковать майор. — Принадлежит государству. И дом никто не собирался взрывать. Его на капитальный ремонт поставили.

Но Еременков все скулил про ответственность, потерянно блуждая взглядом по комнате.

— Вы курите? — спросил майор, пытаясь хоть как-то вернуть Бориса Николаевича к действительности.

— А?

— Курите?

— Давай закури! — Он протянул трясущуюся руку за сигаретой. «А ведь ему не больше тридцати», — подумал Белянчиков.

Затянувшись несколько раз, Еременков успокоился.

...История его знакомства с «Игорехой» была короткой и простой. И в своей простоте — пугающей. Уволенный за пьянку из жилконторы, Еременков перебивался временной работой — грузил мебель в магазине на улице Пестеля. Вечером пропивал чаевые в пивном баре или в непосредственной близости от забегаловки, в которой торговала «тетя Катя». Здесь они и познакомились. Два дня «Игореха» исправно угощал Бориса Николаевича порцией («Дорогой брал», — сказал Еременков. И в голосе у него прозвучали нотки уважения.) А на третий день новый знакомый попросил его помочь разобраться в заброшенном доме «никому не нужный камин». И посулил четвертной.

— Да если камин никому не нужен, — рассердился Белянчиков, — зачем по крышам лазать! Нашли в заборе дырку — и кончено дело!

— Так надо! — многозначительно ответил Еременков, но кому и зачем надо, сказать не мог. Ничего не знал он и о том, почему в комнате взломан паркет и отодраны плинтуса. Только часто-часто моргал, глядя на майора своими испуганными большими глазами.

Все, что удалось выудить у него Юрию Евгеньевичу ценного, сводилось к тому, что «Игореха» ездил на «Москвиче» четырехсотой модели и камин собрался отвезти к себе на дачу. Но где у него дача, Борис Николаевич не знал.

Самые большие мучения ждали Белянчикова на Литейном, 4, когда он попытался с помощью Еременкова составить фоторобот «Игорехи». Даже известная на все Главное управление выдержка Юрия Евгеньевича была готова лопнуть, когда осмелевший, переполненный сознанием какой-то детской гордости от порученного ему дела, Еременков комментировал то и дело возникавшие перед ним на экране носы и подбородки.

— О! Этот нос, как у моего шурина! В рюмку смотрит... Не, не, не то! У Игорехи махонький, как у Яшки-Конопатого. Есть в нашем дворе такой барбос!

Лаборантка прыскала потихоньку, а Белянчиков сидел безучастный. У него не было ни сил, ни охоты одергивать развеселившегося Бориса Николаевича.

— Размножать такой фоторобот — пустое дело, — подумал он, мчась на дежурной машине по пустому городу домой, — только лишнюю работу людям создавать».

Дома Юрий Евгеньевич поставил будильник на семь часов и, не раздеваясь, лег на маленький диванчик в гостиной. Наверное, он не услышал звонка потому, что проснулся, почувствовав на себе взгляд. Открыл глаза, увидел сидящую рядом на стуле жену. Лицо у нее было заплаканное.

— Слава богу, глаза хоть целы! — с грустной улыбкой сказала она.

2

Белянчиков разложил на столе перед своим шрифтом, начальником отдела Управления уголовного розыска Корниловым, еще сыроватые фотографии, сделанные в пустом доме.

Снимки у Котикова получились прекрасные. На одном Еременков, с каминной доской в руках, смотрел прямо в объектив. Глаза он выпучил так, словно увидел в дверях тигра. А вот «Игореха», занятый нимфой, не успел даже повернуть головы. Корнилов разочарованно рассматривал его затылок с чуть поредевшими темными волосами.

— Трудно будет искать его по затылку, — с усмешкой сказал он. — Такое фото не разошлешь для опознания.

— Да-а, — с огорчением согласился Юрий Евгеньевич. — Не разошлешь. И как он успел улизнуть?

Дело в том, что на втором снимке, который сделал Котиков, «Игореха» не было.

— Для случайного вора, промышляющего в пустых домах, этот Игореха слишком прыток, — продолжал Белянчиков. — И пистолет впридачу...

— Все здесь не случайное. — Корнилов взял снимки, внимательно разглядывая их. — Вот только парень с выпученными глазами, похоже, попал в историю случайно.

— Ты веришь, что он не знал, на что шел? — спросил Белянчиков. Когда они оставались вдвоем, всегда переходили на «ты». Как-никак проработали вместе около двадцати лет.

— Веришь, не веришь! — недовольно, не отрываясь от снимка, пробормотал полковник. — Вот ты все проверишь, а там будет видно. — Он не любил, когда кто-нибудь из сотрудников цеплялся за высказанное им предположение и делал его рабочей версией.

Наконец он поднял голову, посмотрел на майора.

— Как ты думаешь, знает этот тип, — Корнилов постучал пальцем по фотографии, — что у нас в наличии только его затылок, а не полный портрет? Белянчиков нахмурился.

— Ну и вопросик! Я об этом не подумал.

— Подумай! — сказал Корнилов. И добавил: — Ты обрати внимание на окно.

Окно было высокое, без перелетов, из одного стекла. И на поверхности этого стекла, как в мутном зеркале, Белянчиков разглядел искаженные до неузнаваемости тени четырех человек, отразившихся при вспышке блика. Четверых! Значит, неизвестный, хоть и ускользнул из-под объектива фотоаппарата, но был в тот момент еще в комнате.

— Что ты меня вопросами мучаешь, когда сам уже все разглядел? — с укоризной сказал майор.

— Я себя проверяю. Ты все-таки очевидец. Представляешь последовательность снимков во времени. А я, увидев четвертую тень на стекле, решил, что кто-то из оперативников к вам на подмогу бежит.

— Нет, это его тени. В момент второй вспышки. В такой кутерьме трудно сообразить, лицо твое запечатлели или только затылок. Преступник уверен, что у нас его фото есть, а значит, и ведет себя в соответствии с этим: или лег на грунт, как говорят подвадки, или уехал подальше...

— Или растит бороду и усы.

— И как я сразу не заметил! — подсадовал Белянчиков.

— Хватит казнить, — остановил майора Корнилов, с сочувствием разглядывая его расцарапанное лицо. — Вот как он тебя разделал!

— На работе неудобно появляться, — нахмурился Юрий Евгеньевич. — Бугаев увидит — месяц потом всякие небылицы будет рассказывать.

— И дома сейчас отсиживаться нельзя, не могу я тебе этого разрешить.

— А я и не прошу. Мне еще с этим алкашом беседы продолжать надо. А для него расцарапанная физиономия — дело привычное...

Включилась селекторная связь.

— Игорь Васильевич, — сказала секретарь. — Девять часов. Все в сборе.

— Пусть заходят...

Каждое утро, ровно в девять, если не было никаких ЧП, Корнилов проводил оперативку, на которой присутствовали сотрудники отдела.

Когда все уселись, полковник, отыскав глазами эксперта Коршунова, сказал:

— Ну, что, Николай Михайлович, начнем с вас? Что за клад майор Белянчиков отыскал?

— А ларчик просто открывался, — улыбнулся Коршунов, вставая с диванчика в углу кабинета. — Зря воры старались, нимфу выковыривали. К ней, как ко всякой женщине, подход был нужен. Кнопочку нажать, и все дела.

— Тайник? — спросил Корнилов.

— Тайник.

— Да ведь шкатулка-то замурована! — запротестовал Белянчиков. — Оперативник ее с трудом выдрал. — Твой оперативник по тому же принципу, что и воры, действовал — сила есть...

— Хватит! — остановил полковник. — Докладывайте дальше.

— Тайник был сделан, по-видимому, перед самой революцией, пользовались им и в более поздние времена...

— А драгоценности? — поинтересовался Белянчиков.

— Приличные драгоценности, Юрий Евгеньевич. И стоят тысяч триста, не меньше. Но этим пусть ювелиры занимаются.

— Я тебя не о стоимости спрашиваю! Старинные они, с революции лежат?

— Все старинное, — ответил Коршунов и загадочно улыбнулся. — А вот сколько лежат... Тут есть одна заваyka — колечко с большим рубином. Вы его несколько лет назад усиленно разыскивали.

— Кольцо Фетисовой? — быстро спросил Корнилов.

— Фетисовой.

Шесть лет назад умерла старая, когда-то популярная актриса Фетисова. Была она одинока и все свое имущество завещала Дому ветеранов сцены, а золотое кольцо, сережки, браслет и брешь с крупными рубинами и бриллиантами — музею. Потому что комплект этот был одним из шедевров петербургского ювелира Якова Риммера. И браслет, и сережки, и брешь нашли, а кольцо с самым крупным рубином пропало. Розыск тогда поручили Бугаеву, и он потратил немало сил, чтобы проверить соседей — Фетисова жила в коммунальной квартире — и санитаров, которые увозили покойную, но кольцо исчезло. И вот — неожиданная встреча.

— Но тогда... — начал Белянчиков.

— Но тогда возникает немало новых вопросов, — сказал Корнилов. — Тебе нужно срочно выяснить, кто жил в комнате? И не только перед тем, как дом поставили на капитальный ремонт, а с первых дней революции.

— У меня еще не все сюрпризы, — недовольный, что его перебили, вставил эксперт. — На каминной доске и на прелестных нимфах среди отпечатков пальцев есть и знакомые — задержанного Еременкова и известного вам Михаила Терехова по кличке Гога.

— Михаила Терехова? — насторожился Бугаев.

— Да, Сеня. Твоего подопечного.

Корнилов протянул Бугаеву снимок, на котором «красовались» задержанный Еременков и сбежавший «стрелок». Спросил:

— Ты его по затылку узнать сможешь?

— И по затылку тоже, — сказал Бугаев, но, посмотрев на снимок, покачал головой: — Ничего похожего.

— Майору видней, — ехидно сказал эксперт. — Он, наверное, чаще всего Гогу в затылок видел...

— А третьего в квартире не было, — сказал Белянчиков.

— Он мог быть наводчиком. Приходить раньше, — высказал предположение Корнилов. — Кто-то ведь взломал в комнате паркет.

— Это мы сейчас проверим. — Бугаев достал записную книжку, показал взглядом на телефонный аппарат.

— Звони, — разрешил полковник и переключил клавишу на динамик.

Семен торопился и ошибся в наборе. Женский голос, усиленный динамиком, произнес: «Завод шампанских вин». Все засмеялись.

Во второй раз Бугаев попал туда, куда было нужно.

— Шестая контора, — сказала женщина.

— Скажите, Миша Терехов на объекте? — спросил Бугаев.

— Терехов с воскресенья не выходил.

— Болен?

— А кто спрашивает?

— Майор Бугаев из милиции.

— Вы знаете, я звонила домой, дома его тоже нет. С воскресенья. Мать беспокоится... — В голосе женщины звучала тревога.

— Спасибо, — поблагодарил майор и повесил трубку.

— Странно, — сказал Коршунов.

— Пока ничего странного, — ответил Корнилов. — И бывшие преступники попадают в больницы. Проверь все, Сеня. Не откладывая.

3

Через два часа Бугаев входил в кабинет следователя Красногвардейского районного управления внутренних дел Шитикова.

— А ты уверен, Леня, что это Гога? — с сомнением поглядывая на крупного красивого капитана, спросил Бугаев, когда они уселись друг против друга в унылом райотдельском кабинете.

Вместо ответа Шитиков открыл ящик письменного стола и, вытаскивая оттуда несколько фотографий, небрежно перекинул Бугаеву.

— Это уж ты определяй, Гога здесь или не Гога. У меня он пока числится как неизвестный.

Да, то была хорошо знакомая майору русалка — пышнотелая красавица с рыбым хвостом, наколотая на правом плече Гоги Терехова. Да и сам мужчина, сфотографированный на больничной кровати, несомненно, походил на Михаила Терехова.

— Видок у него не приведи господи,— сказал Бугаев.— Рана серьезная?

— Серьезнее не бывает. Ножиком в живот. И что самое главное—пролежал часа два. Там земля кровью пропиталась...

— Не надо лишних красок,— поморщившись, оставил Бугаев Шитикова.— Давай к делу.

— Ах! Ах!— дурашливо пропел капитан.— А я думал, что описание места происшествия заинтересует моего старого друга.

— Меня прежде всего интересует Гогино здоровье. Шитиков посерьезнел.

— Врачи говорят, что выживет. Операцию сделали вчера. Но крови потерял он много. И в сознание не приходит.

— Когда в последний раз в больницу звонил?

— За пять минут до твоего приезда. Рассказывать дальше или будешь наводящие вопросы задавать?

— Рассказывай, Леня. Торопиться нам некуда.

— Собака на месте происшествия вела себя как чумовая. То в одну сторону бросится, то в другую. Минут двадцать по поляне гонялась, а потом легла. Ножа мы не нашли. И одежды тоже...

— Он что же, голый лежал?— удивился Бугаев.

— В трусах. Бабка, которая его нашла, подумала—загорает. Лежит на животе, одна рука под голову положена. Да только какой вечером загар—солнце уже низко, тень от берез. Подошла, хотела разбудить...

— Странная история,— задумчиво сказал Семен.— Гогу и ограбили?! В лесу?

— В березовой роще. На «волейбольной» поляне. Там разбито с десяток волейбольных площадок.

— А что там делал Терехов?— спросил Бугаев.— Не в волейбол же играл?

— Почему бы и нет?

Бугаев недоверчиво покачал головой. Помолчал. Потом сказал:

— Татуировка Гогино. И на карточке сходство есть, хоть и отдаленное.

— Ты учти потерю крови.

— Да что ты заладил одно и то же. Все я учитьваю... Что свидетели говорят?

— А какие свидетели, Сеня?— Шитиков в упор, многозначительно посмотрел на Бугаева.

— Волейболисты. Видели же они, с кем пришел Гога, с кем разговаривал?

— А где их взять, волейболистов этих? Я же тебе сказал—они «дикие».

— Что-то я вас, товарищ капитан, не пойму,— переходя на официальный тон, сказал Бугаев. Он уже начал сердиться, решив, что Шитиков разыгрывает его.

— Чего ж тут непонятного? Надо учесть, товарищ майор, что в волейбол играют по выходным. Сегодня у нас вторник. Значит, теперь приедут только в субботу.

— И никто не знает, где эти люди живут, где работают!— Бугаев начал понимать, что Шитиков вовсе не шутит.

— Вот именно! Приедут, поиграют—и в разные стороны. До следующей субботы. И никаких физоргов, никаких организаторов у них нет.

— Да-а, ситуация... А из местных никто с ними не играет?

— Какие там местные? Есть в километре садовод-огородные участки, так туда на выходные народ приезжает.

— Про них-то ведь известно—кто они, где работают?

— Известно,— сердито бросил Шитиков.— ДОК-1. Деревообделочный комбинат. Два сотрудника угрозыска вместе с дружинниками с раннего утра там.

— Вот видишь!

— Больше половины участков принадлежит людям, никакого отношения к ДОКу не имеющим. То ли блатным, то ли ушедшим с комбината. Да дело и не в этом.— Шитиков безнадежно махнул рукой.— Те, кого спросили, говорят, что из их поселка никто в волейбол на поляне не играет. Да и вообще они недовольны, что рядом в лесу столько людей по выходным ошивается.

— Враждуют? Может, ссоры какие-то были между ними?

— Нет, не было. Просто огородникам не нравится, что много людей в волейбол играет—траву, говорят, топчут, ландыши весной рвут.

Бугаев неодобрительно хмыкнул.

— Да! Представь себе, не нравится—и все тут!— подтвердил Шитиков.

— Но ведь как-то общаются они?— не хотел сдаваться Семен.— Приходят волейболисты за водой, ягоды покупают, разговаривают о том о сем. С девушками в конце концов заигрывают!

— Семен Иванович, ну ужели ты не понимаешь:

даже если приходили за водой— фамилий и адресов у них никто не спрашивал! За три дня все равно этих людей не найдем. А в субботу волейболисты и так на свою поляну приедут. И сам Гога скоро в сознание придет. Так ведь?

— Так,— с сомнением произнес Бугаев.— Что же нам теперь, три дня сложа руки сидеть? Ждать, что Гога расскажет...— Он никак не мог примириться даже с вынужденным бездействием.

— Зачем ждать?— сказал Шитиков.— Съездим на место. Может быть, наши сотрудники в ДОКе что-нибудь узнают. Глядишь, и Терехов оклемается.

— Ладно,— согласился Бугаев.— Сгоняем на место, может быть, и придумаем что-нибудь. Ты позвони в больницу.

Шитиков развел руками.

— Звони, звони. Он каждую минуту может прийти в себя.

Но чуда не произошло. Гога все еще был без сознания. Бугаев набрал номер Корнилова. Не вдаваясь в подробности, доложил, что собирается осмотреть место происшествия.

— Вернешься, сразу зайди ко мне,— сказал полковник.— Может, на месте что и прояснится.

4

Улицы на окраине города были забиты грузовиками. Приходилось подолгу стоять у светофора. Молодому водителю, наверное, надоело тащиться еле-еле, и он, включив сирену, выехал на трамвайные пути. Асфальт был расколотый, щербатый, и легкое «Жигули» нещадно трясло. Бугаев вспомнил, что ехал по этой улице зимой и видел, как дорожники латали асфальт. «Вот и залатали,— зло подумал Семен.— Нет чтобы летом все как следует сделать—дождались морозов. Зимой им больше платят, что ли?» Обернувшись к водителю, спросил:

— И надолго тебе при такой езде машины хватят?

Парень покраснел и не нашелся, что ответить. Но скорость сразу сбавил.

— Я думаю, на полгода,— продолжал Семен.— В лучшем случае—на девять месяцев...— Бугаев вдруг поймал себя на том, что почти слово в слово повторяет то, что когда-то при нем говорил одному водителю Корнилов. «А когда-то и вы, майор, лихачили»,— подумал он и улыбнулся. Шофер, наверное, поймал его улыбку в зеркале и сказал с обидой:

— Да ведь смешно, товарищ Бугаев, среди грузовиков тащиться. Машина оперативная...

— Смешно будет, когда срочный вызов, а твоя «оперативная» рассыплется! И сирену пореже включай, чего зря людей пугать.

Шофер вздохнул и совсем сбавил скорость.

Улица была широкой и просторной, дома стояли далеко друг от друга, не заслоняя солнца, перед каждым—газоны и кусты, детские площадки. Не было сырых дворов-колодезев, теснящихся друг к другу каменных громад, толп народа на тротуарах. «Но вот что удивительно,— думал Бугаев,— вместе со всем этим ушел и сам город, остались отдельно стоящие жилые кварталы, универсамы, огромные холодные кинотеатры. Казалось бы, человеку стало удобнее и просторнее жить, а он едет в свободное время куда-нибудь в центр, прогуливается в толпе по Невскому или узкому Большому проспекту, идет в маленькую старую киношку, вместо того чтобы дышать свежим кондиционированным воздухом в кинотеатре, который в двух шагах от его дома. Нет на окраине улиц, по которым можно ходить часами, разглядывая встречных прохожих, витрины магазинов, рекламные огни, а в человеке, хоть и наслаждающемся преимуществом отдельной квартиры, осталась эта нужда в общении, даже в таком уличном, немом общении».

Вспомнив про Невский, Бугаев вспомнил и о том, как лет шесть тому назад впервые арестовывал Гогу—поздно вечером в гардеробе ресторана «Север». Терехов взял от гардеробщика шубку приятельницы, помог ей одеться, а потом небрежно завел руки за спину, намереваясь просунуть их в рукава дубленки, которую держал наготове услужливый старик. Бугаев на несколько секунд опередил гардеробщика и защелкнул на Гогиных руках наручники. Шеф потом пожурил Семена за ненужное лижонство, но сам Гога оценил его ловкость и даже не стал сопротивляться. Сказал только:

— Ну, Гога, козел! Как тебя сделали—на раз!

Тогда Терехова арестовали за квартирные кражи. Было ему так же, как и Бугаеву, двадцать восемь лет. Второй раз Семен брал Гогу тоже на Невском, в квартире его родителей рядом с Казанским собором. И опять за квартирную кражу у известного в городе коллекционера картин. В прихожей за раскрытой дверью стоял небольшой кожаный чемодан, в кото-

ром лежали аккуратно упакованные сорок три акварели старого Петербурга. Причем некоторые из них были широко известны, репродуцированы в альбомах.

— Ну зачем они тебе, Терехов?— спросил Бугаев, с интересом рассматривая акварели во время обыска.— У нас не продашь—попадешься сразу. Неужели заграничного клиента нашел?

— Для себя, Семен Иванович,— криво усмехнулся Гога и показал глазами на плачущую мать.— Что ж вы, не могли подождать, пока маманя на службу уйдет?

— Мы же из уголовного розыска, Терехов, а не из бюро добрых услуг.— неудачно пошутил Бугаев, и Гога замкнулся. Рта больше не раскрыв. И потом на вопросы следователя отвечать отказался. Вину свою признал, а про то, что собирался делать с украденными акварелями, не сказал ни слова.

Вырос Михаил Терехов в приличной семье—наверное, поэтому дружки окрестили его «Гогой». Мать преподавала в институте, отец работал начальником цеха на заводе. После окончания школы Гога неотрез отказался идти в институт. Вместе с двумя школьными приятелями поступил на курсы, получил профессию плиточника, выкладывал в квартирах ванны и уборные плиткой. И мастером оказался хорошим, и зарабатывал прилично. Да еще получал чаевые от заказчиков—«за скорость», «за качество», просто потому, что «неудобно не дать». Наверное, с чаевых все и началось. «Чем больше имеешь, тем больше хочешь»—болезнь, известная с древних времен. А может быть, причина была иная—у Бугаева просто не хватало времени докалываться до причин. Этим следовало заниматься другим, но у них, наверное, тоже не было времени. Или желания.

Два года назад Гога вышел из заключения и позвонил Бугаеву, попросил помочь с работой. Похлопал майору, что в колонии строгого режима возвращаться больше не намерен. Бугаев помог.

5

Они сели на трухлявый ствол поваленного дерева. Густой березняк обступал поляну со всех сторон и только на южной стороне, откуда сейчас светило солнце, лес был пореже. Где-то далеко, перекрывая ровный неумолчный шум близкого города, куковала кукушка. «Кукушка, кукушка! Сколько мне осталось жить?»—вспомнил Бугаев присказку из раннего детства и начал даже считать, но кукушка, похоже, совсем не собиралась останавливаться—куковала, как заведенная. Маленькая птичка, похожая на воробья, спикировала на землю прямо перед ними, схватила кусок булки и уселась на волейбольную сетку. Бугаев перевел взгляд на другие площадки—сетки больше нигде не были натянута. «Ай да я! Как же сразу-то не заметил?»—попенял себе Бугаев и спро сил Шитикова:

— Леня, задачка на сообразительность: почему сетка натянута только на одном поле?

Шитиков, оторвавшись от каких-то своих дум, покрутил головой, разглядывая поляну, пожал плечами.

— Сетка здесь старая. Видишь, порвана в одном месте. Чего ее снимать?

— Другие, думаешь, новенькие? Да и старую сетку мальчишки, если найдут, пристроят к делу.

— Висит же, не пристроили.— Шитиков вдруг свел лоб гармошкой и встал.— Подожди-ка... Думаешь, на ней может быть фамилия хозяина?

Он подошел к сетке и сантиметр за сантиметром стал разглаживать широкую тесьму, проверяя, нет ли на ней надписи. Потом обернулся к Бугаеву и покачал головой:

— Нет ни слова.

Он вернулся и снова сел рядом с Семеном:

— А я, знаешь, как-то об этом не подумал. Про надпись. Ведь могла быть.

— И я не подумал, — ответил, усмехнувшись, Бугаев. — Не сообразил.

Шитиков посмотрел на него вопросительно.

— Я, Леня, подумал, что хозяин сетки мог очень торопиться. И не стал дожидаться окончания игры.

— Думаешь, он теперь за сеткой явится?

— Я же не говорю, что сетку преступник оставил! Хотя всякое бывает... Он-то, конечно, за ней не пожалует. Нам важно, чтобы хоть кто-нибудь появился. С одним-двумя игроками этот «кто-то» уж наверняка знаком. Или телефон знает, или место работы. Так и пойдет по цепочке...

— Я думаю, надо оставить здесь сотрудника. Подежурить, — сказал Шитиков.

— Почему бы и нет? Вызови кого-нибудь из оперативников, а я пока по поляне еще поброжу.

Шитиков пошел по тропинке через лес, на секунду обернулся. Крикнул:

— Я тебе сигналю!

Прислушиваясь, как трещат под ногами капитана сучья, Бугаев подумал с легким чувством досады на себя: «А я вот не сообразил, что на сетке может быть фамилия владельца». Он прошелся по поляне, внимательно оглядывая каждый кустик, поднимая обрывки газет, в которые, наверное, была завернута еда. Три раза ему попадались такие, на которых сохранились написанные карандашом номера квартир. На «Ленинградской правде» быстрым красивым почерком было выведено: «Иванов». Сколько Ивановых получают каждое утро в своем кабинете «Ленинградскую правду» за казенный счет? «Может быть, может быть...» — подумал Бугаев и аккуратно оторвал промасленную четвертушку с «Ивановым». Потом он выломал прутик и посидел поочередно на всех скамеечках, осторожно разгребая накопившийся с весны мусор — обертки от жевательной резинки и конфет, смятые сигаретные коробки.

Шитиков уже несколько раз сигналил ему, напугав кукушку, которая сразу умолкла, а Бугаев все рылся и рылся. И на коробке из-под сигарет «Мальборо» обнаружил записанный фломастером номер телефона — сто сорок семь — ноль четыре — двадцать. Коробка была хоть и мятая, но чистенькая, не затоптанная. Похоже, последнюю сигарету из нее выкурили не так уж и давно. «Это дело! Это уже кое-что!» — повеселел Семен. — За каждым номером телефона — живой человек. Или даже несколько. А с человеком всегда можно поговорить». Его порадовало и то, что пачка была от «Мальборо». Не каждый курильщик может позволить себе портить легкие фирменными сигаретами.

В машине рядом с Шитиковым сидел молодой паренек, приехавший по вызову капитана.

— Ну вот, товарищ Бугаев, — сказал Шитиков. — Младший лейтенант Костя Ленский приехал вас подменить. Я ему объяснил, что к чему.

— Главное, не напугай человека, — попросил Бугаев Ленского. — Тот, кто придет за сеткой, может и не знать о происшествии. И ты промолчи. Скажи... — Он усмехнулся и покачал головой. — Вот что сказать? Вопрос не простой...

— Чего голову ломать?! — Шитиков пожал плечами. — Сказать все, как есть. Раз сетка висит, значит, ее владелец был здесь и все знает. Если не знает, то узнает в субботу.

— Вы правы, Леонид Николаевич, — задумчиво глядя на младшего лейтенанта, сказал Бугаев. — Но почему бы и маленький шанс не использовать? Короче говоря, скажете так: на поляне серьезную находку сделали. Может быть, можете опознать.

— Понял, товарищ майор, — деловито сказал Ленский. — А если откажется поехать?

— А это уж от твоего личного обаяния зависит. В крайнем случае запиши все координаты.

Ленский кивнул.

— Машину мы тебе сейчас пришлем, — пообещал Шитиков.

Когда они поехали, Бугаев оглянулся на березовую рощу и спросил Шитикова:

— Ты, Леня, где живешь?

— На Красносельской.

— Совсем недалеко. Я на твоём месте по воскресеньям приезжал бы сюда в волейбол играть. Забирал бы все семейство...

— Приглашал бы товарищей по работе... — в тон Бугаеву сказал капитан. Оба рассмеялись. Улыбнулся даже водитель, молчавший с тех пор, как Семен сделал ему выговор.

По недалекому уже шоссе катили сплошным потоком автомобили. Почти все грузовые. Легкий дымок курился над башнями градирни. Всюду чувствовалось присутствие человека и в то же время было безлюдно. И одинокая фигурка женщины, шагавшей по проселку навстречу их машине от шоссе, только подчеркивала безлюдье. Когда они поравнялись с нею, оказалось, что женщина была невысокая, тоненькая, одетая в какую-то полосатую распашонку и застиранные до голубизны джинсы. Она чуть посторонилась, пропуская машину, и зашагала дальше. Бугаев обернулся. За плечами у женщины был надет пустой рюкзак.

— Стойте, ребята, — попросил Семен. — А вдруг...

— Догнать? — посмотрел на него шофер. Бугаев кивнул. Шофер дал задний ход, и через несколько секунд они снова очутились перед женщиной. Она остановилась и спокойно, без особого интереса, смотрела на выходящего из машины Бугаева.

— Здравствуйтесь, — сказал Семен. — Можно вас спросить...

Женщина пожалала плечами. Ей было лет сорок. Из машины Бугаеву показалось, что она значительно моложе. В заблуждение вводила ее стройная, почти девичья фигура.

— Я из милиции. Майор Бугаев. — Семен полез в карман за удостоверением, но женщина сделала быстрый, отстраняющий жест и, показав глазами на машину, сказала:

— Это и за версту видно. И какой же у вас вопрос?

— Вы не забыли в роще волейбольную сетку?

— Забыла, — не раздумывая, ответила женщина.

Бугаеву понравилось, как она держится. Подлаживаясь под ее тон, Семен сказал:

— А мы гуляем, видим: сетка висит. Неровен час, мальчишки на нее позарятся. Оставили своего товарища покараулить, пока вы не приедете.

— А я тут как тут.

— Вот и ладненько, — засмеялся Семен. — Садимся в машину и едем за сеткой.

— Ну уж нет, к незнакомым мужчинам я в машину не сажусь.

— Даже к милиционерам?

Женщина посмотрела на сине-желтые «Жигули». Водитель был в милицмейской форме. Наверное, это ее совсем успокоило. Она молча открыла переднюю дверцу, села рядом с шофером. Развернувшись, машина поехала к роще.

«Говорить? Не говорить?» — лихорадочно соображал Бугаев. И еще он никак не мог решить, какой выбрать тон в разговоре с женщиной. Продолжать легкую, непринужденную болтовню и таким образом попытаться побольше узнать о посетителях волейбольной поляны или сразу начинать всерьез выяснять, кого она знает?

— А вы что же, — с ехидцей спросила женщина, — за грибами сюда приезжали?

— Ну что вы! — возразил Бугаев. — У нас обеденный перерыв. И приезжали мы капитану записки искать. Он тут позавчера так разыгрался, что золотые записки потерял. Их ему к пятидесятилетию благодарные сотрудники подарили...

— Ну что мелет! Что мелет! — возмущился Шитиков, которому еще не исполнилось и сорока.

— Ты что, Леня? — невинно спросил Семен. — Разве не к пятидесятилетию?

— С вами не соскучишься, — улыбнулась женщина, внимательно посмотрев на Шитикова, потом на Бугаева. И ее поначалу замкнутое лицо сделалось добрым и привлекательным. Только в глубоких голубых глазах оставался холодок недоверия.

— Ой, и правда, еще один чудик сетку стережет, — удивилась женщина, когда, остановив машину у леса, они пришли на поляну.

— Это главный «забойщик» нашей команды, — кивнул Бугаев на Ленского. — Младший лейтенант Костя, краса и гордость ленинградских динамовцев. Кстати, а вы из какого спортбщества? И как вас зовут?

— Зовут меня Марина. — Она подумала секунду, показала руками на поляну: — Из спортивного общества «Березовая роща». Вы удовлетворены?

— На первый случай, — ответил Бугаев и стал отвязывать сетку. Марина умело сложила ее в вещевой мешок и затянула шнур. Семен обратил внимание

на ее загорелые и сильные руки. Да и лицо у новой знакомой было загорелое. Покрытое темным южным загаром.

— Ну что же, — поднимая мешок, сказала Марина. — Мне, кажется, повезло? Вы обещали подбросить меня до города...

— Конечно, Марина. — Бугаев забрал у нее мешок. — Доставим по назначению. Вы где живете?

— На Кировском проспекте. Рядом с Домом мод.

— И ездите сюда через весь город в волейбол играть? — искренне удивился Бугаев.

— На метро не так уж и долго, — беспечно ответила Марина. Она шла по тропинке впереди Семена легкой, пружинистой походкой.

— Все-таки далеко. Вам же с Кировского до Удельной рукой подать. И в Лахту, и в Ольгино. Разве там не играют?

— Я уже привыкла здесь.

— Наверное, игроки хорошие?

— Хорошие.

— А как муж на ваш волейбол смотрит?

— Товарищ Бугаев, — женщина оглянулась и посмотрела на Семена. Лицо у нее сделалось холодным и отчужденным. — Вы ведь, наверное, здесь по делу? И ко мне не зря прицепились. Спрашивайте.

«Разминка закончилась», — подумал Семен и сказал серьезно:

— Конечно, по делу, Марина. Хотели бы поговорить с постоянными посетителями вашей волейбольной поляны, а ждать до субботы долго. В будни ведь вы не играете?

— Нет, только в субботу и воскресенье.

Они подошли к машине. Марину снова усадили вперед, мешок с сеткой сунили в багажник, а сами с трудом втиснулись на заднее сиденье. Бугаев спросил:

— Марина, если вы не очень спешите, может быть, заедем в управление, там поговорим?

Леонид Николаевич одобительно кивнул.

— Давайте заедем, — согласилась она.

— Тогда в темпе, шеф, — сказал Бугаев водителю.

Тот повеселел, и они понеслись, обгоняя вереницы грузовиков. Бугаев больше не думал Марину разговорами. «В кабинете поговорим спокойно, — думал он. — А то при такой езде ничего и не запишешь. Да и откровенности особой от нее не жди в большой компании. Стесняется, небось».

Когда они проезжали мимо станции метро, Марина попросила шофера притормозить. Оглянулась на Бугаева:

— Позвоню маме, что задерживаюсь.

Семен хотел сказать, что проще позвонить из милиции, но решил, что женщина стесняется.

Около метро стояли телефонные будки. В одной из них разговаривала пожилая женщина. Марина зашла в свободную будку, сняла трубку. Наверное, автомат не работал, потому что она несколько раз нажимала на рычаг. Потом вышла из будки, с сомнением посмотрела на говорившую в соседней кабине женщину. Показав на вход в метро, она сделала успокоительный жест рукой и вошла в двери. Бугаев вдруг почувствовал тревогу. «Вот будет номер, если она уедет! Только с какой стати?»

Прошло две, три минуты. Марина не появлялась. Семен переглянулся с Шитиковым. Вид у капитана тоже был озабоченный.

— Может, посмотреть? — предложил Ленский.

— Подождем, — сказал Бугаев. Он уже знал по опыту, как трудно бывает восстановить доверие, если человек почувствует, что в нем сомневаются. Но из машины Семен все-таки вышел, купил в киоске «Комсомолку», хотя уже утром пробежал ее от корки до корки. Женщина не появилась. Он посмотрел на часы. Прошло уже пять минут. Теперь Бугаев не сомневался, что Марина обманула их. Он вошел в метро. У телефонов стояли только мужчины. Не было Марины и на стороне выхода. «На этой станции выход только один, — подумал Семен. — До «Петроградской», где она живет — или не живет?! — шесть остановок. На каждой она может выйти. Искать ее сейчас бесполезно, а не искать нельзя». Он бегом вернулся к машине, открыл дверцу:

— Константин, быстро в метро. Выходи на каждой станции, до конечной. Я буду ждать на Петроградской. Если повезет — оставайся с Мариной в комнате дежурного...

Ленский понимающе кивнул и помчался к метро. — Вот теперь, Василий, твоя сирена пригодится, — сказал Бугаев шоферу. Машина, стремительно набирая скорость, понеслась по проспекту.

— Я, товарищ Бугаев, не умею медленно ездить. — Шофер весь сиял от удовольствия. — Когда тянешься еле-еле — ну просто душа болит. Я и в милиции-то пошел служить, чтобы хоть иногда с ветерком проехать.

— За это тебя из милиции и выгонят,— пообещал ему Бугаев. Но шофер почувствовал в голосе Семена скрытое одобрение и только хмыкнул.

— Ты, Леня,— обратился Бугаев к Шитикову,— возьми на себя «Гостиный двор». Там пересадка, народу много. Минут десять потолкайся. По всем телефонным будкам пройди. Я понимаю— шансов ноль, но вдруг...— он с силой стукнул кулаком по колену.— Видал таких лолухов, как майор Бугаев? — Видал,— сердито сказал Леонид Николаевич.— Капитан Шитиков перед тобой.

— А-а,— отмахнулся Семен.— Это я ей добро дал! Ты-то тут при чем?— И тронул шофера за плечо.— Василий, в Автово, у метро остановись.

Он обошел все закоулки, осмотрел остановки автобуса и троллейбуса. Спустился вниз и увидел, как Ленский, уже проверивший станцию, садится в поезд. Когда через час они, наконец, собрались все трое на Киргаском проспекте около станции «Петроградская», вид у них был усталый и грустный...

6

— Да, Семен, женщины твое слабое место,— сказал полковник, когда Бугаев доложил ему вечером о своей неудаче.

— Женщины, Игорь Васильевич, слабое место во всей системе человеческих отношений.— Бугаев чувствовал себя виноватым, а в таких случаях он всегда пытался отшучиваться.

— Интересная мысль.— Корнилов взял лист чистой бумаги, сложил его вчетверо. Он всегда так делал, когда собирался что-то записывать.— Этот тезис, Сеня, разовьешь мне как-нибудь в свободное время, а сейчас давай о деле. А из-за дамочки не переживай. Как ее зовут?

— Кто ее знает?!— хмуро ответил Бугаев.— Назвалась Мариной.

Корнилов записал на листочке.

— Эта Марина могла просто не захотеть иметь дело с милицией. Мало ты таких людей встречал? А если она слышала о том, что кого-то ранили, то тем более. Решила от всего этого подальше держаться...

Бугаев знал, что шеф может совсем так и не думать, просто хочет проверить «на прочность» все возможные версии.

— Не знаю, на что смелости больше надо?— с сомнением покачал он головой.— На то, чтобы полчаска побеседовать в милиции или нахально улизнуть от трех сотрудников?— Он не сумел удержаться и со злостью хлопнул кулаком по столу.— Нахально! Прямо на глазах!

— Не расходишь, не расходишь,— успокоил его полковник.— Найдется твоя Марина. И никакой особой смелости, чтобы удрать от вас, ей не потребовалось. Вошла в метро позвонить, телефоны заняты— эскалатор свободен, встала на ступеньку и поехала. Женщины народ импульсивный.

— Не слишком ли?— хмуро пробормотал Семен.— А сетка? Вещевой мешок? Она же на эту поляну каждый выходной приезжает. Могла бы соорудить, что не сегодня, так в субботу мы ее там разыщем.

— Сеня, я же говорю— женщины импульсивны. Она сначала сделала—потом подумает. Погоди, еще начнет разыскивать красивого bruneta по фамилии Бугаев. Кстати, ты вещевой мешок осматривал?

— Осмотрел. Пахнет чем-то сладким. Вином, что ли? Никаких меток, никаких бумажек.

— А телефон с коробки сигарет?

Семен повеселел:

— Тут майору Бугаеву надо поставить пятерку. Телефон принадлежит Плотскому Павлу Лаврентьевичу, директору ремонтного завода. Павел Лаврентьевич сейчас на совещании в исполкоме, отсюда поедет домой. Мы ему и позвоним по этому телефону.

— Ты очень-то не воспаряй,— охладил Корнилов Семена.— Думаешь, этот Плотский помнит всех, кому свой телефон давал?

— Должен помнить. Во-первых, не всякому дают домашний телефон. Во-вторых, дал он его кому-то только что,— человек же не курит пачку сигарет в неделю. День, от силы. А в-третьих,— сигареты «Мальборо»! Их не каждый может достать. Вы, например, хоть и начальник, а целый день смолите «Столичные».

— Да мне и даром эти «Мальборо» не надо,— запротестовал Корнилов.— Привык к одним сигаретам и ни на какие другие не променяю.

— А недавно я у вас «Данхилл» видел...

— Ладно, Семен,— недовольно сказал полковник.— Иди-ка звони Плотскому, у тебя уже поднакопился опыт общения с руководящими кадрами. Глав-

ное— выдержка. Да попробуй словесный портрет своей Марины составить. Проверим твою наблюдательность.

— Слушаюсь.— Бугаев поднялся. Около двери он остановился и, обернувшись к шефу, сказал задумчиво:

— Не нравится мне эта дамочка. Почему-то...

Придя к себе в кабинет, Бугаев прежде всего позвонил в больницу. Узнал о состоянии Гоги. Там все было по-прежнему, ни о каком разговоре с ним не могло быть и речи. Потом он набрал номер Павла Лаврентьевича.

— Вас слушают,— откликнулся приятный женский голосок.

— Здравствуйте. Можно товарища Плотского?— попросил Семен.

— Здравствуйте. А кто его спрашивает?

— Майор Бугаев из Главного Управления внутренних дел,— сказал Семен, посчитав, что в настоящем случае чем официальнее, тем лучше. Да и пугать домохозяев милицией и уголовным розыском не следовало.

— А что вы хотели, товарищ Бугаев?— спросила женщина все так же ласково.

— Я хотел бы встретиться с Павлом Лаврентьевичем.

— А по какому поводу?

Похоже, что этот вежливый разговор мог затянуться до бесконечности.

— Я разговариваю с его супругой?— в голосе Бугаева появились металлические нотки.

— Да, я его жена. И хотела бы знать, зачем вам нужен Павел Лаврентьевич.— Оказывается, и женскому голосу на другом конце провода были не чужды металлические интонации.

— Товарищ Плотский сам к телефону никогда не подходит?— сдержил Семен.

— Павел Лаврентьевич очень занятой человек...— сердито начала жена, но Бугаев перебил ее:

— Тогда мне придется вызвать его повесткой. И он потеряет еще больше времени.

— Если вы настаиваете...— Брешь в обороне была пробита.

— Настаиваю.

Минуты три он дождался, пока трубку возьмет сам директор.

Наконец тот откликнулся приятным басом:

— И что за майор Бугаев мной интересуется?

Семен поздоровался и, не пускаясь в объяснения, попросил о встрече на завтра.

— В любое время, майор. В любое время.— Похоже, что на заводе с временем у директора было не так напряженно, как дома.

— Тогда в девять?

Директор был на все согласен.

7

Ровно в девять Бугаев вошел в приемную. Здесь уже сидели несколько человек. Семен не успел поздороваться, как секретарша спросила:

— Вы из Главного Управления? Прошу вас...— и, не дожидаясь ответа, растворила перед ним массивную, потемневшую от времени дверь. За дверью находился небольшой залчик. Красная, прямо-таки кроваво-красная ковровая дорожка вела еще к одной двери, поменьше, но имеющей такой же заслуженный, как и первая, вид. Секретарша так стремительно провела Бугаева по красной дорожке к этой двери, что Семен не успел как следует рассмотреть девицу. Осталось впечатление как от чего-то эфирного, бестелесного, благоухающего хорошими духами.

— Павел Лаврентьевич!— сказала секретарша, распахивая дверь.— К вам из Главного Управления.

Из-за большого стола, на котором лежала только одна пухлая папка, поднялся высокий светловолосый человек.

— Товарищ Бугаев! Милости прошу.— Он широким жестом показал на кресло. И улыбнулся секретарше, стоящей в дверях.— Олечка, нам кофе...

— Павел Лаврентьевич,— запротестовал Бугаев.— Я к вам на пять минут. Какой уж кофе?!

— Молодой человек,— у директора был приятный басок,— никогда не знаешь заранее, во что выльются пять минут. А кофе располагает к доверительной беседе.

Бугаев уселся в удобное кресло и окинул кабинет быстрым взглядом. Кабинет был совсем крошечным, в несколько раз меньше приемной. Взгляд Семена не ускользнул от внимания директора.

— Удивляетесь моим апартаментам?— добродушно усмехнулся он.— Это целая история... Во время войны здесь сидел...— Плотский похлопал сухой, усыпанной печеночными пятнами, ладонью по сто-

лу,— наш нынешний начальник главка Мелех. Время-то было какое! Героическое! Тяжелое. Он спал тут же, за стенкой, в комнате отдыха.— Директор кивнул на маленькую дверь в углу кабинета.— И, приезжая теперь в Ленинград, товарищ Мелех никогда не минует нашего завода. Придет ко мне, сядет в это кресло, задумается... А иногда и заплачет.

«Сколько же лет этому Мелеху?— подумал Семен.— Небось, к восьмидесяти. Потому и плачет».

Секретарша принесла поднос, накрытый белоснежной салфеткой, ловко расстелила ее на маленьком столике, расставила чашечки, вазочку с печеньем.

Девушка и впрямь была очень стройная, миленькая. Только подбородок чуть тяжеловатый. «Лет через десять в такую командиршу превратится!»— мелькнула у Бугаева мысль.

Павел Лаврентьевич не спеша разлил кофе, подвинул Бугаеву вазочку с печеньем.

Воспользовавшись паузой, Бугаев сказал: — Павел Лаврентьевич, вы не удивляйтесь. То, что я скажу сейчас, может показаться вам смешным и незначительным...— Он вытащил из кармана мятую коробку от «Мальборо», но директор его словно не слышал.

— Когда товарищ Мелех сидел в этом кресле,— сказал он,— я токарил в седьмом цехе. По три смены иногда не уходило домой... Есть нам что вспомнить с товарищем Мелехом! Вы что же не пьете? Олечка у меня большая мастерица варить кофе...

Глаза у директора были голубые-голубые, мелкие морщинки, сходящиеся у глаз, создавали впечатление, что Павел Лаврентьевич все время улыбается, но взгляд оставался равнодушным.

— Что же за дело у нас?— спросил он, наконец.

Бугаев подумал, что если начать рассказывать про волейбольную поляну, директор сочтет его сумасшедшим.

— Павел Лаврентьевич, тут в одном месте мы нашли коробку от сигарет.— Он постучал пальцем по лакированному картону.— И— смешное совпадение— на коробке записан ваш домашний телефон.— Семен взял коробку и показал запись директору.

— Сейчас.— Павел Лаврентьевич поднял ладонь, словно отстранился от коробки.— Сейчас мы об этом поговорим... У меня к вам, дорогой товарищ Бугаев, встречный вопрос. Сын мой— автомобилист. То ли «Москвич» у него, то ли «Жигули», неважно. Я не очень-то разбираюсь. Ну, сами знаете, молодежь любит скорость, любит проехаться с ветерком. Я когда токарил на этом заводе...— он внимательно посмотрел на Бугаева.— Я вам рассказывал, что работал токарем здесь? В седьмом цехе? Ах да, рассказывал. И понимаете, какое дело: за скорость у сына отобрали права.

— Наверное, уже не в первый раз нарушил правила?— улыбнулся Бугаев.

— Наверное. Не могли бы вы помочь?

— Павел Лаврентьевич, да ведь я не из ГАИ— по другому департаменту. Из уголовного розыска...

— Ну вот!— обрадовался Плотский.— Из уголовного розыска! Да вы самый главный! Вас все должны бояться. Что вам стоит словечко замолвить? Мальчишка же,— он улыбнулся так ласково, так обезоруживающе, что Семен не смог удержаться от ответной улыбки.— Помогите.— Почувствовав, что Бугаев готов сдаться, Павел Лаврентьевич прикоснулся ладонью к его руке.— Ну что вам стоит?

— Я поинтересуюсь в ГАИ, что и как,— сказал Бугаев.— Но если уж виноват...— он развел руки.

— Вот и прекрасно!— обрадовался Плотский.— Похоже, для него был важен не результат, а сам факт согласия Бугаева поинтересоваться обстоятельствами дел. У Павла Лаврентьевича на все были свои понятия.— Вы только поинтересуйтесь,— продолжал

директор, — а они уж сами поймут, как поступить. Вы, кстати, не автомобилист?

— Есть такой грех, — сказал Семен и отхлебнул из чашки. Кофе был крепкий и очень ароматный. Олечка, и правда, умела его варить.

— Когда понадобится ремонт — милости прошу. У нас на заводе есть такой мастер — сделает конфетку.

— Спасибо, Павел Лаврентьевич. Я сам отремонтирую, — соврал Бугаев, умеющий только поменять свечи да зачистить клеммы у аккумулятора.

— Э-э, нет! С нашим мастером никто не сравнится. А! Телефон у вас мой домашний есть, запишите рабочий...

Бугаев записывал телефон, а сам думал о том, что если директор каждому встречному дает свои координаты, то он может и не вспомнить, кто записывал телефон на сигаретной коробке.

— Ас этот, конечно, и подхалтуривает, — продолжал директор, — куда денешься? Приходится смотреть сквозь пальцы. — Он поднес растопыренную ладонь к глазам. — Жизнь так устроена! Вам ведь тоже приходится на какие-то мелочи закрывать глаза...

— Нет, — покачал головой Бугаев. — В нашем деле глаза прикроешь — без головы останешься...

Плотский метнул на майора оценивающий взгляд, сердито пожевал губами и, словно потеряв к собеседнику всякий интерес, взглянул в окно.

— Павел Лаврентьевич, — Бугаев пододвинул директору коробку от сигарет, — вы в последние дни свой домашний телефон кому-нибудь давали? Человеку, который курит «Мальборо»?

Директор взял коробку, повертел ее в руках, надел очки, внимательно посмотрел на запись:

— Мой телефон, правильно. — И небрежно бросил коробку на стол, сказал: — Да я и писал...

Бугаев был готов ко всему, только не к этому.

— А вы разве курите? — спросил он невпопад.

— Год уже не курю. — Он вдруг посмотрел на Семена, словно увидел его впервые: — А в чем, собственно, дело? Какая-то коробка, мой телефон...

Бугаев подумал, что директор сейчас скажет: «У меня в приемной народ ждет не дожидается, дело стоит, а вы с какой-то ерундой?» Но Павел Лаврентьевич только добавил: — Какой-то детектив, а? — И улыбнулся.

— Детектив, — согласился Бугаев. — Я эту коробку в зоне отдыха нашел, на волейбольной поляне...

— Ну вот! — обрадовался собеседник. — Так бы сразу и сказали. Я теперь вспомнил. В воскресенье ездил туда по мячику постучать, разговорился с интересным человеком, обменялись телефонами. Коробка-то его, он «Мальборо» курил... Директор вдруг нахмурился: — Он что же, выбросил мой телефон? Вот так номер!

«Пан директор еще и в волейбол по воскресеньям играет!» — Семен смотрел на директора, с трудом скрывая изумление. Он готов был простить ему и провалы в памяти, и бесцеремонность, и ожидающих в приемной посетителей. Ему ведь за шестьдесят...

— Мне крупно повезло, Павел Лаврентьевич, — оправившись от изумления, сказал Бугаев и улыбнулся почти умиленно. Он иногда умел так улыбаться, чтобы расположить собеседника. — Я ведь как раз ищу людей, игравших в воскресенье на поляне в волейбол. Там совершено преступление...

— Преступление? — насторожился Плотский.

— Да, тяжело ранили одного мужчину.

— Который «Мальборо» курил? — спросил директор.

— Нет. — Семен вынул фотографию Гоги, передал Плотскому. — Вот пострадавший.

— Не знаком, — коротко ответил директор.

— И не видели ни разу?

Плотский надел очки, еще раз внимательно посмотрел на фото, отложил в сторону.

— Там столько народу бывает... А потом, когда на

площадке играешь, больше на мяч глядишь, чем на лица. — Он неожиданно засмеялся. — И, знаете, товарищ Бугаев, в трусах люди выглядят иначе, чем в костюмах.

— Павел Лаврентьевич, когда вы приехали в воскресенье на площадку? И когда уехали? Не помните время?

— Приехали в десять. Точно помню. А уехал? — Он снял трубку телефонного аппарата, набрал номер, сказал воркующим голосом:

— Деточка, в воскресенье с волейбола я когда вернулся? Ты точно помнишь? Ах да, правильно! — Он повесил трубку: — В три был уже дома. Жена говорит, что в три — она лучше знает. В четыре мы ехали в гости...

— В три... — в раздумье повторил Бугаев, — а сколько вы оттуда до дома добираетесь?

— Двадцать минут. Машина у меня двухдверная и по воскресеньям работает. На завод, знаете ли, в любое время дня и ночи приходится заезжать.

— А кто этот человек, которому вы телефон свой дали?

Плотский нахмурился.

— Мне представился доктором наук! Но если он так с моим телефоном поступил — грош ему цена. Несерьезный человек.

— Да он, может быть, потом в записную книжку переписал, — успокоил Бугаев директора. — Вы его телефон сохранили?

Плотский достал записную книжку, полистал:

— Вот — Казаков Виктор Николаевич, двести двадцать один — восемнадцать — ноль три... Институт металловедения. Я, понимаете ли, докторскую собрался защищать... А он по той же теме работает, мог бы оппонировать.

Бугаев записал координаты Казакова. Еще раз спросил Плотского:

— Значит, никаких ссор, шума на поляне не возникало?

— Шумят там все время. А ссор никаких. Я, во всяком случае, не видел.

Бугаев поднялся с кресла:

— Павел Лаврентьевич, большое спасибо. Пойду. Я и так у вас массу времени отнял. — И тут он вспомнил про фоторобот Марины, над которым трудился вчера до поздней ночи. Вытащил карточку, показал Плотскому: — А эта дама вам никогда на глаза не попадалась? Тоже на волейболе.

Директор встал из-за стола, надел очки, пригляделся к фотографии. Фигура у него еще сохраняла следы бывлой стройности. Хорошая осанка, никакого намека на живот. «Вот что значит волейбол», — подумал Бугаев.

В какое-то мгновение Бугаеву показалось, что на лицо Плотского словно тучка набежала, брови поползли вверх к переносице, но он тут же весело сказал:

— Видел, видел эту дамочку. В мастерях ходит. Удар у нее сильнейший. — Он передал фотографию Семену. — Только здесь она у вас какая-то расплывчатая. Но она, точно она. Лена. Женщин все-таки запоминаешь лучше, — хохотнул он. — Поневоле глаза к ним тянутся. А вы женаты?

— Нет еще.

— Не женитесь на молодой, — заговорщицки, шепотом сказал Плотский, — будете жалеть. Лучше любовницу молодую заведите.

— Павел Лаврентьевич, а вы фамилию этой Лены не помните? Или отчество? Где работает, живет?

— Нет. Лена и Лена. Знаете, товарищ Бугаев, тем и привлекает меня эта волейбольная поляна, что никто ни о чем тебя не спросит, если ты этого сам не захочешь. Кто ты, откуда, начальник, подчиненный, молодая у тебя жена или старая, изменяет тебе или нет — никому ни до чего дела нет. Играй, не зевай. Хорошо бьешь — становишься на площадку к мастерам, просто, как говорится, «покидать» пришел — к неумеям. Вот и вся недолга! Так вы насчет сына узнаете? — Плотский задержал руку Бугаева в своей. — Зовут его Валентин. ГАИ — Петроградское...

8

Институт металловедения находился на полпути от завода на Литейный, и Бугаев решил навестить Казакова без предупреждения. На вопрос Саши Огнева: — Как дела? — Семен буркнул: — В ажуре.

Огнев, опытный водитель, уже лет двадцать работавший на оперативных машинах, с ехидцей усмехнулся:

— Грустный почему-то у вас ажур, Семен Иванович. Прокол?

— Мы, Саша, работаем без проколов. Пора бы тебе привыкнуть к этому, — сказал Бугаев. — А некоторых водителей от проколов в талоне уберегает только то, что они работают в уголовном розыске.

Огнев засмеялся:

— Что-нибудь новенькое расскажите!

Но Семен не стал с ним больше пикироваться. Настроение у него было паршивое. Несмотря на удачу. «И чего это я скис? — думал он. — Директор не понравился? Как будто мне мои уголовники нравятся? А директор — ничего себе мужик, улыбочный, в волейбол играет на старости лет. При молодой жене иначе нельзя. — Он вспомнил, как Павел Лаврентьевич сладенько сказал в трубку «деточка», и ему стало еще тоскливее. — Да подумаешь! Может быть, я его больше и не увижу, этого директора! — рассердился на себя Бугаев и тут понял, почему у него плохое настроение — дернула же нелегкая пообещать Плотскому разузнать об автомобильных делах его сына. — Вот дурак! Ему улынулись приветливо, а он и отказать не смог!»

...Виктор Николаевич Казаков оказался в институте и тотчас согласился прогуляться с Бугаевым по маленькому институтскому садику. Доктор наук выглядел не больше чем на тридцать. Он был стройный, если не сказать — тощий, подтянутый. Семен сразу решил, что доктор не только играет в волейбол по субботам и воскресеньям, но и бегаёт каждый день трусцой. «И курит при этом? — Бугаев засомневался, к тому ли Казакову он пришел, и, вытащив из кармана коробку «Мальборо», спросил: «Ваша?»

Казаков оглянулся по сторонам, сделал страшные глаза и, выхватив коробку из рук опешившего майора, моментально спрятал ее в карман:

— Что вы! Что вы! Увидят сотрудники — скандал! Засмеют! Подвергнут остракизму!

Заметив недоумение на лице Бугаева, сказал: — Я же не курю! Я же спортсмен! Бегун! Пример в отчетном докладе спортивного клуба, а вы тут размахиваете моими сигаретами. Что вы, что вы!

Семен рассмеялся, Казаков смотрел на него.

— А там, на волейболе?

— Там наших нет. Они и не знают, что такое волейбол. И меня там никто не знает. Не знают, что я такой хороший, примерный. Я и курю. Одну-две сигареты. — Он склонился к Бугаеву и шепотом сказал: — Для пиконства! Девушек угощаю.

— И директоров завода?

— Знаете? Вот прилепился старый «токарь». Он вам рассказывал про товарища Мелеха?

Семен кивнул.

— И откуда он только про меня узнал? — Казаков посмотрел на Бугаева. — Может быть, с помощью уголовного розыска?

— Это я вас, Виктор Николаевич, с помощью директора нашел. — Он требовательно протянул руку: — Коробочку-то отдайте! Она теперь вещественное доказательство. Давайте, давайте. Я в ДСО ее не понесу.

Казаков, предварительно оглянувшись, отдал Бугаеву коробку.

— Павел Лаврентьевич вам телефон собственноручно записал, а вы с ним так пренебрежительно! Он же звонка будет ждать.

— Ну его! — махнул рукой Казаков. — Я и не собирался записывать. Он взял у меня пачку, сам и написал. И звонить я ему не буду. Да этой рептилии на пенсию пора! — сказал он с жаром. — А не докторскую защищать. И завод передать кому-нибудь помоложе.

— Виктор Николаевич, в воскресенье вы когда с площадки ушли?

— Когда ушел? Ушел, ушел... — почти пропел Казаков, задумавшись. — Ушел на пятчасовую электричку. Что-то случилось?

— Случилось. — Бугаев рассказал ему о происшествии.

Казаков слушал очень внимательно, не перебивал, не переспрашивал. Только молча показал на скамейку, предлагая сесть. Усевшись, вытащил из кармана перо и блокнот и стал что-то быстро в нем набрасывать. Когда Семен закончил рассказывать, Виктор Николаевич протянул ему раскрытый блокнот. На небольшом листке уверенными штрихами была начерчена схема. Бугаев понял, что это схема волейбольной площадки.

— Где нашли раненого? — спросил Казаков. — Отметьте.

Майор поставил крестик в левом углу схемы.

— За кустами... — в раздумье произнес Виктор Николаевич. — Туда я в воскресенье не заглядывал. А то, бывало, позволял себе часок позагорать. Играл я на этой площадке... Он поставил такой же крестик, как и Семен, только в правом нижнем углу схемы. — Играл долго. Команда подобралась крепкая. Никто нас вышибить не мог. — В голосе Казакова прозвучали нотки удовлетворения. — Так что половину времени я был лицом к месту происшествия. Сами понимаете, во время игры больше за мячом следишь да за игроками, но если бы что-то здесь происходи-

ло... — он постучал пальцем по нарисованному Бугаевым крестику. — шум, драка, возня какая — я бы увидел.

Разглядывая схему, Семен подумал, что Казаков поставил свой крестик именно там, где они помогали снимать сетку Марине.

— На этой площадке чья сетка висит? — спросил он.

— Да кто же ее знает?! Она там, по-моему, несколько лет висит.

— Ну а кто ее вешает?

— Эту — никто. Висит и висит. Однажды, правда, порезали ее. Может быть, ночью какой-нибудь пьяница в нашу сеть попал. — Казаков улыбнулся.

— Не этой женщине принадлежит сетка? — Бугаев вынул из кармана фоторобот своей «знакомой» и показал Казакову.

— Интересно, — удивился Виктор Николаевич. — Смаживает на Лену, но ведь это, наверное, фоторобот?

Бугаев кивнул.

— Чего ради фоторобот? И почему милиция его интересуется? Она приличная баба. Приходите в субботу — познакомлю.

— Уже знаком. — В голосе Бугаева прозвучала легкая нотка неприязни, и Казаков вопросительно поднял брови.

— Нет, правда, она приличная баба. В чем ее обвиняют!

— В легкомыслии, — сказал Семен. — Вы ее фамилию знаете?

— Нет. Мы все по именам, реже — по имени-отчеству.

— У меня к вам, Виктор Николаевич, просьба: все, что я теперь вам скажу, — строго секретно. Ладно?

— Конечно.

— Эту вашу Елену я встретил во вторник около площадки...

Казаков слушал, время от времени с недоумением пожимая плечами и приговаривая:

— Ну что за глупость! Абракадабра!

Наконец, он не выдержал:

— Дайте-ка мне, Семен Иванович, еще раз на картинку взглянуть. Может быть, я ошибся? — но, повертев в руках фоторобот, сказал: — Она. Никаких сомнений. У меня зрительная память хорошая.

Бугаев спрятал карточку в карман и достал фоторобот Гоги. Протянул Казакову.

— Если у вас феноменальная память на лица, может быть, и этого человека вспомните?

— Вы как фокусник с картами, — засмеялся Казаков и тут же воскликнул: — Да, и этого парня я знаю! Даже играл как-то в одной команде.

— Он тоже приличный парень? Удар сильный?

Виктор Николаевич, почувствовав иронию в голосе Бугаева, усмехнулся.

— С ударом у него все в порядке. Но быстро выдыхается, бывает у нас редко, от случая к случаю. Поэтому что он за человек — сказать не могу. Как я понимаю, он и Лена — главные герои трагедии?

— Он — да! Ножом ударили его... А Елена или Марина, как она мне назвалась, случайно в наши сети попала. Но повела себя странно. Вы, Виктор Николаевич, что о ней знаете?

— Да ничего, собственно, — развел руками Казаков. — Играет прекрасно. Удар у нее, действительно, сильный. Мы ведь там, на площадке, почти никогда не знакомимся по-настоящему. Так, ни к чему не обьявляем разговоры. В этом и прелесть. Поиграли и разошлись. Никаких чинов, званий... Никто ни к кому не навязывается. Кроме Плотского, — он покачал головой. — Но этот не в счет!

Бугаев вспомнил, что директор рассказал, как Казаков представился ему доктором наук. «Соврал, конечно, Плотский. Знал о Казакове заранее и сам познакомился с нужным человеком».

— Ну хоть что-нибудь вы о Лене знаете? — спросил он собеседника.

— Если вас интересуют мои ощущения, увя, не основанные на фактах...

— Интересуют, интересуют! — Бугаев был готов зацепиться за любую возможность.

— С паршивой овцы — хоть шерсти клок? — весело сказал Казаков. — Я с Леной раза три в метро ехал...

— Где она выходила? — перебил Бугаев.

— Она живет на Петроградской, а где точно — не знаю. Так вот, у меня создалось впечатление, что женщина она одинокая, неустроенная. Зарплата маленькая. Она мне про зарплату ничего не говорила, но догадаться нетрудно. В театр она часто ходит, на концерты — всегда на галерке, по входным билетам. Ездит на юг — по «горящим» путевкам, почти бесплатно. Ну и еще кой-какие детали. Только о чужой жизни рассказывать как-то неудобно. Вы уж сами ее поспрашивайте.

— Ее сначала найти нужно, — хмуро бросил Бугаев. — А куда она денется? В субботу наверняка придет играть.

— Зачем же ей тогда от меня бегать? Называться чужим именем? А потом, как ни в чем не бывало, приходить туда, где ее сразу найдут.

— Немотивированный поступок. — Мне уже не первый человек об этом говорит, — покачал головой майор.

— А кто первый? Плотский? — Нет, мой начальник. Только ему простительно. Он вашу Марину-Елену в глаза не видел, но вы?! Нет, не похожа она на истеричку.

— Не похожа, — согласился Казаков. Бугаев посмотрел на него с недоумением.

— Не похожа, — повторил Казаков. — Но она женщина, а женщины способны на алогичные поступки.

«Тоже мне, знаток женщины!» — недовольно подумал Бугаев. Он уже начал раздражаться оттого, что разговор принял затяжной характер. Все вокруг да около и ничего конкретного. Казалось, что волейболисты, приезжавшие на поляну, гордились тем, что ничего друг о друге не знают.

— А кто мог бы знать Елену... поближе? — спросил он.

— Представления не имею. К ней все очень хорошо относятся, считают старожилкой поляны. Лена очень контактная, всегда готова оказать какую-нибудь помощь, мелкую услугу...

— Например?

— Да всякие мелочи! Поделиться едой, сходить за водой к реке. Сам видел, как она помогала шоферу Плотского мыть машину. — Казаков вдруг задумался, потом окинул Бугаева оценивающим взглядом: — И вообще, мне кажется, что Лена в него влюблена.

— В шофера?

— Нет, в самого директора. Бугаев встал со скамеечки.

— Спасибо. На всякий случай запишите мой телефон. Вдруг вспомните фамилию, место работы кого-то из своих партнеров — позвоните. — И глядя, как Виктор Николаевич записывает телефон, добавил: — А план, который вы нарисовали, я реквизирую. С вашего разрешения.

Казаков вырвал листок, протянул Бугаеву. Когда майор подошел к проходной, Казаков его окликнул. Он бежал следом, легко и дружинисто.

— Семен Иванович! Вспомнил. — Виктор Николаевич, довольный, улыбался. — Такая простая фамилия — Травкина. Я пошел в другой корпус, а там на газоне траву косят. Вот и вспомнил.

— Спасибо, — улыбнулся в ответ Бугаев. — Это уже что-то!

— Только вы про сигареты... — Казаков прижал палец к губам. — Ни-ко-му.

9

К концу рабочего дня в кабинет полковника заглянул Белянчиков, молча положил на стол старенькую, выцветшую папку, на которой было написано: «Дело № 880». И еще: «Военный трибунал г. Ленинграда. Хранить постоянно. Начало 12/VI 43 г.».

— Всю надо читать или ты изложишь самую суть? — Начи, — многообещающе сказал Белянчиков. — Тебе это будет интересно вдвойне. А если о сути — так это папочка про хозяина комнаты с каминном. Он же, если я не ошибаюсь, хозяин шкатулки с драгоценностями...

Полковник заинтересованно раскрыл папку. Маленький желтый листок выпал оттуда. Корнилов взял его в руки. Это была полуистлевшая записочка, торопливо написанная карандашом: «Сходи к Вере в Гостиный двор вход с Невского ф-ка медунаглядных пособий внутри двора. Пусть она срочно сходит к Максусу пусть тот все бросит и поможет меня спасти надо нанять защитника нет ли кого знакомого у Сережи милицейской шишки, словом спасайте иначе я погибну умоляю во имя всего святого все надо сделать быстро примите все возможные меры нет ли у Миши связи в судебном мире Целую вас».

Крик о помощи.

«Наверное, записку перехватила охрана при попытке передать из тюрьмы», — подумал Игорь Васильевич.

А дело в синенькой папке на первый взгляд заключалось банальное. Но в своей банальности страшное. Один мужчина — директор продовольственного магазина и две женщины — продавщицы «путем обвешивания и обмана потребителей сэкономили и расхищали продукты» в блокадном Ленинграде. Воровали у людей, умиравших от голода. Протоколы допросов, очных ставок, показания, описи имущества. И новые показания: «На первом допросе я дал

следствию ложные показания, но сейчас я почувствовал, что, скрывая основных виновников преступления, я делаю вред государству. Хочу рассказать всю правду...» А через несколько страниц еще более полное, более «искреннее» признание...

Корнилову стало не по себе. Он почувствовал смутное раздражение на Белянчикова, подсунувшего ему эту папку, на себя — за то, что принял ее листать! Ему не раз приходилось листать похожие синие папочки. И за обесцвеченными, выгоревшими от времени строчками всегда вставали такие яркие, такие горькие воспоминания, что он надолго терял душевное равновесие. Белянчикову было интересно читать синие папки. Он узнавал из них о том, как много лет назад в его родном городе рядом с героизмом уживались стяжательство и подлость. А Корнилов узнавал среди обманутого и обвешенного себя и никак не мог отделаться от привычки подсчитывать украденные килограммы хлеба и масла, обозначенные в протоколах, и прикидывать, сколько ребят из его класса можно было бы кормить этим хлебом и маслом. И как долго. Вдобавок к жидкому соевому супу, который стали давать весной 1942-го. Для него события, описанные сухим языком судопроизводства, были частью его жизни. Со стяжателями и ворами у него были старые счёты.

...В мае ему принесли повестку, приглашали прийти в 30-ю школу на Среднем проспекте. Игорь пришел. Оказалось, что собрали всех учеников школы, оставшихся в городе и переживших самое тяжелое блокадное время. Собрали не для учебы, а немножко подкормить.

Ребята с трудом узнавали друг друга. Подходили, спрашивали: «Ты такой-то?» Похожий на тень человек улыбался и кивал. И происходило словно бы новое знакомство со старыми друзьями. Только осталось-то их совсем немного...

Незнакомая учительница, сверившись с классным журналом их третьего «Б», выдала талоны на обед. Обед состоял из тарелки соевого супа. Но не столько этот суп, сколько возможность опять быть вместе, в коллективе, преобразила ребят. Очень быстро они оттаяли, у большинства исчезла засевшая, казалось, навечно печаль в глазах. И уже слышался смех, и хоть и робко, но они пытались играть.

Очень недолго кормили ребят супами в какой-то столовой на Среднем проспекте. Потом, явившись в один прекрасный день к этой столовой, они нашли ее закрытой. Пришла учительница, объявила, что сегодня обеда не будет, а завтра чтобы все приходило на 10-ю линию, в дом 4. Кормить теперь будут там. И никаких объяснений. В новой столовой тот же суп оказался и гуще, и вкуснее. Мальчики радостно удивились — почему бы это? Соя-то везде одинаковая. А потом узнали — повара и официантки в той столовой воровали. «Гады!» — говорили ребята между собой. — Взрели бы их хорошенько!»

В новую столовую Корнилов ходил до самой осени, до отъезда в эвакуацию. И только один раз остался без супа — официантки едва успели расставить тарелки, как рядом со столовой разорвался снаряд. Осколками повыбивало окна, в суп полетели стекла, известка. Кое-кого из ребят поцарапало. Хорошо, что столовая была в полуподвальном помещении... Перепуганная учительница металась от стола к столу, проверяя, не ранен ли кто всерьез. Потом, обессиленная, села на стул и, улынувшись, сказала:

— Ну вот, ребятки, без супа, но зато живые.

Уж сколько воронок от снарядов и бомб видели ребята за это время, сколько разрушенных домов, погибших людей, а не утерпели — побежали собирать осколки. Игорь нашел осколок, похожий на всадника с лошады. Он был еще теплый, с острыми, словно бритва, краями. Корнилов даже увез его в эвакуацию, в пермское село Сива. И там сменялся с одним местным мальчиком на две шапки.

Ожидание следует.

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

СМЕНА 31

Италия, небольшой зал оперного театра города Буссето, который называют городом Верди. Здесь великий маэстро слушал свои оперы в исполнении лучших итальянских певцов, а за дирижерским пультом нередко стоял молодой Тосканини. Именно поэтому спустя столетие церемония присуждения звания лучшего певца сезона в Италии проходит в театре Буссето.

В 1982 году этого почетного звания был удостоен ленинградский тенор Юрий Марусин. Ему — первому из советских артистов — была вручена Золотая медаль Верди — Тосканини.

Вручение медали состоялось после блистательного выступления Марусина в знаменитом миланском театре «Ла Скала» в труднейшей партии Габриэля в опере Д. Верди «Симон Бокканегра», где партнерами певца были звезды мировой оперной сцены — Мирелла Френи, Пьетро Калучилли, Николай Гяуров, дирижер Клаудио Аббадо.

...Юрий родился после войны в не-

И Юрий запел. Сначала неровно, волнуясь, а затем, понемногу обретая уверенность, чувствуя, что голос звучит хорошо, запел во весь голос — широко и свободно.

Дойдя до финального верхнего «до» в арии и желая показать все, на что способен, Юрий закатил такую фермату, что удивил даже выдавших виды педагогов. Лицо профессора стало доброжелательным, приветливым.

— Ну что ж, для начала неплохо, очень даже неплохо, — сказал он, внимательно вглядываясь в молодого лейтенанта. — Вы поступили очень разумно, придя к нам. У вас есть... — он остановился, явно сдерживая себя и стараясь не сказать ничего лишнего, — определенные способности.

Елена Матусовская знают, сколько было пережито тяжелых мгновений. Иной раз казалось, что нет движения вперед, и приходила навязчивая мысль: не лучше ли навсегда распрощаться с певческой карьерой...

...Осенью 1976 года Юрию Марусину и Аушре Стасюнайте первым из советских певцов довелось выступить в Верчелли (Италия) на XXVII международном конкурсе имени выдающегося итальянского скрипача и композитора, предшественника Паганини, — Джованни Баттиста Виотти. Лауреатами этого конкурса в свое время были такие известные певцы, как Р. Скотто, М. Френи, К. Бергонци.

Трудность соревнования заключалась в том, что оно проходило без оценок в баллах. После каждого тура жюри объ-

едно берет верхнее «до», не сравним ни с кем! У него большое будущее.

Первое место и золотая медаль конкурса Виотти впервые были присуждены русскому тенору.

...Однажды Юрию сообщили, что с ним хочет познакомиться Сергей Яковлевич Лемешев. С волнением переступил молодой певец порог квартиры кумира своей юности.

По просьбе хозяйина Юрий пел. Одна за другой звучали арии, неаполитанские песни, затем романсы. Сергей Яковлевич слушал с видимым удовольствием и чуть ли не после каждой арии настойчиво требовал: «Ну, а теперь — арию Ленского», — партию, в которой сам он имел поистине легендарный успех и которая для него была так дорога.

Однако Юрий уклонялся от исполнения просьбы и пел что-нибудь другое. Наконец, когда отказываться стало уже нелепо, сказал:

— Сергей Яковлевич, в вашем присутствии я просто не имею права петь эту арию.

«Вот это голос, — восхищался Сергей Яковлевич. — С таким голосом можно покорить мир!»

Звук его голоса пленяет свежестью, романтической одухотворенностью, эмоциональностью. Именно за эту индивидуальность тембра, глубоко воспри-

Уважаемая редакция! Уже много лет я с удовольствием читаю материалы клуба «Музыка с тобой». Интересная музыкальная страничка. И очень нужная. Хорошо, что вы рассказываете не только об эстрадных исполнителях. В прошлом году с удовольствием читала о балете, о фольклорной группе Назарова, порадовала и статья о «трех китах» классической музыки — Бете, Генделе, Скарлатти. Я очень люблю оперу. Сколько у нас прекрасных оперных певцов! Какие голоса, какая культура исполнения! Но как мало мы, молодые, знаем о них...

Ирина КРОШКИНА,
Магаданская обл.

ВОЛШЕБНЫЕ ЗВУК

большом уральском городке Кизел. На одной из уральских шахт работал его отец. В семье Марусиных любили песню. Отец играл на баяне, а дети, две дочери и старший сын — пели под его аккомпанемент русские народные песни. Вскоре в семейный ансамбль включился и Юрий, самый младший.

Однако к двенадцати годам пение он забросил. Его все больше занимали книги и рассказы о прославленных полководцах, пограничниках, о войне. Сначала мечтал быть геологом, как старший брат, но затем решил стать кадровым военным.

Его направили служить в Заполярье. И в это время у него возникло страстное, неудержимое желание петь. Как вспоминает Марусин, он уже не мог не петь, и даже мысли, казалось, пелись...

Через полтора года был откомандирован в Ленинград в только что организованный ансамбль песни и пляски Северо-Западного пограничного округа.

Однажды Юрий увидел консерваторскую афишу, где оповещалось о прослушивании и приглашались все желающие. Но в тот день коллектив ансамбля должен был уезжать в Мурманск. Времени оставалось в обрез, и он в военной форме поспешил на Театральную площадь.

Консерваторская обстановка сразу отрезвила его. Он прислушался к разговорам: кто-то собирался петь арию Хозе, кто-то — Радамеса, говорили даже об Отелло. Стало не по себе...

Наконец, Марусин в аудитории. Профессор, смерив абитуриента испытующим взглядом, спросил:

— Что вы собираетесь нам спеть?

— Арию Рудольфа из оперы Пуччини «Богема».

Взъерошенный юный лейтенант в гимнастерке и сапогах настолько не отвечал облику представителя парижской богемы, что все улыбнулись.

Профессор назидательно произнес: — У нас арией Рудольфа заканчивают консерваторию, а не поступают с ней. Но раз у вас больше ничего нет, встаньте вон там, у рояля, и начинайте...

Портрет солиста ленинградского Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова, лауреата Государственной премии СССР, народного артиста РСФСР Юрия МАРУСИНА

Марусин был принят в консерваторию в класс профессора Евгения Григорьевича Ольховского, известного в прошлом баритона Мариинского театра, выступавшего вместе со многими замечательными русскими певцами.

До сих пор помнит Юрий первую встречу с Евгением Григорьевичем. Прослушав арию Каварадосси, профессор сказал:

— Никаких арий. Садимся на «манную кашу»: Глинка и старые итальянцы.

Первые годы учебы оказались самыми трудными. Нелегко было сознавать, что в то время, как многие его сверстники получили специальность, обрели профессию, уже работают, он, по существу, только начинал творческую жизнь, был студентом, жил в общежитии. Но все отходило на второй план, когда Юрий попадал в класс для занятий или пел в спектаклях оперной студии.

С третьего курса Марусин — солист Академического Малого театра оперы и балета.

Он искал свой исполнительский стиль, своих героев, собственное артистическое «я». Особенно трудно давались, казалось бы, наиболее эффектные «фрачные» герои, требовавшие изысканной, но строгой пластики, поэтической элигантности пения. Артиста же больше влекли герои сильных страстей, полные жизненной достоверности, экспрессии, борьбы.

Лишь сам певец и его концертмейстер

являло имена певцов, прошедших в следующий тур.

В состав жюри, возглавляемого известной в прошлом солисткой «Ла Скала» и Метрополитен-опера Каролиной Сейрейрой, входили многие знаменитости, в их числе популярный в Италии педагог и антрепренер В. Дель Монако, брат выдающегося певца.

Уже в первом «анонимном» туре выступление Марусина произвело сенсацию.

Во втором туре, где из сорока певцов осталось девятнадцать, Юрий должен был петь днем, но неожиданно увидел свою фамилию в списке вечернего выступления. Когда Матусовская поинтересовалась в жюри, чем вызвано это внезапное изменение, Сейрейра ответила:

— Он уже «звезда». Ему надо петь только вечером, когда голос «проснулся» и звучит с наибольшей яркостью и красотой.

Последнее заседание жюри длилось до двух часов ночи. На первое место претендовали два тенора: Марусин и японец Вакамото, певческая манера и голос которого очень напоминали замечательного итальянского певца Тито Скипа. Чаша весов склонилась то в одну, то в другую сторону. Решающим аргументом послужило выступление Дель Монако, который заявил:

— Только Марусин. Голос лучше, диапазон шире. Тенор, который так сво-

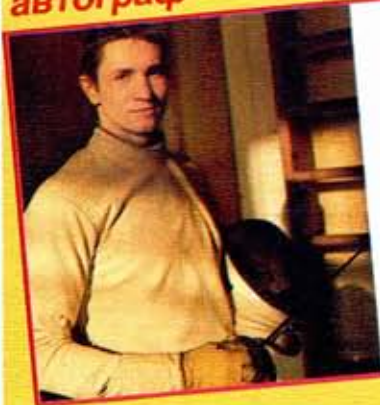
нятый стиль исполнения итальянской музыки так полюбился русский тенор на родине бельканто. В то же время пению Марусина присуща проникновенная, подлинно русская интонация, психологически выдержанная, песенно-распевная, выразительная. В его голосе всегда слышится родное, русское «то раздолье удалое, то сердечная тоска». Выдающийся советский композитор Г. В. Свиридов как-то сказал певцу: «Вы — тот исполнитель, тот русский тенор, о котором я всегда мечтал».

Сейчас Юрий Марусин — солист Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Уже первая его работа — партия Ленского в осуществленной Ю. Темиркановым постановке оперы П. Чайковского «Евгений Онегин» — стала новой удачей певца. Артист трактует образ Ленского в лемешевских традициях — искренне, взволнованно и одновременно строго...

И все же с наибольшей художественной выразительностью прозвучала в исполнении артиста новая для него партия Эдгара в опере Г. Доницетти «Лючия ди Ламермур». Отчаяние и скорбь, мечтательная грусть и страстная решимость, лирический пафос и трагическая иступленность, преломленные в подлинно белькантовской манере пения, делают созданный артистом образ эмоционально ярким, волнующим и совершенным. А впереди новые роли, новые концертные программы...

Спортивный автограф

«Пятиборье не принадлежит к популярным видам спорта, — пишет в «Смену» инженер Леонид Каштыков из Саранска, — но помотришь на парней, представляющих пятиборье, и невольно зауважашь их: сколько мощи, своеобразной пластики, спортивного таланта требует каждый из пяти видов спорта!»

Подобных писем немного. Об имениных фигуристах и хоккеистах пишут куда больше. Но мы верны своему слову — идти навстречу читательским пожеланиям о встрече в «Спортивном автографе» с прославленными бойцами самых разных спортивных профессий. Итак, сегодня рассказ об олимпийском чемпионе, двукратном чемпионе мира Анатолии Старостине.

Когда в июле 1980 года 20-летний Анатолий Старостин стал самым юным за всю историю современного пятиборья олимпийским чемпионом, в спортивном мире поднялся переполох: даже ведущим специалистам эта фамилия мало что говорила. И хотя выиграл юноша убедительно, раздавались голоса, высказывающие сомнения в правомерности его победы. Повезло, мол, парню: фавориты сорвались, вот и проскочил.

Были, правда, люди, вспомнившие старую мудрую истину: Олимпийские игры можно случайно проиграть, но нельзя случайно выиграть. Один из них — Павел Леднев, целая эпоха в пятиборье. Именно он, по общему мнению, как никто другой, заслуживал «золото» московской чеканки в своей четвертой и последней олимпийской попытке. Была, право, какая-то несправедливость в том, что три предыдущие оказались неудачными для него, тогда уже четырехкратного чемпиона мира. Но спорт есть спорт: в Москве Старостин оказался сильнее. Леднев тогда откровенно высказался по этому поводу:

— В успехе Анатолия нет и доли случайности. У него истинно олимпийский характер. Наблюдают за ним, и возникает ощущение, что он способен сделать не просто то, что может, а то, что нужно. Не для себя — для команды.

Вторым человеком, признававшим за юниорами право на триумф, был сам Анатолий Старостин.

В свое время его в пятиборье привел

*Тема вырвана во многом
зависит от поддержки болельщиков
Нам, пятиборцам, было бы приятно
ощутить эту поддержку от читателей
любимой много «Смены»*

старший брат, Александр. И не с мечтой о будущих победах, а чтобы хоть как-то от улицы отвлечь, ибо сдержанностью Старостин-младший в детстве отнюдь не отличался. И, представьте, маленькому душанбинскому забияке понравилось: пять видов сразу, где еще найдешь такое разнообразие! Только вот успехов ощутимых долго не было. Характер, правда, говорили, у парня неуступчивый, дерзкий — словом, спортивный. Должен когда-нибудь «стрельнуть». Вот он и «выстрелил» в олимпийском году.

Своим скептически настроенным оппонентам после Олимпиады Старостин решил ответить, с его точки зрения, единственно убедительным доказательством — новыми победами.

— Это был, конечно, суровый, но своевременный урок, — вспоминает Анатолий. — Чужие ошибки со стороны хоть и виднее, но учимся мы почему-то больше на своих.

Красноречивее всего подтверждают это результаты: на четырех последних мировых первенствах — два раза «серебро» и дважды «золото». В личном зачете. Команда же, ведомая теперь уже им, признанным лидером, выходила победительницей трижды!

Надежность Старостина как командного бойца определяется его ровной многоборной подготовкой. Старостин — универсал высочайшего класса. У него нет слабых и сильных видов, есть пятиборье — вид главный и единственный.

На знакомство с лошастью, к примеру, дается двадцать минут. Человек должен почувствовать характер животного, а лошадь — почувствовать, кто на ней поедет: всадник или «пассажир». Очки им добывать вдвоем. На чемпионате мира 1983 года во время такого вот знакомства лошадь упала и чудом не придавила Анатолия. Через две минуты он должен был на ней стартовать. Старостин помог коню встать, потрепал по загривку — ничего не случилось, друг, — и чисто проехал маршрут.

После конкура — фехтование. На своем победном мировом первенстве в итальянском городке Монтекатини-Терме во время боя между Старостиним и датчанином Хелстерном арбитр сначала дал команду «стоп», а потом вдруг засчитал укол, нанесенный соперником Старостину уже после остановки поединка. Такой оборот дела кого угодно мог выбить из колеи, но только не Анатолия. Он вообще к исходу фехтовальных боев относится философски — единственный укол можно нане-

сти или получить случайно. А за каждым поединком следует новый, и опять надо доказывать соперникам и судьям, кто сегодня сильнее. В Италии Старостин добился уникального результата, одержав на дорожке 50 побед. Осенью, как всегда, сядут они с тренером Александром Ивановичем Бизяевым и обстоятельно разберут прошедший сезон. И каким бы он ни оказался, пусть даже «золотым», вывод будет один: работать надо еще упорнее. И придет зима, так называемый подготовительный период. За день Анатолий успевает поупражняться как минимум в четырех видах, в среднем по полтора часа на каждый.

На что же еще у него остается время при таком ритме жизни? На многое! Хватило его, например, чтобы окончить институт физкультуры, получить специальность тренера. Сейчас все юниоры в сборной как бы под его опекой.

Есть у Старостина одна любопытная особенность — он не любит, чтобы друзья или близкие присутствовали на соревнованиях с его участием.

Жена Ольга, в прошлом стрелок из лука, к примеру, ни одного старта Толиного не видела. И вообще о пятиборье в их семье говорить особенно не принято. («А то получается — на работе о работе и дома о ней же. Что у нас, других тем нет?»)

Как он относится к популярности? Да никак, потому что ее у него попросту нет. Ни в Москве, ни в Душанбе, ни в Риме на улицах его не останавливают и автограф не спрашивают. Пятиборье пока не очень популярно, и его лучших представителей в лицо не знают. Обидно. Ведь это очень мужской спорт. Очень трудный, требующий от спортсмена максимальной самоотдачи, высочайшего искусства, огромной воли и сил.

Сергей МИКУЛИК

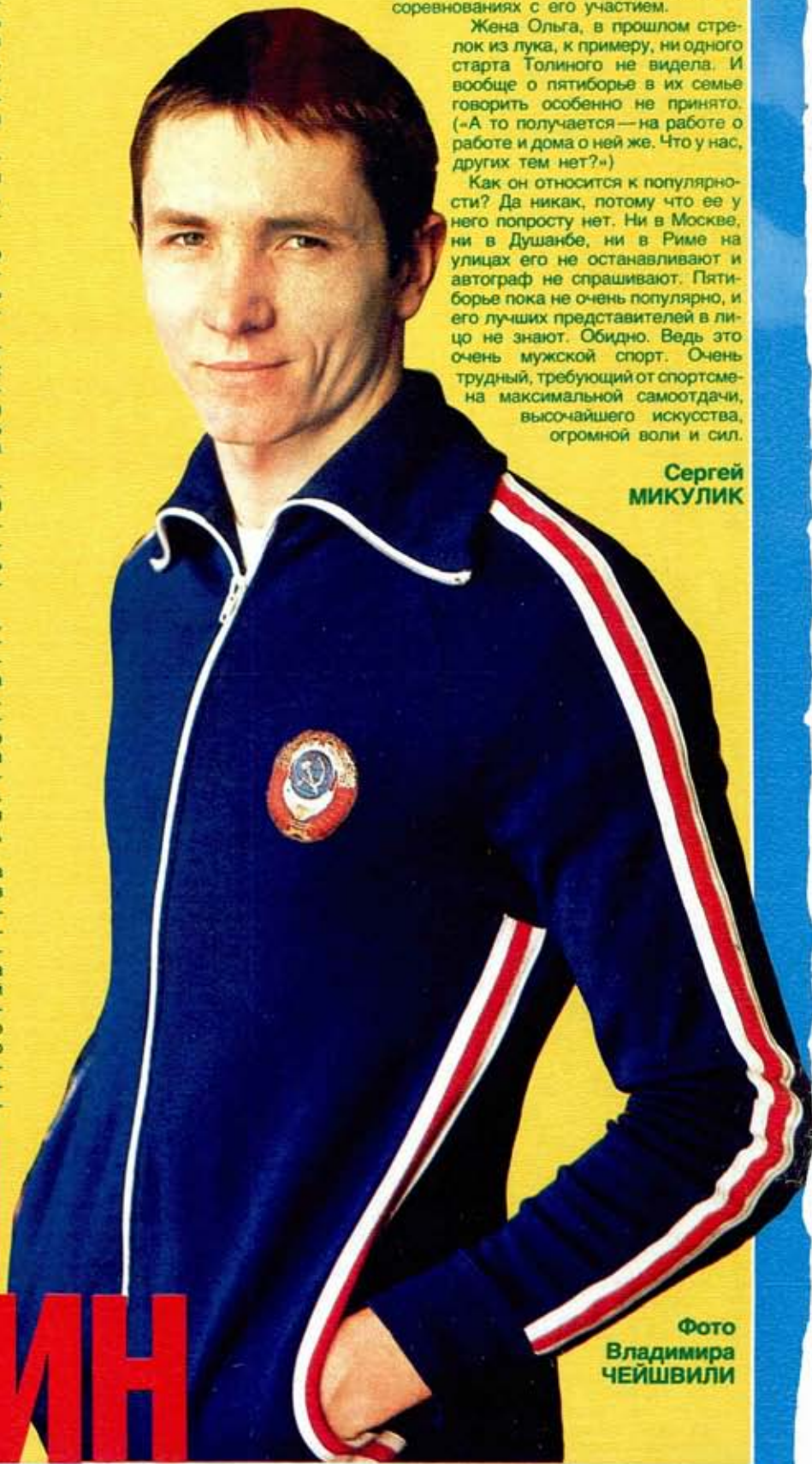

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

АНАТОЛИЙ СТАРОСТИН